

ISSN 1605-7880

Том 82, Номер 4

Июль – Август 2023

ИЗВЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

<https://ras.jes.su/sliya>

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 82 № 4 2023 Июль—Август

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанти* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

© Российская академия наук, 2023
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2023
© Редакция журнала “Известия РАН.
Серия литературы и языка” (составитель), 2023

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk

SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

**Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language**

Volume 82 No. 4 2023 July–August

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tatiana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2023
 - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2023
 - © Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2023, Том 82, Номер 4

Клавдофора: Пришвин и два Платонова	
<i>А. Н. Варламов</i>	<i>5</i>
“Горьковская” мистификация Бориса Садовского	
<i>Ю. А. Изумрудов</i>	<i>11</i>
Динамика повествовательных мотивов в романах Достоевского и Мамлеева	
<i>О. А. Богданова</i>	<i>25</i>
Изменяющаяся сущность (размышления над черновиками Е. Н. Коншиной)	
<i>Р. Б. Ахметшин</i>	<i>35</i>
М. Н. Муравьев и Д. И. Хвостов: проблема успеха при дворе Екатерины II	
<i>А. Д. Ивинский</i>	<i>43</i>
В никуда: от поэтизма до элемента обыденного языка	
<i>И. В. Фуфаева</i>	<i>55</i>
Творчество Ш. Сореля в контексте дебатов о правдоподобию во французской эстетике XVII в.	
<i>К. Е. Ермилова</i>	<i>63</i>
Однокоренные слова: между синонимией и паронимией	
<i>Д. В. Якунина</i>	<i>70</i>
Фазовая полярность: нарушенное ожидание или контраст?	
<i>О. С. Волков</i>	<i>82</i>
Синестетические словосочетания в параллельном мультязычном корпусе	
<i>П. В. Ярошенко</i>	<i>91</i>

Рецензии

Савкина И. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 472 с. (Серия “Гендерные исследования”)	
<i>В. Б. Зусева-Озкан</i>	<i>100</i>
Вишневская Г. М., Левина Т. В. Фонетическая рапсодия (краткий энциклопедический словарь биографий ученых-фонетистов). М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2021. 296 с.	
<i>Ю. Ю. Макаров</i>	<i>103</i>

Хроника конференции

Международная научная конференция “Русская разговорная речь начала XXI века” (Четырнадцатые Шмелевские чтения)	
<i>А. Р. Пестова</i>	<i>110</i>

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2023, Volume 82, Issue 4

“Clavdophora”: Prishvin and Two Platonovs <i>A. N. Varlamov</i>	5
The “Gorky” Hoax by Boris Sadovskoy <i>Yu. A. Izumrudov</i>	11
Dynamics of Narrative Motives in Dostoevsky’s and Mamleev’s Novels <i>O. A. Bogdanova</i>	25
Altering Nature (Speculations over Elizaveta Konshina’s Draft Papers) <i>R. B. Akhmetshin</i>	35
M. N. Muravyov and D. I. Khvostov: The Problem of Success at the Court of Catherine II <i>A. D. Ivinskiy</i>	43
<i>V. Nikuda</i> (“To Nowhere”): From Poeticism to the Element of Everyday Language <i>I. V. Fufaeva</i>	55
The Works of Charles Sorel in the Context of the Debate on “Vraisemblance” in the French Aesthetics of the 17 th Century <i>K. E. Ermilova</i>	63
Common-Root Words: Between Synonymy and Paronymy <i>D. V. Yakunina</i>	70
Phasal Polarity: Violated Expectations or Contrast? <i>O. S. Volkov</i>	82
Synesthetic Word Combinations in a Parallel Multilingual Corpus <i>P. V. Iaroshenko</i>	91

Reviews

[Review:] Savkina, I. Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Female Literature. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023, 472 p. (“Gender Studies” Series) [In Russ.] <i>V. B. Zuseva-Özkan</i>	100
[Review:] Vishnevskaja, G. M., Levina, T. V. Phonetic Rhapsody (A Brief Encyclopaedic Dictionary of Biographies of Phoneticians). Moscow: Izdatelskij dom Akademii Estestvoznaniya Publ., 2021. 296 p. [In Russ.] <i>Y. Y. Makarov</i>	103

Chronicles

An International Scholarly Conference “Russian Colloquial Speech of the Beginning of the 21 st Century” (The Fourteenth Shmelev Readings) <i>A. R. Pestova</i>	110
--	-----

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027384-8

Клавдофора: Пришвин и два Платонова

© 2023 г. А. Н. Варламов

Доктор филологических наук, профессор,
ректор Литературного института имени А.М. Горького,
Россия, 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25
varlamov51@mail.ru

Резюме. М.М. Пришвина и А.П. Платонова принято рассматривать как писателей-единомышленников, представителей русского “космизма”, однако при жизни этих авторов связывали довольно непростые отношения и между ними не раз возникала полемика не только в литературной плоскости, но и по поводу вопросов природопользования и общественного блага. Так, Платонов весьма критически оценил повесть Пришвина “Журавлиная родина” и как писателя, и как мелиоратор. Еще одним раздражающим фактором в этом сюжете стало творчество платоновского литературного “двойника” Алексея Платонова и, в частности, его повесть “Макар – карающая рука”, опубликованная в том же номере журнала “Новый мир”, что и “Журавлиная родина”. В статье подробно рассматриваются скрытые, но при этом очень резкие выпады Андрея Платонова против Пришвина и литературной группы “Перевал”, нашедшие отражение в неопубликованном при жизни писателя предисловии к хронике “Впрок”, и высказывается предположение о том, почему это могло произойти.

Ключевые слова: М.М. Пришвин, А.П. Платонов, журнал “Новый мир”, литературная группа “Перевал”, П.А. Романов (Алексей Платонов).

Для цитирования: Варламов А.Н. Клавдофора: Пришвин и два Платонова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 5–10. DOI: 10.31857/S160578800027384-8

“Clavdophora”: Prishvin and Two Platonovs

© 2023 Alexey N. Varlamov

Doct. Sci. (Philol.), Professor,
Rector of the Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing,
25 Tverskoy Blvd., Moscow, 123104, Russia
varlamov51@mail.ru

Abstract. Mikhail Prishvin and Andrei Platonov are usually discussed as like-minded writers, proponents of Russian “cosmism”; however, during their lifetime, there existed a complex relationship between the two writers, and polemics arose between them more than once. Their debate was not limited to the literary plane; it expanded to include issues of environmental management and public good. Thus, Platonov very critically assessed Prishvin’s novella “Zhuravlinaya rodina” (“The Crane Homeland”) both as a writer and as a knowledgeable landscape ecologist. Yet another irritating coincidence, which added fuel to the annoyance, was the fact that Andrei Platonov’s literary “twin” – Alexey Platonov – happened to contribute his novella “Makar – karaiuschaya ruka” (“Makar-the-Punishing-Hand”) to the very same issue of the “Novy Mir” journal that contained “The Crane Homeland”. The present article examines in detail the hidden, but at the same time very cutting remarks by Andrei Platonov aimed against Prishvin and the literary group “Pass” – the remarks, which found their way into the posthumously published preface to his chronicle “Vprok” (“For the future”). The article ventures to account for such a stance.

Key words: Mikhail M. Prishvin, Andrei P. Platonov (Klimentov), “Novy Mir” literary magazine, the “Pereval” (“Pass”) literary group, Peotr A. Romanov (Alexey Platonov).

For citation: Varlamov, A.N. *Klavdofora: Prishvin i dva Platonova* ["Clavdophora": Prishvin and Two Platonovs]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 5–10. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027384-8

В истории русской литературы XX века есть два замечательных писателя, чьи фамилии не только начинаются на одну букву и их книги стоят рядом на книжных полках, но и в целом их творчество часто рассматривается как своеобразный заочный диалог единомышленников, ну или по крайней мере авторов, достаточно близких по своему мироощущению. Речь идет о Михаиле Пришвине и Андрее Платонове. Немало научных исследований посвящено общности тем, которые обоих волновали. Достаточно назвать такие серьезные работы, как книги “Художественная философия природы (творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 1920-х — начала 1930-х годов)” Е.А. Яблокова [1], «Путешествие в человечество, эскиз к теме “Платонов и Пришвин”» А.А. Дырдина [2], диссертацию “Философия природы в творчестве М.М. Пришвина и А.П. Платонова” Ю.С. Мохнаткиной [3].

Вместе с тем, надо признать, что в реальной литературной жизни 1920–1930-х годов два писателя выступали скорее как оппоненты. Точнее, оппонентом, и очень яростным оппонентом Михаила Пришвина, был Андрей Платонов. В опубликованной в 1940 году в “Литературном критике” рецензии на книгу Пришвина “Неодетая весна” Платонов предъявлял ее автору весьма жесткий счет. Отрицая “лживую натурфилософию” ухода от человеческого общества, Платонов обвинял старшего собрата в эгоизме и нежелании “преодолевать в ряду со всеми людьми несовершенства и бедствия современного человеческого общества”, укорял его в бесплодном поиске «немедленного счастья, немедленной компенсации своей общественной ущемленности... в природе, среди “малых сих”, в стороне от “тьмы и суеты”, в отдалении от человечества, обреченного в своих условиях на заблуждение или даже на гибель, как думают эти эгоцентристы». Этот сюжет хорошо известен и был не раз описан историками литературы. Менее осмыслен другой критический выпад Платонова в адрес Пришвина, случившийся десятью годами ранее и ставший в каком-то смысле прологом к будущей резкой рецензии на “Неодетую весну”.

Речь идет о предисловии Платонова (оно называлось “От составителя”) к хронике “Впрок”. Сама хроника увидела свет в журнале “Красная новь” весной 1931 года, а что касается предисловия,

то история создания этого неопубликованного при жизни писателя и обнаруженного в его архиве много лет спустя документа была проанализирована в статье Н. Умрюхиной «Первая редакция повести “Впрок”» [4].

Платоновский текст носит чрезвычайно страстный полемический характер, направленный против идей “моцартианства” в искусстве, которые выдвигала литературная группа “Перевал”. “Вопреки с мнением тех идеологических паразитов, которые признают искусство действительностью, пропущенной через эмоционально-индивидуальные, ароматические особенности автора и еще дополнительно окрашенной в эти благоухающие качества писателя, — писал Платонов, — литература должна происходить из чувства коллектива и представлять из себя не букет индивидуальных ощущений, годный лишь для излишества, а — хлеб наш насущный... Литература не служанка для пролетарской революции — рабынь последней не нужно — а ее младшая сестра, такая же мужественная, желающая, чтобы старшая сестра воспитала ее впрок” [4, с. 86–87].

Действительно ли Платонов верил в то, что литературу должен кто-то воспитывать, вопрос спорный, во всяком случае он-то, очевидно, никаких “воспитателей” над собой никогда не признавал и весьма болезненно реагировал на любую критику, но в аспекте интересующей нас темы чрезвычайно любопытен следующий фрагмент его размышлений: “Сальери, конечно, может лишь думать своим рассудком, но не может непосредственно усваивать им коллективного, классового исторического опыта; от этого и сохнет и мучается Сальери, и по заслугам не уважает свой бескровный разум, к которому нет питательной жилы из коллектива, а для равенства в силах, для самоуважения Сальери стремится уничтожить и чужой разум, беря себе на помощь интуицию, то есть нечто произвольно зарождающееся, — дар от бога, а не от людей, ибо к ним Сальери не знает дороги. Он хочет, чтобы и люди питались этой интуицией, а не рассудком, — собственной личностью, а не из коллективного источника. Он бы желал, чтоб насущный ржаной хлеб сознания пропал на земле и в пищу пошла бы подводная клавдофора — редчайшее реликтовое растение из девственных болот, не имеющее никакой пользы для сытости трудящегося человека” [4, с. 87].

Ключевое слово здесь — клавдофора, позволяющее однозначно определить не названную Платоновым критическую мишень, ибо за сохранение сей уникальной водоросли, произрастающей лишь в единственном озере в пойме реки Дубны, да еще где-то на севере Германии, боролся не кто иной, как Пришвин, и именно эта похожая на волшебный шар бархатно-зеленая подводная трава и стала причиной конфликта между двумя классиками XX века.

Пришвин, как будто предугадывая аргументы противников сохранения редкой водоросли, воспроизводит в "Журавлиной родине" — своей важнейшей книге, посвященной природе творчества, — следующий диалог между крестьянином из Талдомского уезда и московским городовым в дореволюционное время:

Он стал с корзиной на Кузнецком, угол Петровки. Сразу окружили его разные люди, и все в один голос:

— Едят?

— Нет, — ответил он, — это не для еды.

— А для чего же?

— Для красоты.

Одни подивились, покачали головой и ушли. Другие приходят.

— Едят?

— Похлебка выходит отличная.

— Почему?

— Двугривенный.

Показалось недорого. Стали бойко покупать. И вдруг городской:

— Покажи права!

— На это права не берут: эту вещь не едят, не варят, не жарят, она только на удивление, красота и больше ничего.

Взял городской один шар, посмотрел, повертел, помял, ковырнул пальцем, пожевал, сплюнул.

— Правда, — говорит, — вещь эта для государства бесполезная и налога за нее не возьмешь. Тоже вещь эта несъедобная, себе взять незачем и тебе дать в морду нельзя: вещь мягкая. А все-таки лучше ты с ней уходи.

Конечно, я писал с хитрецей, прославляя дело мелиораторов, но я спрашивал, известно ли что-нибудь о спуске озера ученым, которым вверено дело охраны памятников природы. В этой фразе и был мой прицел публициста, потому что не мог же я не догадаться, что ученые тут проморгали, а инженеры их обошли [5, с. 387–388].

И чуть раньше: "Тяжело мне было думать, въезжая в Заболотское озеро, что через какой-нибудь месяц чья-то техническая причуда обратит этот редчайший памятник природы в десятиверстный непроходимый ковш грязи" [5, с. 387].

Таким образом, врагом клавдофоры, этого, по выражению Пришвина, "удивительного сердца Земли", "сохраняющего лучистую энергию солнца, тайну всеобщего творчества жизни", выступает как власть дореволюционная в лице

городового, так и представители власти нынешней в лице мелиораторов и инженеров, то есть тех, кто стремился реликтовое болото осушить и использовать для сельскохозяйственных нужд.

Очевидно, что отдавший много лет мелиорации инженер Платонов не мог не воспринять затаенные пришвинские слова как прямой выпад против самого себя и представителей своей профессии, и, таким образом, его критика лежала не только и не столько в плоскости литературной, сколько в отношении к вопросам природопользования, и, если так можно выразиться, касалась "чести мундира". И вот здесь наши авторы действительно выступали как самые настоящие антагонисты. Пришвину было важно природу сохранить, а тяжело пережившему голод 1921 года и писавшему о ту пору, что природа — враг, природа — белогвардеец, природа — контрреволюционер, Платонову — преобразовать ее в пользу трудящегося человека. Пришвин мелиораторов порицал, Платонов — защищал. Один хотел землю улучшить, изменить, другой полагал, что земля сама знает, какой ей быть, и менять на ней ничего не надо.

Ирония этого сюжета состояла еще и в том, что деятельность губернского мелиоратора Платонова протекала в Воронежской губернии, и одним из ее объектов стали верховья реки Тихая Сосна. "Все эти реки, о которых мы учили в учебнике географии: Воронеж, Битюг, Хопёр, Тихая Сосна... их нет. Они заросли камышом. Если раздвинуть камыш, то внизу между камышинками мокро. Платонов прочищает реки. Товарищ Платонов ездит на мужественном корыте, называемом автомобилем..." — писал Виктор Шкловский, встретившийся с Платоновым летом 1924 года в разгар мелиоративной деятельности последнего. Тихая Сосна есть та самая река, по которой нерадивый ученик елецкой гимназии Миша Пришвин совершил в 1885 году побег в Азию, за что его похвалил учитель географии В.В. Розанов, кого будет увлеченно читать посреди воронежского чернозема Платонов и тем поразит Виктора Шкловского, автора одной из первых советских книг о Розанове. То есть Платонов-мелиоратор не только Пришвину досаждал, но и, в сущности, спасал его любимую реку от обмеления. Впрочем, это неизвестное Михаилу Михайловичу обстоятельство к нашему основному сюжету прямого отношения не имеет и любопытно скорее как некий казус и еще одна нить, связующая столь разных персонажей, включая Розанова, но вот что по-настоящему интересно и важно, так это попытаться ответить на вопрос: неужели Пришвин действительно

до такой степени прогневал Платонова своей клавдифорой и, в сущности, не такими уж и резкими нападками на “луговых мастеров”, что именно его, казалось бы, далекого от острых вопросов современности, тихого охотника-натуралиста и воспитателя охотничьих собак, автор предисловия к хронике “Впрок” избрал в качестве своего главного врага и объявил “Сальери нашего времени”, не позабыв этой обиды и десять лет спустя? Но за что? Почему? И вообще, какое было дело Платонову до “Перевала”, тем более что в эту группу входили его воронежские товарищи Андрей Новиков и Николай Тришин, вместе с которыми он успешно работал в “Крестьянской радиогазете”? И наконец, как и почему он вообще на “Журавлиную родину” наткнулся?

Выскажем предположение, что, помимо категорического несогласия с пришвинским отрицанием мелиорации и его борьбой за бесполезную для трудящегося человека клавдифору¹, возмущение Платонова могло вызвать еще одно, на первый взгляд, курьезное, а в действительности весьма серьезное обстоятельство. “Журавлиная родина” печаталась весной 1929 года в “Новом мире”, и если мы возьмем майскую книжку этого журнала, то увидим, что на ее обложке присутствуют два автора: Пришвин и... Платонов. Но не Андрей, а его практически ровесник (он родился в 1900 году) и чем-то даже внешне похожий на него — Алексей, и именно этот второй А. Платонов и стал своего рода триггером завязавшейся дискуссии о различных подходах к окружающей среде и вопросам природопользования. Больше того, кто знает, не будь повесть Алексея Платонова с ее вызывающим, возмутительным названием (об этом чуть ниже) опубликована в том же журнале, что и “Журавлиная родина”, автор хроники “Впрок” о пришвинском сочинении, возможно, ничего бы не узнал, как

¹ Ср. также в “Журавлиной родине”: «Все поручаемые человеку вещи на земле носят такой коварно противоречивый характер, как будто творец создавал их, просто играя, исключительно ради своего удовольствия, но в момент передачи их смазал долгом, как дегтем, отчего вся жизнь для человека на земле получилась: “В поте лица своего добывая хлеб”. Но Клавдифора как была игрушкой, так и осталась... А еще мне приходило в голову, почему бы не написать мне свой роман, как пишут публицисты свои статьи, кого-то ими спасают, кого-то защищают, хотя по этим статьям до того непонятно — правду сказал публицист или наврал, что для разбора наряжают от газеты целую специальную следственную комиссию. В настоящем художественном произведении не может быть лжи, так почему же врали спасают все, что хотят, а я своим правдивым романом, построенным, как публицистическая статья, не могу спасти драгоценную жизнь Клавдифоры?» [5, с. 391].

не узнал бы и о волшебной клавдифоре, и не стал бы на Пришвина столь сильно гневаться. Но возмутительное соединение двух фамилий не могло пройти бесследно, особенно если учесть, что оба новомирских автора — и Алексей Платонов, и Михаил Пришвин — были, как назло, членами “Перевала”.

Алексей Платонов — личность не столь известная, как его великий однофамилец, однако в те времена двух Платоновых нередко путали либо считали одним человеком (так, одна из рецензий на “Епифанские шлюзы” начиналась словами: “Автора этой книги легко смешать с другим Платоновым, Алексеем. Оба они пролетарские писатели, оба одновременно прозаики и поэты”), и “главного” Платонова это не могло не огорчать, учитывая то, как болезненно он относился к двойничеству вообще. В “Записных книжках” с примечанием “Это важнейшее!” Андрей Платонович отмечал: “Когда я вижу в трамвае человека, похожего на меня, я выхожу вон”; “Я не смотрюсь никогда в зеркало, и у меня нет фотографий”; “Если я замечу, что человек говорит те же слова, что и я, или у него интонация в голосе похожа на мою, у меня начинается тошнота”.

Настоящее имя платоновского литературного “двойника” было Петр Алексеевич Романов, которое он после революции по понятным причинам поменял. Почему он взял при этом фамилию Платонов — неизвестно, однако его жизненный путь действительно был чем-то похож на биографии героев Андрея Платонова. “Сын сельского пастуха, Алеша², чье детство прошло в нищете, 14-летним мальчиком (таких не брали на войну) ушел зарабатывать. Плавал матросом по Волге. Потом стал штурвальным на буксирных судах нефтештормов. Через месяц после Октябрьской революции 18-летний юноша вступает в партию, идет в армию, воюет на Южном фронте в 10-й армии рядовым бойцом, становится политработником, участвует в обороне Царицына”, — вспоминал хорошо знавший его писатель, журналист и фотограф Макс Поляновский.

Чем — если не считать политработника — не платоновский “сокровенный человек” Фома Пухов? Да и новомирская повесть Алексея пусть и уступала по своим художественным достоинствам прозе Андрея, но драматическое изображение человеческих характеров на Гражданской войне платоновскому миру не противоречило, недаром платоноведы одно время своему “кормильцу” его сочинения приписывали.

² Точнее было бы сказать Петя.

В сущности, Алексей Платонов вольно или невольно выступал по отношению к Андрею Платонову в роли литературного спойлера, как сказали бы мы сегодня, а какому автору такое понравится? Но самое поразительное и в каком-то смысле скандальное в том загадочном сюжете — название его повести. Опубликованная вместе с «Журавлиной родиной» она называлась «Макар — карающая рука», то есть в ней было использовано то же самое имя, которое буквально через три месяца появится в сентябрьской книжке журнала «Октябрь» за 1929 год в рассказе Андрея Платонова «Усомнившийся Макар», и опять же остается только догадываться, что испытал «настоящий» Платонов, все это увидев. Мало этого, у читателей-то ведь создавалось впечатление, что Алексей Андрея опередил, и, следовательно, опоздавший должен был своего героя либо переименовать, либо смириться. Однако, во-первых, внести исправления в текст скорее всего было трудно чисто технически, ибо рассказ в «Октябре» уже набрали, а во-вторых, надо учесть то обстоятельство, что имя Макар было занято Андреем Платоновым в упоминавшейся «Крестьянской радиогазете», с которой он сотрудничал начиная со второй половины 1928 года, а может быть, и ранее, и первые рассказы о Макаре появились именно там и тогда. Таким образом, исключительное литературное право на «Макара» принадлежало все-таки Андрею. Но знал ли об этом Алексей? Случайно он нарек своего героя Макаром или же своего однофамильца «троллил»? Если да, то с какой целью? Этого не скажет теперь наверняка никто, однако совпадение имен и мотивов могло быть прочитано как горькая насмешка, розыгрыш, если не целый литературный заговор: один автор «Нового мира» нападает на мелиораторов, другой крадет имя героя, и оба при этом состоят на учете в «Перевале», куда еще и Андрея против его воли также по ошибке записали. Как тут было не возмутиться и не ответить? Не заявить, что он не только не имеет никакого отношения к «Перевалу», но сознательно выступает против его идей, тем более что Платонов был вспыльчив и имел обыкновение своим литературным оппонентам публично отвечать?

Итогом всех этих случайных либо неслучайных совпадений и стало платоновское раздражение, вылившееся в горячее, лихорадочное предисловие к «Впроку». И хотя, повторим, оно не было опубликовано, так и оставшись в писательском архиве, факт этот весьма показателен, и здесь можно сделать не научное, но чисто художественное предположение, или, лучше сказать, произвольное допущение. Покатившийся

с вершины камешек платоновской личной обиды мистическим образом спровоцировал негативную реакцию куда более могущественного политического деятеля. Именно два платоновских сочинения — «Усомнившийся Макар» и, в особенности, хроника «Впрок» — обрушили на своего создателя целую лавину сталинского гнева, навсегда испортив Платонову прижизненную литературную репутацию и исковеркав его судьбу. Недаром Андрей Платонович так не любил своих двойников...

Что же в итоге? Клавдофора безвозвратно погибнет³, Платонов будет на несколько лет отлучен от литературы, а Пришвин в 1931 году объявит о своем выходе из «Перевала» и, по собственному выражению, как «отрок в каменной печи» пересидит сталинское лихолетье. Однако в 1946-м, когда у его гениального зоила после публикации в «Новом мире» рассказа «Возвращение» вновь настанут тяжкие времена и он обратится к обработке народных сказок, именно не помнивший обиды Пришвин даст свое положительное заключение, и эта рекомендация Платонову весьма поможет. Что же касается третьего участника той странной истории, всеми забытого Алексея Платонова, то в 1937 году он был исключен из партии и, как считалось, репрессирован⁴, однако мемуарное свидетельство М.Л. Поляновского говорит о том, что Петр Алексеевич Романов-Платонов погиб в народном ополчении под Ельней в октябре 1941 года. Могила его неизвестна, а имя выбито на мемориальной доске с фамилиями московских писателей, не вернувшихся с Великой Отечественной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яблоков Е.А. Художественная философия природы (творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 1920-х — начала 1930-х годов) // Советская литература в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 55–71.

³ Хотя, как знать, возможно, именно слово «клавдофора» фонетически и семантически натолкнуло Пришвина назвать свою знаменитую, классическую повесть «Кладовая солнца».

⁴ Ср. в статье А.Ю. Овчаренко [6]: «В 1937 г. Алексей Платонов был исключен из партии, затем, очевидно, арестован и расстрелян. В фонде редакции «Литературной газеты» в РГАЛИ сохранился документ, проливающий свет на причины этого: «Недавно партийной организацией Гослитиздата был исключен из партии бывший перевалец Алексей Платонов, автор книги «Макар — карающая рука», в которой он с восторгом писал о Троцком. Эту пакость он переиздал в 1934 году». Восторженное отношение к Л. Троцкому в то время было страшным обвинением».

1. Yablokov, Ye.A. *Khudozhestvennaya filosofiya prirody (tvorchestvo M. Prishvina i A. Platonova serediny 1920-kh – nachala 1930-kh godov)* [Artistic Philosophy of Nature (Creativity of M. Prishvin and A. Platonov in the Mid-1920s – Early 1930s)]. *Sovetskaya literatura v proshlom i nastoyashchem* [Soviet Literature in the Past and Present]. Moscow, 1990, pp. 55–71. (In Russ.)
2. Dyrdin, A.A. *Puteshestviye v chelovechestvo. Eskiz k teme “Platonov i Prishvin”* // Энциклопедия творчества А. Платонова [Электронный ресурс: URL: http://www.hrono.ru/proza/platonov_a/dyrdin6.html].
3. Mokhnatkina, Yu.S. *Filosofiya prirody v tvorchestve M.M. Prishvina i A.P. Platonova. Dis. ... kand. filol. nauk.* Владимир, 2005.
4. Umryukhina, N. *Pervaya redaktsiya povesti “Vprok”* // Архив А.П. Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 81–146.
5. *Пришвин М.М. Собр. сочинений: В 6 т. Т. 4.* М.: ГИХЛ, 1957.
6. Овчаренко А.Ю. Два Платоновых: кто же был членом Содружества писателей революции “Перевал”? // Вестник РУДН. Серия “Вопросы образования: языки и специальность”. 2011. № 1. С. 116–120.
2. Dyrdin, A.A. *Puteshestviye v chelovechestvo. Eskiz k teme “Platonov i Prishvin”* [Journey into Humanity. Sketch for the Subject “Platonov and Prishvin”]. *Entsiklopediya tvorchestva A. Platonova* [Encyclopedia of Creativity of A. Platonov]. URL: http://www.hrono.ru/proza/platonov_a/dyrdin6.html (In Russ.)
3. Mokhnatkina, Yu.S. *Filosofiya prirody v tvorchestve M.M. Prishvina i A.P. Platonova. Dis. ... kand. filol. nauk* [Philosophy of Nature in the Work of M.M. Prishvin and A.P. Platonov. Dis. ... Cand. Philol. Sciences]. Vladimir, 2005. (In Russ.)
4. Umryukhina, N. *Pervaya redaktsiya povesti “Vprok”* [The First Edition of the Story “For the Future”]. *Arkhiv A.P. Platonova. Kn. 1* [Archive of A.P. Platonov. Book 1]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, pp. 81–146. (In Russ.)
5. Prishvin, M.M. *Sobr. sochineniy: V 6 t. T. 4* [Collected Works: In 6 volumes. Vol. 4]. Moscow, GIHL Publ., 1957. (In Russ.)
6. Ovcharenko, A.Yu. *Dva Platonovykh: kto zhe byl chlenom Sodruzhestva pisateley revolyutsii “Pereval”?* [Two Platonovs: Who was a member of the Commonwealth of Writers of the Revolution “Pass”?]. *Vestnik RUDN. Seriya “Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost”* [Bulletin of RUDN University. Series “Educational Issues: Languages and Specialties”]. 2011, No. 1, pp. 116–120. (In Russ.)

REFERENCES

Дата поступления материала в редакцию: 30 марта 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 7 июня 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
 Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on March 30, 2023
 Revised on June 7, 2023
 Accepted on June 15, 2023
 Date of publication: August 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027385-9

“Горьковская” мистификация Бориса Садовского

© 2023 г. Ю. А. Изумрудов

Доктор филологических наук,
доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603000, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37
izumrud.nnov@mail.ru

Резюме. Осуществленный в статье контекстный анализ письма Горького Садовскому (включенного в структуру мемуарного очерка последнего “Горький в Нижнем”), в котором приводилась оценка стихотворения адресата “Иоанн Грозный”, позволил установить, что это мистификация. При этом предложена дополнительная аргументация для доказательства выдвинутой И.Н. Сухих гипотезы о том, что опубликованное Садовским письмо к нему А.П. Чехова также есть мистификация. Установлено, что чеховское письмо и статья Садовского “Л.А. Мей” из его сборника критической прозы “Русская Камена” послужили источниками для написания “горьковского” письма. Садовской, в своих полемических целях, так построил логику письма Горького, что в оценках последним правления царя Ивана Грозного обнаружился исторический анахронизм: своими дореволюционными суждениями, спроецированными на время их публикации, Горький как бы поддержал позицию Сталина по Грозному и опричнине и, более того, предсказал ее за десятилетия. Обосновано, что тезис о балладах А.К. Толстого, приведенный в письме Горького, связан прежде всего с саморефлексией Садовского, всегда признававшего свою сопричастность художественным исканиям этого поэта. В эстетической же системе Горького творчество А.К. Толстого занимало незначительное место, и апелляция к нему в литературных спорах пролетарского классика не была характерной.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, А.М. Горький, “Горький в Нижнем”, А.П. Чехов, А.К. Толстой, Л.А. Мей, Иван Грозный, литературная мистификация.

Для цитирования: Изумрудов Ю.А. “Горьковская” мистификация Бориса Садовского // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 11–24. DOI: 10.31857/S160578800027385-9

The “Gorky” Hoax by Boris Sadovskoy

© 2023 Yuriy A. Izumrudov

Doct. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the N.I. Lobachevsky
Nizhny Novgorod State University,
37 Bolshaya Pokrovskaya Str., Nizhny Novgorod, 603000, Russia
izumrud.nnov@mail.ru

Abstract. The contextual analysis of Gorky’s letter to Sadovskoy (included in his memoir “Gorky in Nizhny”), which assessed the addressee’s poem “Ivan the Terrible”, made it possible to establish that this was a hoax. At the same time, additional arguments are proposed to prove the hypothesis put forward by I.N. Sukhikh that the letter by A.P. Chekhov to Sadovskoy published by the latter was also a hoax. It has been established that Chekhov’s letter and Sadovskoy’s article “L.A. May” from his collection of critical prose “Russian Kamena” served as sources for writing the “Gorky” letter. For his polemical purposes, Sadovskoy constructed the logic of Gorky’s letter in such a way that it produced a historical anachronism in Gorky’s assessments of the reign of the Tsar Ivan the Terrible: with his pre-revolutionary judgments, projected at

the time of their publication, Gorky, as it seems, supported Stalin's position on Ivan the Terrible and the oprichnina and, moreover, predicted it for decades. It is substantiated that the thesis about the ballads of Alexey Tolstoy, cited in Gorky's letter, is associated primarily with Sadovskoy's self-reflection, who always acknowledged his involvement with the artistic searches of this poet. In the aesthetic system of Gorky, the work of A.K. Tolstoy occupied an insignificant place, and the appeal to him in the literary disputes of the proletarian classic was not typical.

Key words: B.A. Sadovskoy, A.M. Gorky, “Gorky in Nizhny”, A.P. Chekhov, A.K. Tolstoy, L.A. May, Ivan the Terrible, literary hoax.

For citation: Izumrudov, Yu.A. “Gorkovskaya” mistifikaciya Borisa Sadovskogo [The “Gorky” Hoax by Boris Sadovskoy]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 11–24. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027385-9

Начнем изложение обозначенной в названии статьи темы с чеховского фактора: с сомнений современного авторитетного литературоведа И.Н. Сухих относительно подлинности письма Чехова (от 28 мая 1904 года) Б.А. Садовскому, тогда еще начинающему, мало кому известному литератору, с краткой оценкой его поэмы “Прокаженный”. Вот это письмо, впервые увидевшее свет в 1944 году в журнале “Новый мир” и неизменно затем включавшееся в собрания сочинений классика и служившее в той или иной мере источником сведений для его биографии:

Многоуважаемый Борис Александрович!

Возвращаю Вашу поэму. Мне лично кажется, что по форме она превосходна, но ведь стихи — не моя стихия: я в них понимаю мало.

Что касается содержания, то в нем не чувствуется убежденности. Например, Ваш Прокаженный говорит:

Стою изысканно одетый,

Не смея выглянуть в окно.

Непонятно, для чего прокаженному понадобился изысканный костюм и почему он не смеет выглянуть?

Вообще в поступках Вашего героя часто отсутствует логика, тогда как в искусстве, как и в жизни, ничего случайного не бывает.

Желаю Вам всего хорошего [1, с. 587–588].

Доводы у И.Н. Сухих относительно *сомнений* следующие:

- отсутствует автограф письма;
- о поэме “Прокаженный” ничего неизвестно;
- крайне маловероятно, чтобы Чехов в крайне болезненном состоянии — за полгода до смерти! — “когда даже одну строку любимому родственнику <ему> было нелегко написать”, “мог прочесть опус неизвестного поэта и быстро ему ответить” [2, с. 152–153];

- языковые особенности: факты стилистической неблизости письма чеховской писательской манере и при этом как бы намеренной, едва ли не нарочитой вариации подлинной чеховской

фразы, которая могла быть избрана, по выражению И.Н. Сухих, в качестве модели для Садовского (в частности, из письма А.В. Жиркевичу от 10 марта 1895 года: “Стихи не моя область, их я никогда не писал...”, а также из рассказа “У знакомых”: “Теперь я знаю, что ничто не случайно и все, что происходит в нашей жизни, необходимо”; по поводу последней цитаты И.Н. Сухих отметил: «Отчетливо видно, по какой модели сделан афоризм: чеховская формулировка доведена до щегольства, и к “жизни” еще добавлено искусство» [2, с. 155–156];

- признанная сегодня как неопровержимый факт общая склонность Садовского к разного рода литературным мистификациям¹;

- обусловленность происхождения письма временем его публикации — “К сорокалетию со дня смерти великого русского писателя Антона Павловича Чехова” (именно под такой “шапкой” оно было напечатано в сдвоенном за апрель–май номере журнала): “скорее всего, письмо и было сфабриковано в первые месяцы 1944-го, незадолго перед отсылкой в журнал” [2, с. 152–153].

И исходя из вышеизложенного — резюме: «...место письма маститого писателя А.П. Чехова начинающему литератору Б.А. Садовскому в лучшем случае — в разделе “Dubia” (“Сомнительное”), но, скорее всего, — в главе учебника по текстологии, среди других, уже разоблаченных, литературных мистификаций и подделок» [2, с. 155].

Забегая вперед, заметим: И.Н. Сухих делает очень точные наблюдения, но высказывает только гипотезу, предположение. Для *окончательного, утверждающего: да, действительно мистификация*, — не хватило должных аргументов. Таковые,

¹ И.Н. Сухих так обобщил свои размышления на этот счет: “Борис Садовской, пожалуй, — самый успешный мистификатор/фальсификатор в русской словесности XX века” [2, с. 154].

по нашему глубокому убеждению, открываются только при условии знакомства со всем творчеством Садовского, знания его *метатекста*, всего комплекса его сюжетов, тем и мотивов. И такие аргументы мы попытаемся представить.

В декабре 1940 года в письме к Корнею Чуковскому Садовской сообщал, что “написал бы в полубеллетристической форме очерков” ряд воспоминаний, в частности, “Горький. Знакомство в 1899—01 гг. <...> два письма” и следом — “Чехов (встреча у Тестова, зимой, 1903)” [3, с. 192]. Что это за “встреча у Тестова”, мы не знаем; в своих иностранных “Записках”, писавшихся в 1920-е годы, Садовской упоминает Чехова лишь мимоходом, в двух случаях, вне связи с каким-либо общением и письмом (о последнем и Чуковскому потом ни слова не напишет). И так, самым Садовским соединились — в нашем контексте — эти имена — Горький и Чехов. И.Н. Сухих про “чеховское” письмо заметил, что оно “явилось как яичко к Христову дню” [2, с. 155] — к сорокалетию со дня смерти классика. И напрашивается параллель: также своего рода *христовым яичком* стала уже проанонсированная в письме к Чуковскому “горьковская” публикация Садовского в июньском за 1941 год номере журнала “Звезда” под рубрикой “А.М. Горький. К 5-летию со дня смерти” — мемуарный очерк “Горький в Нижнем” с включенным в него письмом Алексея Максимовича к автору. Еще раз подчеркнем: обе публикации к знаменательным датам — увы, смертным. Быть может, невольно, но уже и в этом сказалась позиция Садовского.

Очерк Садовского давно вошел в горьковедческую литературу, не раз перепечатывался [4]. И хотя письмо из него не приводилось в собраниях сочинений пролетарского классика, тем не менее учитывалось в его общем эпистолярном массиве, цитировалось с соответствующими комментариями [5]; [6]. И, особо подчеркнем, не подвергалось и не подвергается сомнению в плане подлинности и достоверности, в отличие от “чеховского” письма и других подобных “творений” Садовского². Принималось оно за чистую монету и нами, до недавних пор. Так, строки из письма использовались нами как опорные в очерке “Две души: Борис Садовской и Максим Горький” [8].

² Правда, однажды Т.В. Анчугова, цитируя в комментарии к стихотворению Садовского строки горьковского письма, обмолвилась: “Не исключено, что это — мистификация” [7, с. 525]. Но непонятно, относится ли это к словам Горького или к самому стихотворению Садовского. И, кстати, обмолвкой этой краткой все и закончилось, и больше к этому Анчугова не возвращалась. И никаких соответствующих аргументов не приводила. И никто более эту тему не поднимал.

Теперь же полагаем: а не есть ли и это очередная мистификация Садовского?³

Раскроем воспоминания Садовского. Вот фрагмент с цитатами из горьковского письма:

Ровно сорок лет назад в одной из нижегородских газет появилось мое первое печатное стихотворение “Иоанн Грозный”. Я уже был в седьмом классе. По желанию директора гимназии стихи были прочитаны мной на ученическом вечере.

Бывший в числе слушателей Горький пожелал со мной познакомиться. Не помню, кто подвел меня к нему, чуть ли не общий наш земляк И.С. Рукавишников, розовый юноша с рыжей американской бородкой, позже известный поэт⁴.

Пожав мне руку, Горький промолвил несколько одобрительных слов. На мой вопрос, как нравится ему стихотворение, он ответил:

— Я, знаете ли, неважный критик. Но если хотите, пришлю вам письменный отзыв.

Я был уверен, что Горький забудет о своем обещании. Однако через несколько дней пришло по почте письмо:

“Борис Александрович! Ваше стихотворение я показывал различным людям. Все одобряют форму, но никак не содержание. Техники стиха Вы владеете. Возьмем начало:

Окончен пир. За слободою
Погасла майская заря,
И все объято тишиною
В палатах Грозного-царя.
Спокойно дремлет сад тенистый,
Широкий пруд заснул давно,
И только месяц серебристый

³ Литературным мистификациям Садовского мы посвятили специальную статью; в ней, в частности, выделили следующий круг его произведений данного характера: «Это пять “блоковских” текстов (прозаическая “Солдатская сказка”; стихи: “Лишь заискрится бархат небесный...”, “Белая ночь”, две “автопародии”). Плюс — стихи *под Есенина* (“Подражание Борису Садовскому”; сюда отнесем также одну из “блоковских” “автопародий”, потому что <...> Садовской ее и Есенину переадресовывал), *под Некрасова и Степняка-Кравчинского*. А еще “воспоминания” о Некрасове и Степняке-Кравчинском». И далее мы отмечали: “...На очереди прочтение под мистификаторским углом зрения некоторых других дошедших до печатного станка текстов Садовского” [9, с. 80, 81].

Упомянутая выше “Солдатская сказка” стала темой нескольких наших публикаций. Нам удалось доказать, что «данная мистификация, традиционно считавшаяся неприятной шуткой-розыгрышем, будто бы написанной Блоком в 1915 г. на пари с Садовским (напечатать — не напечатать), есть на самом деле полемический отклик монархиста Садовского на поэму “Двенадцать”, поданный с инсказательным изяществом: получалось, — естественно, для проницательного читателя! — что Блок сам себя разоблачал, дезавуировал свои революционные идеи» [10, с. 45—46].

⁴ Рукавишников в 1941 году уже был в мире ином, ничего подтвердить уже не мог: к примеру, обещание Горького написать Садовскому письмо; обычный для Садовского прием упоминать в связи со своими мистификациями умерших людей.

В резное смотрится окно.
Да соловей, не умолкая,
В саду рокошет и поет,
А звезды сыплются, мигая,
И месяц медленно плывет.

Хорошие стихи, но только потому, что они описывают природу”.

Но самый образ царя Горький разобрал:

“Все это звучит фальшиво, — писал он. — У вас тут учебник истории перемешался с балладами Алексея Толстого. Вы не отметили тот факт, что Грозный был великий государственный человек, истреблявший боярство с политической, а вовсе не с личной целью. Никогда он не каялся так слезливо, — и в этом его сила, а не слабость, — как выходит у Вас”.

В заключение Горький писал:

“Конец хорош. Мне кажется, что Ваше стихотворение испорчено примесью исторической тенденции. Но природный талант у Вас есть, и Вам следует теперь развивать его, запастись опытом и знанием. Не обижайтесь! *А. Пешков*” [11, с. 173–174].

Полагаем, горьковское письмо здесь в определенной мере калька с выше разбираемого “чеховского” (или наоборот, ведь, как можно понять из цитировавшегося уже нами письма Садовского Чуковскому, оба сюжета — и горьковский, и чеховский — замысливались в одно время, и не столь уж важно, какой из них получил печатное воплощение раньше), а также фрагмента статьи “Л.А. Мей” из дореволюционной еще книги критической прозы Садовского “Русская Камена”: “Лучше всего ему удаются спокойные описания природы и событий, но когда он переходит к изображению душевных движений или пытается создать характеры, у него получаются вялые общие места. <...> Описание само по себе превосходно, а между тем дальше поэма положительно испорчена бесцветным и нехудожественным переложением евангельской проповеди” [12, с. 374–375]. Соответствия писем обнаруживаются уже на уровне предтекста — предисловий к ним, или, если воспользоваться термином И.Н. Сухих, преамбул. Вот как Садовской предварил свою “чеховскую” публикацию: «В 1904 году, весной, я жил в Москве, в Леонтьевском переулке. Узнав, что рядом со мной поселился Чехов, я послал ему рукопись моей поэмы “Прокаженный”, с просьбой дать о ней отзыв. Ответ был получен через несколько дней» [13, с. 217]. Сравним с этим уже знакомую нам преамбулу к письму по поводу “Иоанна Грозного”: схожесть несомненна, особенно в заключительных фразах *о получении ответа через несколько дней*. Далее — практически идентичный посыл авторов писем относительно собственной малой компетентности в области поэзии, причем в одном случае это в предтексте,

а в другом — в тексте (различия тут лишь частного характера, чисто композиционные, тем более что горьковское письмо приведено не полностью, в разбивку с пояснениями адресата). И тут же — столь же солидарное *о форме и содержании*. У Чехова — “по форме <поэма> превосходна <...> Что касается содержания, то в нем не чувствуется убежденности”. У Горького — “все одобряют форму, но никак не содержание”. Подчеркнем: в оценке произведений — прежде всего положение о форме и содержании, и в смысловом, и в грамматическом построении здесь четкий параллелизм. Оба интерпретатора одобрили форму и раскритиковали содержание. И в связи с последним также по сути дела были едины — в мысли об “отсутствии логики” в концепции героев произведений — Прокаженного и Иоанна Грозного.

Теперь же коснемся приведенных выше строк из статьи о Л.А. Мее. Из них, по сути, сложился важнейший тезис “горьковского” письма: “Хорошие стихи, но только потому, что они описывают природу”. И вот как он развивается: «Но самый образ царя Горький разобрал: “Все это звучит фальшиво. <...> У вас тут учебник истории перемешался с балладами Алексея Толстого. <...> Конец хорош (имеется в виду опять-таки пейзажная картина. — *Ю.И.*). Мне кажется, что Ваше стихотворение испорчено примесью исторической тенденции”» (сравним весьма близкое по смыслу и стилю из статьи о Мее: “...поэма положительно испорчена бесцветным и нехудожественным переложением евангельской проповеди”).

Нельзя не обратить внимание и на явную композиционную переключку фрагментов воспоминаний с письмом Горького с указанной меевской статьей. Налицо принцип симметрии в организации соответствующих текстов: цитируемые начальные части анализируемых поэтических произведений — “Иоанна Грозного” и поэмы Мея “Слепорожденный” — обрамляются, как мы уже показали выше, в определенной мере схожими критическими суждениями о них Горького и Садовского. Причем в упомянутых частях главенствует тема природы, есть близость в тональности и лексике. Сравним эти строки Мея с соответствующими у Садовского (курсив в данном случае и далее наш. — *Ю.И.*):

Истомлен воздух воспаленный,
Земля бестенна; *тишина*
Пески сыпучие *объемлет*:
Природа будто бы больна
И в забытии *тяжелом дремлет*,
И каждый образ, и предмет,
И каждый звук — какой-то бред.
Порой, далеко, точкой черной
Газель, иль страус, иль верблюд

Мелькнут на миг — и пропадут.
 Порой волна реки нагорной
 Простонет в чаще тростника,
 Иль долетит издалека
 Рыкание голодной львицы,
 Иль резкий клекот хищной птицы
 Пронизет воздух с вышины —
 И снова всё мертво и глухо...
 Слабеет взор, тупеет ухо
 От беспредметной тишины... [12, с. 375].

Важно отметить, что в разбираемом нами аспекте перекликаются и те части “Иоанна Грозного” и “Слепорожденного”, что остались за пределами мемуарного очерка и статьи Садовского. Здесь демонстрируются попытки “создать характеры” главных героев (неубедительные, как резюмировалось выше обоими критиками). И в характерах этих общая доминанта: это, по сути, один психологический тип — сознающего свой тяжкий грех и потому страстно жаждущего Божьей милости человека.

Вот как у Садовского в “Иоанне Грозном”:

Иль жаждет казни он и крови,
 Иль ждет прощения Христа?
 Иль снова думы об измене,
 О доле тягостной своей?.. <...>

“Добра народу я желаю,
 Его врагов уничтожаю —
 Но кто видал — терзая их,
 Как сердцем я скорблю о них?..
 Я человек... Прости, о Боже,
 Меня, злодея и раба.
 Я слаб и немощен. За что же
 На трон взвела меня судьба?” [14, с. 23, 24].

А вот как это у Льва Мея:

*В грехах рожденный, наслажденья
 Искать и жаждать ты не смей:
 Ты — сын печали и скорбей,
 Ты проклят в самый день рожденья
 В утробе матери своей!*
 Он так и верил (неизбежно
 С пелен поверить должен был).
 И тяжкий жребий безнадежно,
 Но и безропотно сносил. <...>

Когда же шел Учитель мимо,
 Слепец упал пред Ним во прах,
 И, вдохновленный высшей силой,
 Воскликнул с верою: “Равви,
 Спаси страдальца и помилуй,
 Во имя бога и любви!” [15, с. 23, 24].

Актуализация нами меевского фактора в истории с “письмом Горького” о стихотворении Садовского об Иване Грозном подкрепляется и таким аргументом: Иван Грозный был в числе самых известных персонажей Мея, ему Лев Александрович посвятил две свои лучшие стихотворные драмы “Царская невеста” и “Псковитянка”, где в концепции

образа Грозного “следовал государственной школе С.М. Соловьева, стремясь вместе с тем понять царя как человека, наделенного сильными страстями” [16, с. 27]. Современный исследователь Н.Н. Мутья, анализируя “Псковитянку”, подчеркивает: “Мей рисует Иоанна мудрым, суровым к врагам, но справедливым. Противостоящий ему Псков изображен многопланово. Драматург признает величие цели, к которой стремился Иоанн, но ему жаль гибнущей вольности. <...> А. Толстой и А. Островский опирались на карамзинскую трактовку Грозного, Л. Мей искал союзника в С. Соловьёве, оправдывающем действия царя стремлением укрепить единство и могущество Руси, уничтожить очаги феодализма” [17, с. 177].

Вот на этот счет характерные цитаты из “Псковитянки” — монологи царя Иоанна:

...Ваня, вот тебе завет отцовский:
 Поволит бог меня к себе воззвати,
 И будешь ты царем всея Руси:
 Храни тебя заступница — обидеть
Единого от малых сих... Попомни:
 То только царство крепко и велико,
 Где ведает народ, что у него
 Один владыка, как в едином стаде
 Единый пастырь... Если же подпаскам
 Пастух даст волю... погибай все стадо!..
 Не то что волки, сами будут резать
 Да сваливать вину свою на псов...
 Нет! так бы мне управиться хотелось,
 Русь оковать законом, что бронею.
 Да даст ли бог мне разума и силы?..
 Недужен я... [18, с. 197].

(*Действие пятое. Из обращения царя Иоанна к царевичу Иоанну. — Ю.И.*)

...Тогда я не стерпел!
 Хоть мы порфиру золотую носим,
 Но также тленны, также человеки
 И немощью людской облечены...
 Сыскал вины изменника Алешки
 И всех его советников лукавых,
 И милостивый гнев свой учинил:
 Не положил на них я смертной казни,
 А разослал по дальним городам.
 Потом нашлись другие доброты:
 Вон Курбский — князь сбежал, как вор, в Литву
 Да лается оттуда на меня,
 Что я бояр всеродно погублю!
 Лих лжет он, вероломец и предатель:
 Кладу опалу на рабов ослушных,
 А казнь везде изменникам бывает...
 Да и казненных милую по смерти:
 В монастыри, по грешным их душам,
 Я сколько поминаний рассылаю;
 Своей рукой синодики пишу
 И вклады в дом Божий не скуплюся
 За них, моих злодеев и врагов...

Пушай нас бог на свете том рассудит [18, с. 201–202].
 (*Действие пятое. Общение царя Иоанна с царевичем Иоанном и Борисом Годуновым. — Ю.И.*)

И такой концепции Мея, концепции государственной школы, в целом, был близок Садовской в обрисовке образа Ивана Грозного. Причем не только в юношеском стихотворении, отданном им на рецензию Горького, но и во вполне зрелом произведении, написанном полтора десятилетия спустя, модернистско-мистической повести “Черный перстень” (1914)⁵: “Царь Иван был в полном расцвете мужества, красоты и силы. Ему недавно исполнилось двадцать лет. Прекрасное удлиненное лицо его, с орлиным носом и серыми, немного выпуклыми глазами, под шапкой темных кудрей казалось еще прекрасней. В золототканом одеянии своем, в венце Мономаха и царских бармах, высокий, стройный, как тополь, московский государь поражал величием и благородством осанки. Быстрые очи его взирали благоволятельно на толпу бояр; на их приветствия царь ответил наклоном головы.

Однако уже и в ту пору, перед покорением Казани, проглядывали в царе странные и диковинные черты, отвращавшие от него друзей и как будто несносные подчас самому Ивану. Причудливые странности в обычае и нраве царя выражались разное. То, катаясь верхом по улицам Москвы, вдруг напускал он неожиданно борзого аргамака на мирных горожан, с гиканьем топтал конскими копытами и давил насмерть детей и жен; будто опьянелый, закусив губы до крови и тяжело дыша, любовался царь дико на изувеченные жертвы своей безумной потехи. То, взойдя в церковь во время божественной литургии, проходил прямо в алтарь, брал у перепуганного священника чашу с Дарами и тут же причащался сам, на глазах у паствы. Иногда находили на царя причуды еще странней и нелепей: изошрялся он тогда в мучительствах тонких и необычайных: то бороды приказывал палить смолой виноватым, то травил их борзыми, то по указу его сажали провинившегося боярина в курятник и там держали с курами, пока не изнеможет от голоду боярин. Разное делал царь Иван, но редко на него находила пора безумства и мало кто страдал от нее, ибо никогда царь не убивал до смерти, а только потешался”⁶.

И даже стихотворение 1909 года “Грозный царь” при всей жесткости обрисовки образа Иоанна в целом не противоречило тому представлению о самодержце, что было в юношеском творении.

Это все тот же романтический персонаж, просто в нем акцентирована демоническая сущность характера.

Вернемся же к теме, затронутой нами выше, о переключке оставшихся за пределами мемуарного очерка и статьи Садовского частей “Иоанна Грозного” и “Слепорожденного”.

Читаем у Мея, как герой его прослышал:

...в Тивериаду
Приплыл недавно Иисус
Из Назарета... Поучает
О бже истинном народ,
Бесов молитвой изгоняет,
Недужным помощь подает
И прокаженных очищает... [15, с. 130].

Прокаженных!.. И тут, конечно же, нельзя не вспомнить поэму Садовского “Прокаженный”, будто бы посланной им Чехову. Вполне возможно, меевский текст подсказал Садовскому название его поэмы. Ведь, как мы уже указывали, оба письма — и “чеховское”, и “горьковское” — замысливались в одно время. Полагаем, какого-либо интереса разворачивать чеховский сюжет у Садовского не было: подвернулось словечко — и стало названием несуществующего произведения.

Обобщая, можем заключить: все три текста (два письма и отрывок из меевского очерка) не только совпадают по смыслу, но и (что особенно примечательно) по лексике, стилю, писательской манере. Это, несомненно, одна рука. И всё написано Садовским.

Вернемся к знакомому нам письму Садовского Чуковскому — к намерению написать “в полубеллетристической форме” воспоминания — как отдельные очерки — о Горьком и Чехове (символично, что именно в такой последовательности — сначала горьковская, а затем чеховская — и появились журнальные публикации): “Горький. Знакомство в 1899 — 01 гг. <...> два письма”; “Чехов (встреча у Тестова, зимой, 1903)”. На деле вышло следующее. Ничего “тестовского”, 1903 года, не появилось, как, собственно, и никаких вообще воспоминаний о Чехове. Зато обнаружилось его письмо 1904 года, за полтора месяца до смерти (одна из самых последних чеховских эпистол), которое до этого и “намерениями” не предусматривалось, да и вовсе не существовало.

И в связи с Горьким произошли изменения. Если ранее, в письме Чуковскому, знакомству отводился временной диапазон “1899—01 гг.”, то в журнальном очерке “Горький в Нижнем” сообщалось, что впервые Садовской увидел знаменитого писателя-земляка только в январе 1900 года,

⁵ Авторизованная рукопись повести хранится в фонде “Товарищества издательского и печатного дела А.Ф. Маркса” (РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 288. 53 л.). В 2021 году нами осуществлена ее первая публикация.

⁶ Садовской Б.А. Черный перстень // РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 44—45.

когда вместе с другими участниками студенческого святочного вечера в зале гостиницы “Россия” слушал авторское чтение “Песни о Соколе”; личное знакомство произошло уже в 1901 г.⁷ Из заявленных “двух писем” Горького наличествовало лишь одно. О втором ни слова (да и было ли таковое?). И невольно приходит на ум, что оно как бы преобразилось во вмонтированную в очерк страничку из гимназического дневника Садовского с записью его “непродолжительной беседы” [11, с. 174] с Алексеем Максимовичем на квартире последнего в том же 1901 году (кстати будет заметить, ничего такого в действительных дневниках Садовского нет и никогда он, до декабрьского, 1940 года письма Чуковскому, не упоминал о каких-либо личных контактах с Горьким ни в переписке, ни в дневниках, ни в “Записках”, которым придавал большое значение и которые страстно хотел опубликовать; примечательно, что в последних, насыщенных событиями литературной жизни его эпохи, имя Горького как писателя-современника даже не названо, да и вообще о нем Садовской практически никогда не писал⁸; пока-

зательно также, что в тех же “Записках” о первой публикации в “Волгаре” сказано мимоходом и едва ли не как о какой-то мелочи, в нескольких словах, и тут же на полстраницы — о действительной, октябрьской 1900 г. встрече в тех же гимназических стенах с великим князем Константином Константиновичем, поэтом К. Р., и поднесении ему “голубой с золотом тетради с четко переписанными стихотворениями” [22, с. 143] — своего рода первого (рукописного) сборника начинающего лирика, в котором, собственно, был и “занимал центральное место” [23, с. 135] “Иоанн Грозный”, так что, давалось понять, с этим событием — с вниманием К. Р. — и связывался литературный дебют.

Итак, как можно убедиться, замысел с воспоминаниями о Горьком и его корреспонденцией претерпел существенные изменения, да и немудрено: шел *творческий процесс* (а не воспоминательно-мемуарный), неслучайна ведь и оговорка в доводимых до Чуковского планах о полубеллетристичности мемуаров. И символично, что Чуковский никак не отреагировал на эти планы: ни по Горькому и Чехову, ни по другим темам, связанным с неизданными стихами Лермонтова в бабушкином альбоме, Фетом, Блоком, журналами “Весы” и “Золотое руно” и др. У него уже был горький опыт знакомства с материалами из архива своего корреспондента: перепечатал однажды Некрасовед Корней Иванович из изданных Садовским воспоминаний некоего Н.И. Попова о Некрасове как принадлежащее перу последнего

⁷ У Анастасии Ивановны Цветаевой есть такая, в частности, запись в ее воспоминаниях о встрече с Горьким в Сорренто в 1927 году: «Что он, Горький, говорил? Что запомнилось из его слов о писателях?.. Бориса Садовского уже с 15 лет считал выдающимся талантом. “Помню его в мундирчике, тонким, тонким голосом читающим стихи — как игрушечка. Его очень в семье баловали. Был кумиром. Каждое желание исполнялось”» [19, с. 96]. Здесь, как думается, имеется в виду тот самый гимназический вечер, на котором Садовской выступал со своим “Иоанном Грозным” в присутствии Горького. Но при этом, что показательно, нет ни слова о том, что мог быть разговор автора с Горьким и что тот вызвался быть рецензентом стихотворения.

⁸ Есть лишь пара строк в раннем дневнике (еще не опубликованном), свидетельствующих о глубоком идеологическом неприятии автором Горького и решительно отрицающих возможность доверительного общения с ним (строки эти впервые приведены нами в сборнике материалов научной конференции “Горьковские чтения — 2022”): “Ненависть к Горькому. И теперь тоже. Как и теперь, я ненавидел тогда подмазывателей актеров и писателей к публике” (1901); «Написать стихи: <...> Особый отдел: “Врагам” — всем соц.<иал>-демокр.<атам> и т.п. — Горькому, обругавшему Тютчева мещанином, — клеймо презрения» (1905) [20, с. 242]. Во второй из приведенных дневниковых цитат прочитывается отклик на статью Горького “Заметки о мещанстве”, опубликованную в большевистской газете “Новая жизнь” в 1905 году, в №№ 1, 4, 12, 18 (октябрь—ноябрь). В статье Горький приводит хрестоматийно известные шедевры Тютчева “Не рассуждай, не хлопочи...”, “Умом Россию не понять...”, квалифицируя их как выражение мещанского кредо. В частности, в связи со вторым тютчевским стихотворением, формулируется следующее: “В творениях мещан на эту тему есть много любопытного, но самое замечательное в них — соединение таланта с какой-то истинно восточной ленью ума и татарской хитростью, которой мещане прикрывали эту лень мыслить смело и до конца яркопестрыми словами

восторга пред народом. Немой, полуголодный, безграмотный народ, по уверению мещан, был призван обновить весь мир таинственной силой своей души, но для этого прежде всего требовалось отгородить его от мира высокой стеной самобытности, дабы не коснулся его свет и воздух Запада. Он, еще недавно награда вельможам за придворные услуги, живой инвентарь помещичьих хозяйств, доходная статья, предмет торговли, вдруг стал любимой темой разговоров, объектом всяческих забот о его будущей судьбе, идолом, пред которым мещане шумно каялись во грехах своих. Растерянная, суетливая мещанская мысль, как летучая мышь над костром, завертелась вокруг народа в своих поисках оправдания и примирения”. По антимещанской концепции Горького, в одном ряду с Тютчевым идут Толстой и Достоевский, “два величайших гения”. И тут у Горького такое обобщение: «Вся наша литература — настойчивое учение о пассивном отношении к жизни, апология пассивности. И это естественно. Иной не может быть литература мещан даже и тогда, когда мещанин-художник гениален. <...> ...писатель-мещанин всегда более или менее лакей своего читателя, человеку приятно быть идолом. Ожидаю, что идолопоклонники закричат мне: “Как? Толстой? Достоевский?” Я не занимаюсь критикой произведений этих великих художников, я только открываю мещан. <...> Большая часть их служит насилию прямо, меньшая — косвенно: проповедью терпения, примирения, прощения, оправдания...» [21, с. 351, 354].

стихотворение “Солнышко село. Тюремной решетки...” в Собрании стихотворений Некрасова⁹ [24, с. 439], а оказалось, что оно сочинено самим Садовским.

Вернемся же к знаменательной оговорке Садовского. Именно с *беллетристичностью*, полагаем, и связано самое интересное и основное в публикуемом им горьковском письме — характеристика личности Ивана Грозного. В ней — исторический анахронизм, существенная смысловая неувязка, и получилось так с явного умысла Садовского. В контексте слов Горького заключена скрытая полемика с ним Садовского. Да, собственно, и очерк в целом практически на всех уровнях полемичен герою его, Горькому, его позиции, мировосприятию. Специально к теме Ивана Грозного Горький в своем творчестве не обращался. Но краткие оценки деятельности знаменитого русского самодержца не раз приводил в том или ином контексте. И, как правило, негативного характера. Вот лишь некоторые примеры: “Чтобы оправдать царизм, придумана глупая легенда о божественном происхождении царской власти, а под гипнозом этой легенды, на мой взгляд, у человека, играющего роль царя, необходимо должна развиваться в той или иной степени мания величия. Признаки этой болезни можно видеть в поведении Вильгельма II и Николая II так же ясно, как в жизни Людовика Баварского, Иоанна Грозного, Филиппа II,

Генриха VIII и других буйных больных. Каждый из них, подобно Людовику XIV, был убежден, что государство — это он, король. Явное безумие, не так ли?” (“Тираны”, статья в газете “Независимая Венгрия”, 1907) [27, с. 80]; “Это <Федор Карамазов> — <...> прежде всего — болезненно злая <душа>: душа Ивана Грозного, Салтычихи, помещика, который травил детей собаками, мужика, избивающего насмерть беременную жену, душа того мещанина, который изнасиловал свою невесту и тут же отдал ее насиловать толпе хулиганов” (“О карамазовщине”, 1913) [28, с. 147]; “Поголовное истребление инакомыслящих — старый, испытанный прием внутренней политики российских правительств. От Ивана Грозного до Николая II этим простым и удобным приемом борьбы с крамолой свободно и широко пользовались все наши политические вожди — почему же Владимиру Ленину отказываться от такого упрощенного приема” (“Несвоевременные мысли”, 1918) [29, с. 155–156]. Присовокупим сюда и утверждение, что Иван Грозный и Павел I — “наиболее ненормальные среди русских царей” [30, с. 362]. Правда, у Горького есть и, казалось бы, исполненные иного смысла слова — в “Истории русской литературы”, писавшейся в 1908–1909 гг. и впервые опубликованной в 1939 г.: “...русское боярство после Ивана Грозного принуждено было поднимать свой престиж, свою власть в глазах народа, который хорошо помнил опричнину Грозного, помнил, как боярам рубили головы, разоряли их вотчины. Жестокая кровавая борьба Грозного с боярами была воспринята народом, как борьба героическая со стороны царя, вот почему в народных песнях и сказках Грозный царь является царем мудрым, а главное — справедливым” [31, с. 108]. Но слова эти, скорее, *исключение из правил*: они о фольклорной оценке царя, что, конечно же, не тождественно исторической. И в подтверждение этого тезиса уже четверть века спустя обращение к личности Ивана Грозного в горьковском докладе “Советская литература” на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года: “От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалами” [32, с. 312]. И символично, что данным словам в том же докладе сопутствовало традиционно-разоблачительное: “Короли нефти, стали и прочие

⁹ Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений. М.—Л.: Госуд. изд-во, 1928. С. 439.

В 1931 году, выпуская шестое издание указанного собрания стихотворений, Чуковский в обзоре “Ненайденные и поддельные стихотворения Н.А. Некрасова” отметил: «Года четыре назад в Москве появилась целая шайка подделывателей текстов. Ловкие версификаторы, умело владеющие некрасовской техникой, не раз вводили в заблуждение даже наиболее осторожных исследователей. Особенно удалась им фальшивка “Солнышко село”. Они с таким изобилием правдоподобных подробностей изложили те обстоятельства, при которых это стихотворение было написано и попало к ним в руки, что все некрасоведы поверили им и напечатали его в качестве подлинника (Чуковский имеет в виду публикации этого стихотворения в “Красной газете” (1926), журнале “Красная нива” (1928), а также в выпущенных им ранее изданиях стихотворений Некрасова. — Ю.И.). Мы тоже сделали эту ошибку и поместили “Солнышко” в предыдущем издании стихотворений Некрасова. Лишь в 1930 году Н.С. Ашукину удалось установить, что стихотворение — подделка» [25, с. 646]. В 1978 году текстолог С.А. Рейсер писал: «В 1926 году в Москве поэтом Б.А. Садовским было изготовлено “стихотворение Некрасова” “Солнышко село. Тюремной решетки...”, якобы найденное в бумагах умершего в глубокой старости якобы секретаря Некрасова Н.И. Попова. Стихотворение ввело в обман даже такого тонкого знатока Некрасова, как К.И. Чуковский, напечатавшего его в одном из изданий однотомника Некрасова. <...> Б.А. Садовской был в это время тяжело болен и находился в нужде, поэтому в печати имя его названо не было» [26, с. 108].

намного страшнее и преступней Людовика XI или Ивана Грозного” [32, с. 308].

В свете изложенного видим, что Садовской вложил в уста Горького в значительной мере несвойственные ему слова, во всяком случае для дореволюционного времени. Но главный интерес для нас в том, что горьковские суждения о Грозном 1901 г. как бы проецировались на время их публикации — эпоху абсолютизации культа Сталина — и соответственно Ивана Грозного, которого, начиная с 1930-х годов, официальная пропаганда всячески возвеличивала как любимого исторического героя советского лидера, его первого и прямого предшественника в мудром и самоотверженном деле создания великой русской державы, искоренения национальной измены и крамолы. И нельзя не счесть символическим в этом плане, что именно в 1941 г., как бы в преддверии публикации очерка Садовского, знаменитому кинорежиссеру С.М. Эйзенштейну последовал сталинский заказ на съемку специального фильма о Грозном “как прогрессивной силе своего времени и опрличнине как его целесообразном инструменте” [33, с. 337]. Ситуация едва ли не предумышленная со стороны Садовского; интересно, что один из первых популяризаторов и исследователей творчества Садовского известный литературовед-эмигрант Вадим Крейд, немало не подвергавший, кстати, сомнению подлинность письма Горького, напишет в 1990 году об удивительном сходстве “взглядов” Алексея Максимовича 1901 года (что, в частности, “Садовской ошибается, приписывая Грозному способность раскаиваться, ибо он сильный человек, а каются только слабые”) и Сталина в связи с фильмом Эйзенштейна [34, с. 138]; вот эти взгляды вождя: “Царь <у Эйзенштейна> получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (<...> который готовил абсолютизм для Людовика XIV), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения... <...> Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся

и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее” [35, с. 433–434].

Итак, повторимся, главное для нас в том, что дореволюционные суждения Горького проецировались на время их публикации, и получалось, во-первых, что он поддержал позицию Сталина по Грозному и опрличнине и, более того, предсказал ее за десятилетия (неслучайно, газета “Нижегородская коммуна” в 1944 г., комментируя приведенные Садовским горьковские суждения, с отрядным удивлением констатировала: “Это писалось более сорока лет назад” [36, с. 2]), и, во-вторых, — и это самое существенное, — принял и освятил своим авторитетом утвержденный *Великим кормчим СССР* режим диктатуры и репрессий, новую, невиданную по масштабам опрличнину. Проницательному читателю намечалось: некогда пламенный певец свободы, ассоциировавшийся в умах прогрессивной части российского общества с созданными знаменитым писателем образами Сокола и Буревестника (совершенно неслучайно упоминались в очерке Садовского “Песни” об этих птицах), изменил былым идеалам, смирился, стал *по-ужиному* благоразумным. И, поразительно, могли ведь прийти на ум и развязно-хлесткие словеса идеологического и литературного противника Садовского “напостовца” Л. Сосновского еще 1923 года, что “бывший Главсокол” “Горький записался в партию Ужей и избран Почетным Ужом или Центроужом” [37, с. 88].

В подтексте цитируемых Садовским строк горьковского письма о Грозном явственно слышится: “Если враг не сдается, — его уничтожают” [30, с. 226]; “Нужно истреблять врага безжалостно и беспощадно, не обращая внимания на стоны и вздохи профессиональных гуманистов” [32, с. 389]. Страшный смысл этих слов Садовскому уготовано было познать уже на примере собственной семьи, родных и близких. Его младший брат Александр Садовский по ложному обвинению в контрреволюционной и вредительской деятельности расстрелян в 1938 г. Племянница Софья Богодурова прошла через гулаговские лагеря. Зять Александр Богодуров лишился нажитого имущества, дома, возможности содержать семью. Другой зять Сергей Скворцов пять лет отсидел в тюрьме.

* * *

И вновь — к очерку Садовского. К фразе из приведенного в нем письма: “Все это звучит фальшиво. У вас тут учебник истории перемешался с балладами Алексея Толстого”. У нас есть

обоснованные сомнения относительно того, могли Горький аргументировать свой разбор стихотворения Садовского примером из творчества А.К. Толстого. В известных нам горьковских печатных текстах (а мы специально в этом контексте просмотрели и собрания сочинений, и сборники статей и публицистики, переписку) весьма мало упоминаний об этом писателе; они в основном обобщенно-информативны, неконкретны. Так, в масштабном труде “История русской литературы” имя А.К. Толстого встречается лишь единожды, и не само по себе, а в перечислении группы “интеллигентного дворянства”, “создававшего русское искусство, науку — вообще русскую культуру” [31, с. 154]. Есть также у Горького пара кратчайших отрицательных характеристик романа “Князь Серебряный” (главного в читательском восприятии произведения А.К. Толстого) как “слащавого, лубочного сочинения” [30, с. 254], которое “не токмо не исторично, но даже едва ли литературно” [38, с. 104]. И это опять же, что называется, через запятую, в целокупности с другой, схожей по духу, беллетристичкой.

Очевидно, что в эстетической системе Горького творчество А.К. Толстого занимало незначительное место и апелляция к нему в литературных спорах пролетарского классика не была характерной. А вот что касается Садовского, тут все иначе, принципиально иначе. И с большой долей вероятности можем утверждать, что тезис о *балладах Алексея Толстого* связан с саморефлексией Садовского. Толстой для него всегда был в числе *знаковых* авторов. В дневнике, ведшемся в пору отрочества и юности, Садовской называл его “любимым поэтом”, “великим человеком”¹⁰. Писал о нем, размышлял в течение всей жизни — в стихах, прозе, литературной критике. Особо значима тут статья 1907 года (времени его активного сотрудничества в символистском журнале “Весы”), анализирующая поэзию А.К. Толстого в контексте определяющего художническое мировидение последнего “чувства прошлого” (с его “духовным консерватизмом”); статья эта примечательна тем, что опосредованно характеризует творческую манеру самого Садовского, акцентирует и его *духовный консерватизм*, его *чувство прошлого* (а потому процитируем ее, тем более что она никогда не републиковалась, а само издание, где была помещена, — библиографическая редкость): «Необычайно вдумчивое и любовное влечение к теньям, витающим во мраке прошлого, — преобладающая черта в поэзии графа Алексея Толстого. Как

всевидящий слепец-гуслиар, для которого не существует действительности, он — всей душой в минувшем. Мечты о былом для многих имеют неодолимо обаятельную прелесть, и многих тянет поглядеться в бездонный его колодезь: не мелькнет ли на дне собственный темный образ? Алексей Толстой всю жизнь не мог оторваться от этих созерцаний и, можно сказать, прошел свой земной путь с лицом, неизменно обращенным назад. <...> Какое яркое выражение упорного “духовного консерватизма”! Поэт не хочет гоняться за беглой тенью того, что скрыто где-то там, вдали; не признает и не желает никаких “исканий”. Сила правды для него сияет только в прошлом, и там же царит солнце его жизни, к которому опять-таки назад, обратно катится планета. <...> От вечных полетов в запредельное — все равно, будущее или прошлое — дух человеческий как бы невидимо истончается, становится прикосновен мирам иным <...>, всегдашнее любовное пребывание где-то там, по ту сторону действительности, помимо воли кладет на его творчество мистический отпечаток, дает ему возможность, созерцая незримое, приобщаться к неземному» [39, с. 66, 68, 70].

Герои *прошлого* А.К. Толстого — это и герои Садовского, его *прошлого*, и прежде всего царь Иван Грозный. В уже цитировавшихся выше “Дневниковых записях” читаем (автору на тот момент — 16 лет): “Славное время! Одна из моих любимых эпох под скипетром великого царя, каким был Иоанн IV. Пускай идиоты выставляют его тираном”¹¹. Мы уже рассказывали выше о том, как воспринимал личность Грозного получивший известность в литературном мире Садовской. Дополним это еще примером (помимо прочего четко показывающим, как проявляло себя, порой парадоксально, *чувство прошлого* у нашего автора) — мемуарным свидетельством Константина Локса о восприятии Садовским царя-рюриковича в едином контексте с символами русской поэзии Пушкиным и Фетом (в связи с одной из встреч участников литературно-артистического кружка “Сердарда” на квартире поэта и переводчика Юлиана Анисимова): “Я стоял поближе к Садовскому и, похлебывая чай, слушал его. На этот раз он был в ударе. — Заниматься так называемыми — исканиями, — говорил он, как-то дерзко и презрительно отчеканивая слова, — дело ненужное. Это подмена жизни праздными словами. Чего искать? Уже все найдено. В стране, где были Пушкин и Фет, раз навсегда установлено, что такое поэзия. — <...> Тогда Юлиан воззвал ко мне. — Костя,

¹⁰ Садовской Б.А. Дневниковые записи // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 51а, 58а.

¹¹ Садовской Б.А. Дневниковые записи // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 54а.

что ты думаешь об этом? — пробурчал он, уставив на меня меркнувший взгляд. — Я думаю, — ответил я, — что Пушкин и Фет — замечательные поэты, но что мы живем в другое время. — Тогда Садовской окончательно вышел из себя. — В другое время? — воскликнул он. — Да знаете ли вы, что сделал я, приехавши из Нижнего в Москву по окончании гимназии. Я в тот же вечер пошел помолиться к могиле Грозного. — И он победоносно посмотрел на нас. Аргумент был, по его мнению, неотразим, и высказав его, он сразу успокоился, уселся поглубже в кресло и занялся чаепитием. Я понимал, что все это поза и стилизация” [40, с. 56–57]. «Да, — комментировали мы этот эпизод в статье о повести Садовского “Черный перстень”, — некая поза и стилизация, наверное, есть, в таком полемическом вызове, но, как выражался насчет подобного у Садовского другой тонкий мемуарист Корней Чуковский, “есть и подлинное”. В Иване Грозном Садовской ценил самодержавное начало, только и возможное, по его мнению, в России, это было его жизнетворческим идеалом, как и Пушкин и Фет, и все понималось им в одном ряду, в одном времени, когда “уже все найдено»» [41, с. 155].

И опять возвращаемся к фразе об Алексее Толстом в очерке “Горький в Нижнем”. Да, вне всякого сомнения, в стихотворении “Иоанн Грозный” в обрисовке образа главного героя чувствуется толстовское влияние, но не столько баллад, сколько романа “Князь Серебряный”. Осмыслим вот этот фрагмент из романа: “Стали расходиться. Каждый побрел домой, унося с собою кто страх, кто печаль, кто злобу, кто разные надежды, кто просто хмель в голове. Слобода покрылась мраком, месяц зарождался за лесом. Страшен казался темный дворец, с своими главами, теремками и гребнями. Он издали походил на чудовище, свернувшееся клубом и готовое вспрыгнуть. Одно незакрытое окно светилось, словно око чудовища. То была царская опочивальня. Там усердно молился царь.

Молился он о тишине на святой Руси, молился о том, чтоб дал ему господь побороть измену и непокорство, чтобы благословил его окончить дело великого поту, сравнять сильных со слабыми, чтобы не было на Руси одного выше другого, чтобы все были в равенстве, а он бы стоял один надо всеми, аки дуб во чистом поле!

Молился царь и кладет земные поклоны. Смотрят на него звезды в окно косящатое, смотрят светлые, притуманившись, — притуманившись, будто думая: ах ты гой еси, царь Иван Васильевич! Ты затеял дело не в добрый час, ты затеял,

нас не спрашаючи: не расти двум колосьям в уровень, не сравнять крутых гор со пригорками, не бывать на земле безбоярщине!” [42, с. 147–148].

Сопоставим все это со стихотворением Садовского. Да, некоторое влияние “Князя Серебряного” можно почувствовать, но только в событийно-ситуационном отношении. Что же касается глубинного плана, *художественного, поэтического*, очевидно, что стихотворение писалось под воздействием пушкинской “Полтавы”, некоторым образом даже в подражание ей, — сказалось то, что Садовскому уже в самом начале творческого пути были особо близки принципы стилизационного повествования. Ну и, конечно, то, что Пушкин был его эстетическим эталоном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чехов А.П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. М.: ГИХЛ, 1957. 868 с.
2. *Сухих И.Н.* Чехов в XX веке: Пять этюдов // *Нева*. 2014. № 3. С. 150–182.
3. *Садовской Б.А.* Заметки. Дневник (1931–1934) // *Знамя*. 1992. № 7. С. 172–194.
4. М. Горький в воспоминаниях нижегородцев. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1968. 312 с.
5. *Елисеев А.И.* М. Горький и литераторы-нижегородцы // *Современники. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во*, 1978. С. 245–277.
6. *Харчев В.В.* Наставник нижегородцев: М. Горький и писатели родного края. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1983. 144 с.
7. *Садовской Б.А.* Морозные узоры: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2010. 568 с.
8. *Измурдов Ю.А.* Две души: Борис Садовской и Максим Горький // *Нижегородский музей*. 2006. № 9–10. С. 13–26.
9. *Измурдов Ю.А.* Борис Садовской в истории литературной мистификации // *Палимпсест. Литературоведческий журнал*. 2022. № 2 (14). С. 75–84.
10. *Измурдов Ю.А.* “В память наших десятилетних, не омраченных ничем дружелюбных отношений...”: Неизданные письма Бориса Садовского к Александру Блоку и их историко-литературный контекст // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. Т. 78. № 5. 2019. С. 44–58.
11. *Садовской Б.А.* Горький в Нижнем // *Звезда*. 1941. № 6. С. 172–175.
12. *Садовской Б.А.* Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.
13. Неопубликованное письмо Чехова // *Новый мир*. 1944. № 4/5. С. 217.

14. Садовской Б.А. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. СПб.: Академический проект, 2001. 398 с.
15. Мей Л.А. Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 1. СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1911. 622 с.
16. Кормилов С.И. Лев Александрович Мей // Русские писатели. Биобиблиографический словарь: В 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 1990. С. 25–28.
17. Мутья Н.Н. Иван Грозный: история и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 2010. 496 с.
18. Мей Л.А. Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 2. СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1911. 560 с.
19. Мейн А. <Цветаева А.И.> Из книги о Горьком // Новый мир. 1930. № 8/9. С. 94–115.
20. Изумрудов Ю.А. Неизвестное письмо Бориса Садовского Максиму Горькому // Максим Горький. Парадигмы философских и художественных поисков XX–XXI вв. Горьковские чтения 2022 года: Материалы XL Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. 325 с.
21. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 23. М.: ГИХЛ, 1953. 464 с.
22. Садовской Б.А. Записки (1881–1916) // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Вып. 1. М.: Студия “ТРИТЭ” – “Российский Архив”, 1991. С. 10–183.
23. Садовской Б.А. Стихотворения. Автобиография // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 133–147.
24. Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 580 с.
25. Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Гос. изд-во, 1931. 664 с.
26. Рейсер С.А. Основы текстологии. Л.: Просвещение, 1978. 176 с.
27. Архив А.М. Горького. Т. XII. М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М.: Наука, 1969. 436 с.
28. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 24. М.: ГИХЛ, 1953. 574 с.
29. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.
30. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 25. М.: ГИХЛ, 1953. 520 с.
31. Горький М. История русской литературы. М.: ГИХЛ, 1939. 340 с.
32. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. М.: ГИХЛ, 1953. 590 с.
33. Соколов Б.В. Сталин, Булгаков, Мейерхольд... Культура под сенью великого кормчего. М.: Вече, 2004. 384 с.
34. Крейд В. “Еще на миг ожив...” // Октябрь. 1990. № 11. С. 138–142.
35. Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр “Союз”, 2006. 728 с.
36. А.С. (Сигорский – ?) А.М. Горький об Иване Грозном // Нижегородская коммуна. 1944. 26 января. С. 2.
37. Сосновский Л. Бывший Главсокол, ныне Центроуж // На посту. 1923. № 1. С. 86–90.
38. Горький М. Полн. собр. соч. Письма в 24 т. Т. 16. Март 1926 – июль. М.: Наука, 2013. 982 с.
39. Садовской Б.А. Чувство прошлого в поэзии графа А. Толстого // Хризопрас: Литературно-художественный сборник. М.: Изд-во “Самоцвет”, 1906–1907. С. 66–70.
40. Локс К.Г. Повесть об одном десятилетии (1907–1917) // Минувшее: Исторический альманах. 15. М.; СПб., 1993. С. 7–162.
41. Изумрудов Ю.А. “Полеты в запредельное”: Неизвестная повесть Бориса Садовского “Черный перстень” // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. № 4 (12). С. 137–160.
42. Толстой А.К. Князь Серебряный // Толстой А.К. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1980. С. 74–389.

REFERENCES

1. Chekhov, A.P. *Sobranie sochinenij v 12 t. T. 12* [Collected Works in 12 Vols. Vol. 12]. Moscow, 1957. 868 p. (In Russ.)
2. Sukhikh, I.N. *Chekhov v XX veke: Pyat etyudov* [Chekhov in the Twentieth Century: Five Sketches]. *Neva* [Neva]. 2014, No. 7, pp. 150–182. (In Russ.)
3. Sadovskoy, B.A. *Zametki. Dnevnik (1931–1934)* [Notes. Diary (1931–1934)]. *Znamya*. [Banner]. 1992, No. 7, pp. 172–194. (In Russ.)
4. *M. Gorky v vospominaniyah nizhegorodcev* [M. Gorky in the Memories of Nizhny Novgorod Residents]. Gorky, 1968, 312 p. (In Russ.)
5. Eliseev, A.I. *M. Gorkij i literaturny-nizhegorodcy* [M. Gorky and the Nizhny Novgorod Writers]. *Sovremenniki* [Contemporaries]. Gorky, 1978, pp. 245–277. (In Russ.)
6. Kharchev, V.V. *Nastavnik nizhegorodcev: M. Gorkij i pisateli rodnogo kraja*. [Mentor of Nizhny Novgorod Residents: M. Gorky and the Writers of His Native Land]. Gorky, 1983. 312 p. (In Russ.)
7. Sadovskoy, B.A. *Moroznyye uzory: Stikhotvoreniya i pisma* [Frosty Patterns: Poems and Letters]. Moscow, 2010. 568 p. (In Russ.)

8. Izumrudov, Yu.A. *Dve dushi: Boris Sadovskoj i Maksim Gorkij* [Two Souls: Boris Sadovskoy and Maxim Gorky]. *Nizhegorodskij muzej* [Nizhny Novgorod Museum]. 2006, No. 9–10, pp. 13–26. (In Russ.)
9. Izumrudov, Yu.A. *Boris Sadovskoj v istorii literaturnoj mistifikacii* [Boris Sadovskoy in the History of Literary Hoaxes]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal* [Palimpsest Literary Journal], 2022, No. 2 (14), pp. 75–84. (In Russ.)
10. Izumrudov, Yu.A. “*V pamyat nashikh desyatiletnikh, ne omrachennykh nichem družhelyubnykh otnosheniy...*”: *neizdannyye pisma Borisa Sadovskogo k Aleksandru Bloku i ikh istoriko-literaturnyy kontekst* [“In Memory of our Ten-Year, Friendly Relations not Overshadowed by Anything ...”: Unpublished Letters from Boris Sadovskoy to Alexander Blok and Their Historical and Literary Context]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No. 5, pp. 44–58. (In Russ.)
11. Sadovskoy, B.A. *Gorkij v Nizhnem* [Gorky in Nizhny Novgorod]. *Zvezda* [Star]. 1941, No. 6, pp. 172–175. (In Russ.)
12. Sadovsky, B.A. *Lebediniye kliki* [Swan Calls]. Moscow, 1990. 480 p. (In Russ.)
13. *Neopublikovannoe pismo Chekhova* [Unpublished Letter of Chekhov]. *Novyj mir* [New World]. 1944, No. 4/5, p. 217. (In Russ.)
14. Sadovskoy, B.A. *Stikhotvoreniya, rasskazy v stikhakh, pyesy i monologi* [Poems, Stories in Verse, Plays and Monologues]. St. Petersburg, 2001. 398 p. (In Russ.)
15. Mei, L.A. *Polnoye sobraniye sochinenij v 2 t. T. 1* [The Complete Works in 2 Vols. Vol. 2]. St. Petersburg, 1911. 622 p. (In Russ.)
16. Kormilov, S.I. *Lev Aleksandrovich Mej* [Lev Alexandrovich May] *Russkie pisateli. Biobibliograficheskij slovar* v 2 ch. Ch. 2. [Russian Writers. Biobibliographic Dictionary in 2 Parts. Part 2]. Moscow, 1990, pp. 25–28. (In Russ.)
17. Mutya, N.N. *Ivan Groznyj: istoriya i lichnost pravatelya v otechestvennom iskusstve XIX–XX vv.* [Ivan the Terrible: the History and Personality of the Ruler in the Russian Art of the 19th–20th Centuries]. St. Petersburg, 2010, 496 p. (In Russ.)
18. Mei, L.A. *Polnoye sobraniye sochinenij v 2 t. T. 2* [The Complete Works in 2 Vols. Vol. 2]. St. Petersburg, 1911, 560 p. (In Russ.)
19. Main, A. <Tsvetaeva, A.I.> *Iz knigi o Gorkom* [From the Book about Gorky]. *Novyj mir* [New World]. 1930, No. 8/9, pp. 94–115. (In Russ.)
20. Izumrudov, Yu.A. *Neizvestnoe pismo Borisa Sadovskogo Maksimu Gorkomu* [Unknown Letter from Boris Sadovskoy to Maxim Gorky]. *Maksim Gorkij. Paradigmy filosofskih i hudozhestvennykh poiskov XX–XXI vv. Gorkovskie chteniya 2022 goda: Materialy XL Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Maxim Gorky. Paradigms of Philosophical and Artistic Searches of the 20th–21st Centuries. Gorky Readings of 2022: Proceedings of the XL International Scientific Conference]. Nizhny Novgorod, 2022, pp. 241–246. (In Russ.)
21. Gorky, M. *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 23* [Collected Works in 30 Vols. Vol. 23]. Moscow, 1953. 464 p. (In Russ.)
22. Sadovskoy, B.A. *Zapiski (1881–1916)* [Notes (1881–1916)]. *Rossiyskiy Arkhiv (Istoriya Otechestva v svidetelstvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.)* [Russian Archive (History of the Fatherland in Certificates and Documents of the 18th–20th Centuries)]. Issue 1. Moscow, 1994, pp. 106–183. (In Russ.)
23. Sadovskoy, B.A. *Stikhotvoreniya. Avtobiografiya* [Poems. Autobiography]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2000 god* [The Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2000]. St. Petersburg, 2004, pp. 133–147. (In Russ.)
24. Nekrasov, N.A. *Polnoye sobraniye sochinenij* [The Complete Works]. Moscow–Leningrad, 1928. 580 p. (In Russ.)
25. Nekrasov, N.A. *Polnoye sobraniye sochinenij* [The Complete Works]. Moscow–Leningrad, 1931. 664 p. (In Russ.)
26. Reiser, S.A. *Osnovy tekstologii* [Fundamentals of Textology]. Leningrad, 1978. 176 p. (In Russ.)
27. *Arhiv A.M. Gorkogo. T. XII. M. Gorkij. Hudozhestvennye proizvedeniya. Statji. Zametki* [Archive of A.M. Gorky. Vol. XII: M. Gorky. Artistic works. Articles. Notes]. Moscow, 1967. 436 p. (In Russ.)
28. Gorky, M. *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 24* [Collected Works in 30 Vols. Vol. 24]. Moscow, 1953. 574 p. (In Russ.)
29. Gorky, M. *Nesvoevremennyye mysli: Zametki o revolyucii i kulture* [Untimely Thoughts: Notes on Revolution and Culture]. Moscow, 1990. 400 p. (In Russ.)
30. Gorky, M. *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 25* [Collected Works in 30 Vols. Vol. 25]. Moscow, 1953. 520 p. (In Russ.)
31. Gorky M. *Istoriya russkoj literatury* [History of Russian Literature]. Moscow, 1939. 340 p. (In Russ.)
32. Gorky, M. *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 27* [Collected Works in 30 Vols. Vol. 27]. Moscow, 1953. 590 p. (In Russ.)
33. Sokolov, B.V. *Stalin, Bulgakov, Mejerhold... Kultura pod senyu velikogo kormchego* [Stalin, Bulgakov, Meyerhold... Culture under the Shadow of the Great Helmsman]. Moscow, 2004. 384 p. (In Russ.)
34. Kreid, V. “*Eshche na mig ozhiv...*” [“Revived for a moment more...”]. *Oktyabr* [October]. 1990, No. 11, pp. 138–142. (In Russ.)

35. Stalin, I.V. *Sochineniya. T. 18* [Essays. Vol. 18]. Tver, 2006. 728 p. (In Russ.)
36. A.S. (Sigorsky – ?) *A.M. Gorkij ob Ivane Groznom* [A.M. Gorky about Ivan the Terrible]. *Nizhegorodskaya kommuna* [Nizhny Novgorod Commune]. 1944, January 26, page 2. (In Russ.)
37. Sosnovsky, L. *Byvshij Glavsokol, nyne Centrouzh* [Former Glavsokol, now Tsentrouzh]. *Na postu* [On duty]. 1923, No. 1, pp. 86–90. (In Russ.)
38. Gorky, M. *Polnoye sobraniye sochinenij. Pisma v 24 t. T. 16. Mart 1926 – iyul* [The Complete Works. Letters in 24 Vols. Vol. 16. March 1926 – July]. Moscow, 2013. 982 p. (In Russ.)
39. Sadovskoy, B.A. *Chuvstvo proshlogo v poezii grafa A. Tolstogo* [A Sense of the Past in the Poetry of Count A. Tolstoy]. *Hrizopras: Literaturno-hudozhestvennyy sbornik* [Chrysopras: Literary and Artistic Collection]. Moscow, 1906–1907, pp. 66–70. (In Russ.)
40. Locks, K.G. *Povest ob odnom desyatiletii (1907–1917)* [A Story about one Decade (1907–1917)]. *Minuvshee: Istoricheskij almanah. 15* [The Past: A historical Almanac. 15]. Moscow, St. Petersburg, 1993, pp. 7–162. (In Russ.)
41. Izumrudov, Yu.A. “*Polety v zapredelnoe*”: *Neizvestnaya povest Borisa Sadovskogo “Chernyj persten”* [Flights into the Forbidden: The Unknown Narrative of Boris Sadovskoy’s the Black Ring]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal* [Palimpsest. Literary Journal]. 2021, No. 4 (12), pp. 137–160. (In Russ.)
42. Tolstoy, A.K. *Knyaz Serebryanyj* [Prince Serebryany]. Tolstoy, A.K. *Sobranie sochinenij: V 4 t. T. 2* [Collected Works in 4 Vols. Vol. 2.]. Moscow, 1980, pp. 74–389. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 27 марта 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 июня 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
 Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on March 27, 2023
Revised on June 1, 2023
Accepted on June 15, 2023
Date of publication: August 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027386-0

Динамика повествовательных мотивов в романах Достоевского и Мамлеева

© 2023 г. О. А. Богданова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0001-7004-498X
olgabogda@yandex.ru

Резюме. В статье прослежена интертекстуальная перекодировка знаковых мотивов романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” (1866) в двух концептуальных романах Ю.В. Мамлеева “Крылья ужаса” (1993) и “Блуждающее время” (2000). В процессе анализа выявлена смыслообразующая роль мотива сладострастия в произведениях Достоевского и Мамлеева и акцентирована его антиномичная мистико-метафизическая модификация, а также сопоставлена семиотика этого мотива в идейно-композиционном целом названных романов. Также установлено, что идеологические убийцы Раскольников и Посеев разводятся или сближаются посредством двойной перекодировки, логика которой обусловлена различием метафизических и эстетических взглядов обоих писателей. Рассмотрена в сопоставительном ключе динамика таких сквозных образов-символов, как “вошь”, “старуха (старик)”, “топор”. В результате, по сравнению с предыдущими исследованиями, рамки “кода Достоевского” в романистике основателя “метафизического реализма” раздвинуты и ряд его составляющих получает осмысление. Становится очевидным, что рецепция Достоевского у Мамлеева сознательно использует сегмент языка русской культуры, частью которого стали мотивы, образы-символы и концепты Достоевского, а также возникший вокруг них метатекст для производства новых смыслов, релевантных, по мнению писателя рубежа XX–XXI вв., духовно-эстетическим тенденциям нашей современности. Актуальность статьи – в расширении анализа рецепции Достоевского в литературе рубежа XX–XXI вв. Научная новизна – в приоритетном привлечении к ней нового материала (романистики Мамлеева) и гипотезе об антиномичном характере мотива мистического сладострастия. Выводы статьи получены с учетом научно-исследовательского контекста по затронутым вопросам и призывают к дальнейшей дискуссии.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Ю.В. Мамлеев, “Преступление и наказание”, “Крылья ужаса”, “Блуждающее время”, “код Достоевского”, “метафизический реализм”, мотивный анализ, интертекстуальный подход.

Для цитирования: Богданова О.А. Динамика повествовательных мотивов в романах Достоевского и Мамлеева // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 25–34. DOI: 10.31857/S160578800027386-0

Dynamics of Narrative Motives in Dostoevsky’s and Mamleev’s Novels

© 2023 Olga A. Bogdanova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,

25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia

ORCID ID: 0000-0001-7004-498X

olgabogda@yandex.ru

Abstract. The article traces the intertextual recoding of the iconic motifs of F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" (1866) in two conceptual novels by Yu.V. Mamleev "Wings of Horror" (1993) and "Wandering Time" (2000). In the process of analysis, the plot-forming role of the motive of voluptuousness in the works of Dostoevsky and Mamleev is revealed and its antinomic mystical-metaphysical modification is emphasized, as well as the semiotics of this motive in the ideological and compositional whole of these novels are compared. It is established that in "Wandering Time" the ideological murderers Raskolnikov and Poseev are divorced and converge through double recoding, the logic of which is due to the difference in the artistic and metaphysical views of both writers. The dynamics of such end-to-end images-symbols as "louse", old woman (old man), "axe" is also studied in a comparative way. As a result, in comparison with previous studies, the framework of the "Dostoevsky code" in the novelistics of the founder of "metaphysical realism" is expanded and a number of its components gets comprehension. It becomes obvious that the reception of Dostoevsky by Mamleev consciously uses a segment of the language of Russian culture, of which Dostoevsky's motives, images, symbols and concepts, as well as the meta-text that has arisen around them, to produce new meanings relevant, according to the writer of the turn of the 20th–21st centuries, spiritual and aesthetic trends of our modernity. The relevance of the article lies in the expansion of the analysis of Dostoevsky's reception in the literature of the turn of the 20th–21st centuries. Scholarly novelty lies in the priority attraction of new material (Mamleev's novelistics) and the hypothesis about the antinomic character of the motif of mystical voluptuousness. The conclusions of the article are obtained taking into account the scholarly context on the issues under study and call for further discussion.

Key words: Fyodor M. Dostoevsky, Yuri V. Mamleev, "Crime and Punishment", "Wings of Horror", "Wandering Time", "Dostoevsky code", "metaphysical realism", motivic analysis, intertextual approach.

For citation: Bogdanova, O.A. Dinamika povestvovatelnykh motivov v romanakh Dostoevskogo i Mamleeva [Dynamics of Narrative Motives in Dostoevsky's and Mamleev's Novels]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literaturny i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 25–34. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027386-0

В центре статьи — анализ знаковых мотивов романа Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" (1866): мистического сладострастия, идеологического убийства и др. — в двух концептуальных романах Ю.В. Мамлеева "Крылья ужаса" (1993) и "Блуждающее время" (2000), относящихся к зрелому периоду творчества основателя "метафизического реализма" в русской литературе конца XX в. Как стоящие у пределов человеческого существования в земном мире (зачатия и смерти), мотивы сладострастия и убийства часто переплетаются в литературе, в том числе в произведениях Достоевского и Мамлеева. Такое исследование проводится впервые, поэтому необходимо задать его предварительные параметры.

По наблюдению И.В. Силантьева, на рубеже XX–XXI вв. в литературоведении развиваются два новых подхода в мотивном анализе — коммуникативный (В.И. Тюпа, Ю.В. Шатин) и интертекстуальный (Б.М. Гаспаров, А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов) (см.: [1, с. 74]). В.Е. Ветловская считает, что именно мотивный анализ наиболее адекватен самой природе литературного произведения, так как вскрывает его тематическую семантику (см.: [2, с. 99]). Интертекстуальный же подход помещает "мотив как носитель смысла"

в центр межтекстовых отношений исходя из базовых представлений о его семантической природе в трудах А.Н. Веселовского и О.М. Фрейденберг (см.: [1, с. 70]). Итак, учитывая "интертекстуальную природу мотива" [1, с. 264] и "устремленность интертекстуальной поэтики к смыслопорождению" [3, с. 9], для исследования рецепции наследия Достоевского в русской прозе рубежа XX–XXI вв. мы обращаемся к сопоставительному мотивному анализу.

В критике конца XX — начала XXI в. Мамлеева называют "современным Достоевским" за интерес к экстремальным духовным ситуациям, пограничным состояниям психики, религиозно-метафизическим вопросам и архетипу русской души, во многом восходящий к таким произведениям классика XIX в., как "Записки из Мертвого дома", "Записки из подполья", "Преступление и наказание", "Бесы", "Братья Карамазовы", "Сон смешного человека", "Бобок" и др. (см.: [4, с. 14]). В самом деле, Мамлеев во второй половине XX в. изображал (всегда в свете идеала!) стыдные и страшные явления жизни, о которых не принято говорить вслух, при этом безжалостно эпатирова своего читателя и в результате нередко подвергаясь отторжению. Но ведь и Достоевского,

во второй трети XIX в. перешедшего черту дозволенного в изображении общественного зла и темных глубин человеческой психики, многие современники не только называли “жестоким талантом” (как Н.К. Михайловский в известной статье 1882 г.), но и относили к “психиатрическому” ведомству (как А.М. Скабичевский в своей “Истории новейшей русской литературы” 1891 г.). По степени же откровенности, масштабности и изощренности зла XX век с лихвой превзошел XIX-й.

Вот собственные признания автора рубежа XX–XXI вв.: “Достоевский — мой любимый писатель”, его главная заслуга — “введение метафизических проблем в живую ткань современной литературы”, “в надрывные сферы обыденной жизни”. Одновременно Мамлеев вступает в полемику с Достоевским с позиций опыта XX в.: «...само понятие “человек” гораздо шире, многогранней и необычайней, чем это представляют. Правда, <...> Федор Михайлович не советовал особенно “расширяться”, <...> хотя сам все-таки “расширял”, но ведь можно “расширить” и дальше, совсем уже запредельно» (см.: [5, с. 13–14]). В философском трактате “Россия вечная” (2002) Мамлеев ставит Достоевского “в центр русской литературы”. И хотя, по его мнению, «в сфере “русскости” Достоевский непревзойден, <...> его откровения нуждаются в интерпретации их в другом плане, чем чисто антропологический» [6, с. 53, 55]. Для понимания как последнего высказывания, так и творческого диалога двух писателей в целом необходимо прояснить основы мировоззрения Мамлеева.

Его учение представляет собой сложный синтез индуистской метафизики, православного исихазма, нищезанятия, философии М. Хайдеггера и религиозных интуиций Достоевского. Собственная “доктрина” Мамлеева, помимо признания бытия Абсолюта (Бога) и существования мира, выдвигает представление о Бездне, находящейся за пределами Абсолюта, а также о России как своеобразной “щели”, граничащей с этой непостижимой и ужасающей Запредельной Бездной. И если в текстах Достоевского (например, в дискурсе Шатова из “Бесов”) русский народ, русский человек выступает как “богоносец”, то у Мамлеева он прежде всего “бездноносец” (см.: [6, с. 180]). Смысл взаимоотношений между Россией и Бездной “настолько грандиозен, что <...> перерастает рамки человеческой истории”, и Россия становится “космологическим явлением”, “Россией вечной” [6, с. 130]. Получается, что сам Абсолют (Бог) через Россию

приобщается к Бездне, благодаря чему обогащается и расширяется. По этой логике, истинно русский (т.е. пропитанный русской культурой) человек сверхантропологичен, так как, помимо обычной человеческой природы, обладает особыми качествами, обусловленными “тайным отблеском Бездны в самом существе нашей Родины” [6, с. 133].

Итак, впитав в себя “русскоискательство” Достоевского, Мамлеев по-своему представляет диалектику как божественного и человеческого, так и “общечеловеческого” и “русского” (см.: [6, с. 55, 174, 200]). И при всей актуальности для него Достоевского, “... между нашим временем и XIX веком лежит огромная пропасть XX века. И поэтому на вызовы XXI века ответы уже могут быть другие” (см.: [4, с. 225]).

Тема “Достоевский и Мамлеев” разрабатывается в литературоведении начиная с 1990-х годов. (см.: [7]; [8]; [9]). Наиболее значительный вклад в нее внесли вышедшие в 2000-е годы монографии (см.: [10]; [4]; [11]). Л.И. Сараскина в диалогах с писателем 1992–1996 гг. свидетельствует, что для Мамлеева автор “Преступления и наказания” был важен “не только как писатель, но и как визионер, пророк”, чьи традиции в современной литературе “будут продолжены и углублены” [7, с. 60, 62]. Достоевский для писателя рубежа XX–XXI вв. “символ стремления дойти до края бездны” и “предшественник по метафизическому эксперименту”. Однако люди конца XX в. “идут гораздо дальше <...> за черту дозволенного, в зону Великого Неизвестного” [7, с. 66–67].

Г.Л. Нефагина сосредоточилась на вопросе о поэтике Мамлеева, которую по ряду признаков относит к модернизму. Именно она впервые указала на “переворачивание сюжета” “Преступления и наказания” в “Блуждающем времени”: некая старушка сама просит Юлика Посеева, готовящегося убить пришельца из будущего “старичка” Никиту, о смерти для себя, но Юлик отказывается от “бесполезной” траты на нее своих сил (см.: [8, с. 220]).

В статье А.С. Григорян, написанной уже после смерти Мамлеева в 2015 г., с учетом полного идейно-тематического диапазона его творчества, отмечено, что писатель “аккумулирует все самые мрачные темы произведений Достоевского”, оставаясь при этом “оптимистичным”; “светлая сторона человеческой души постепенно одерживает верх над темной: ужас <...> оказывается почти преодолен” [9, с. 98–99].

В первой из упомянутых монографий — книге С.Е. Трунина — рецепции Достоевского в философии, малой прозе и романистике Мамлеева посвящена большая глава. Вслед за Г.Л. Нефагиной автор отнес его творчество к традиции модернизма; специфика же “модернистской рецепции <...> в использовании кода как основного средства” [10, с. 31]. Под кодом понимается совокупность сигналов (цитат, реминисценций, мотивов, деталей, характеров и т.д.), исходящих от предшествующих текстов и превращающих изучаемое произведение в интертекст (см.: [10, с. 13]). Самым узнаваемым в прозе Мамлеева является “код Достоевского”. Как представляется, именно С.Е. Трунин впервые обратился к анализу рецепции Достоевского в романах “Блуждающее время” и “Мир и хохот” (Г.Л. Нефагина только констатировала ее наличие). Больше никто не занимался этим вопросом. «Интертекст Достоевского в “Блуждающем времени” чрезвычайно разнообразен»: это и цитаты (“вошь”, “тварь дрожащая”), и транспонирование персонажных идей (например, Крушув передает мысли Великого инквизитора, Петра Верховенского и Шигалева) и даже сам образ Достоевского в виде портрета в комнате “смехуна” Бореньки. Отмечаются перекодировка и дешифровка многих мотивов автора “великого пятикнижия” (см.: [10, с. 50]), в том числе “ироническое перекодирование” «дискурса Раскольникова <...> в эпизоде, где старушка просит Юлика убить ее, потому что ей “невозмогу жить”», которое задает «вектор, прямо противоположный раскольниковской идее: “Разве может такая старушка мешать мирозданию?”» [10, с. 47]. Однако осмысление этих трансформаций в контексте мамлеевской художественной задачи у С.Е. Трунина отсутствует.

Наиболее фундаментальной сравнительно-аналитической разработкой философии и поэтики Достоевского и Мамлеева до сих пор остается монография Р.С. Семыкиной, целиком посвященная этой проблеме. Отметив сходство метафизических пластов у Достоевского и Мамлеева (“экстремальные духовные ситуации”, “пограничные состояния”, “исследование архетипа русской души”, присутствие катарсиса, несмотря на сгущенность негатива, и др.), ученая остановилась и на их различиях: если у первого “сверхреальное дается в снах, кошмарах, фантазиях героев”, то у второго “люди захватываются другой реальностью в повседневной обстановке”; злая и жестокости у писателя ХХI в. намного больше, чем у классика ХIХ в.; мамлеевская “метафизическая космо-антропология существенно отличается от концепции человека у Достоевского”,

имеющей в целом православно-христианский характер (см.: [4, с. 7, 81, 83–84, 204, 211]). Далее Р.С. Семыкина, подобно С.Е. Трунину, выявляет “код Достоевского” в произведениях Мамлеева, но в другом диапазоне: “исследование жизни мотива в интертексте” [4, с. 111] она предпринимает на материале рассказов из “Дневника писателя” Достоевского и цикла рассказов Мамлеева “Конец века”. Так что разговор о рецепции Достоевского-романиста в романах Мамлеева здесь даже не начат.

Наконец, последняя значительная работа, касающаяся темы “Достоевский и Мамлеев”, — “Метакритика метареализма” М.Е. Бойко. Заслуга этой монографии, целиком посвященной феномену Мамлеева как мыслителя и художника, в первую очередь в том, что здесь впервые в компаративном ключе сформулированы художественно-методологическое различие обоих писателей (“...метафизический реализм (Мамлеев. — О.Б.) распространяется на состояния, которым нет аналогов в материальном мире, на существа иной, высшей или низшей, нечеловеческой природы, на невидимые или запредельные миры” [11, с. 22]) и важнейшие принципы мамлеевской поэтики: “метафизическое беспокойство” (из-за вторжений Иного в наш мир); метафизическая “тайна” в центре сюжета; непропорциональность причины и следствия (см.: [11, с. 23–26]). Также, с опорой на трактат “Россия вечная”, критик рассматривает концепт “метафизического патриотизма”, вытекающий из учения о Запредельной Бездне и граничащей с ней России. Добавим, что им во многом определяется как мамлеевская характерология, так и не менее значимый концепт “ужаса”, давший название целому роману (“Крылья ужаса”) и восходящий к М. Хайдеггеру: “Ужасом приоткрывается Ничто” [12, с. 33]. Однако конкретный анализ мотивной перекодировки в текстах Достоевского и Мамлеева в книге М.Е. Бойко отсутствует.

Проведенный обзор показал, что в прозе Мамлеева встречаются мотивы многих произведений Достоевского, однако мы остановимся только на некоторых мотивах одного из них — романа “Преступление и наказание”. Именно он, по мнению М.А. Черняк, стал “кодом для современной культуры”, “стимулом” литературных новаций [13, с. 138]. Важно, что отмеченные нами мотивы — мистического сладострастия, идеологического убийства, старухи (старика), “воши” и “топора” — имеют сквозной характер, т.е. развиваются в целом ряде произведений Достоевского, помимо “Преступления и наказания”. Недаром

проницательный достоевсковед XX в. А.С. Долинин определил это явление как “блуждающие образы” (см.: [14]).

Один из ключевых для Достоевского, мотив сладострастия уже в первом из романов его “великого пятикнижия” приобретает мистическое, метафизическое измерение, реализуясь в образе Свидригайлова: “Знаете ли, что я мистик отчасти?” [15, т. 6, с. 362]. Блудная страсть этого героя из простой физиологической потребности вырастает в стихию, переливающуюся за грань материального мира и придающую своему носителю какое-то мрачно-трагическое величие (вспомним, к примеру, предсмертные видения Свидригайлова: 5-летнюю развратницу в его гостиничной постели; усыпанный цветами гроб девочки-утопленницы в “роскошном деревенском коттедже” (см.: [15, т. 6, с. 391])). Характерно и следующее признание героя, не видящего смысла ни в увлеченности идеями, ни в успехах на общественном поприще: “В этом разврате, по крайней мере, есть нечто постоянное, основанное даже на природе и не подверженное фантазии, нечто всегдашним разожженным угольком в крови пребывающее, *вечно* (курсив мой. — О.Б.) поджигающее <...>” [15, т. 6, с. 359].

Художник глубин человеческих, Достоевский не мог пройти мимо великой творческой силы пола, в том числе в его телесном аспекте. Однако перед дальнейшими рассуждениями на эту тему проясним, что мы имеем в виду под сладострастием. В первую очередь, это одна из страстей, т.е. психофизическое влечение, получившее в падшей, по христианскому вероучению, человеческой природе чрезмерное развитие, препятствующее духовному росту человека, его сближению с Богом, в конечном итоге святости (см.: [16]). Последняя достигается аскезой, воздержанием, которое, однако, должно быть результатом *свободного* человеческого выбора, а не внешнего принуждения. Ведь смысл аскезы как жертвы — в отказе от чего-то приятно-желанного ради высшей духовной цели, единения с Богом. А чтобы свободно пожертвовать чем-то ценным для себя, нужно сначала опытно осознать это как ценность. Другими словами, как явствует из наставлений св. Макария Великого, святость достигается только из состояния свободы, из возможности выбора между аскезой и страстью (см.: [17, с. 155–157]). То, что называют сладострастием, основано на естественном половом влечении мужчин и женщин и получаемом от него удовольствии, к которому человек начинает неумеренно стремиться, постепенно попадая в рабство к собственной плоти. По Библии,

половое общение между людьми после грехопадения и изгнания из рая сопряжено со смертностью, деторождением, сменой поколений, т.е. имеет отчетливый метафизический модус. Будучи необходимым для продолжения рода, оно не отрицается полностью в христианстве, но ограничивается таинством брака (см.: [18, с. 232–245]). Исходя из такого понимания, любой добровольный сексуальный контакт вне брака или без цели деторождения может быть понят как момент сладострастия. При этом различаются сладострастие и разврат. Если первое, по мнению Н.А. Бердяева, может быть “здоровым” как естественное проявление человеческой природы (см.: [19, с. 410]), то второй означает “соблазн небытия, уклон к небытию” [19, с. 414]. Другими словами, разврат может быть понят как предельная градация сладострастия (см.: [19, с. 413–414]).

Исходя из вышесказанного, допустимо признать, что мотив мистического сладострастия в “Преступлении и наказании” реализуется также в образе младшей сестры старухи-процентщицы Лизаветы, всегда “на все согласной” и “поминутно” беременной от случайных половых связей (см.: [15, т. 6, с. 54]). Она тоже убита топором. При этом Лизавета далеко не чужда духовной жизни: вместе с Соней Мармеладовой они склонялись над Новым Заветом: “Мы с ней читали и... говорили. Она Бога узрит...” [15, т. 6, с. 249]. Парадоксальное сочетание мотивов сладострастия, “топора” и религиозно-метафизического выхода за пределы “страшного” мира в сюжетной линии Лизаветы до сих пор не привлекало к себе исследовательского внимания — ведь оно высвечивается лишь в сопоставлении с романистикой “современного Достоевского”. У Мамлеева же гипертрофия мотива сладострастия по сравнению с Достоевским может объясняться такими социокультурными новациями XX в., как распространность психоаналитического учения З. Фрейда с 1920-х годов и сексуальная революция, стартовавшая в 1960-е годы, а также дальнейшее расширение границ эстетически допустимого.

Мы отдаем себе отчет в том, что соединение мотива сладострастия с образом Лизаветы вызовет протест у исследователей и читателей, привыкших воспринимать эту героиню в другой идейно-ценностной парадигме — “как последний, высший нравственный ориентир, ибо только о ней сказано и подчеркнуто: она святая” [20, с. 186]. Тем не менее, налицо противоречие: “шлюха — святая у Достоевского”. И хотя слова о святости Лизаветы сказаны персонажем — Соней Мармеладовой, они очевидно “поддержаны

автором, что доказывается совпадением многих черт героини с чертами святой, по имени которой она была названа” (см.: [20, с. 186]). Святость Лизаветы Т.А. Касаткина, однако, понимает нетрадиционно: это “положительная добродетель, не отделяющая себя от мира, а во всем отдающая себя каждому нуждающемуся”, живущая “в мире милости, где желания других — все равно, что ее желания”; она «свята, будучи “поминутно беременна”, — ибо дает каждому милость, возлюбив каждого “как саму себя”» [20, с. 187–188]. Это мнение дискуссионно; в противовес ему можно вспомнить немало евангельских сцен и слов (о Марии Магдалине, о теле как о “храме духа” и проч.), а также православное учение о целомудрии (см.: [16]). При этом Т.А. Касаткина, на наш взгляд, справедливо отметила парадоксальность изображенных Достоевским путей к святости в падшем греховном мире. Ведь первым условием такой святости, в понимании ученой, становится *добровольное* решение героини разделять желания жаждущих мужчин, видя в этом радость и для самой себя. Что, добавим, недалеко от сладострастия — ведь гротесковая “поминутность” указывает на чрезмерность влечения героини.

Вообще, “поминутные” беременности Лизаветы, по наблюдению Б.Н. Тихомирова, «рудимент первоначального замысла, где Раскольников убивает *беременную* Лизавету <...>. По-видимому, этот мотив был исключен Достоевским уже на стадии корректур в журнальной публикации, так как в тексте “Русского вестника” — по недосмотру автора — сохранились связанные с мотивом беременности слова Настасьи <...>. Этот <...> текст был вычеркнут писателем при подготовке отдельного издания 1867 г. В ранней редакции Достоевский (устаами Настасьи) давал и нравственно-психологическое объяснение “поминутной” беременности Лизаветы: “Девка была сговорчивая. И не то чтоб так своей волей, а так уж от смирения своего терпела. Всяк-то озорник над ней потешался” [15, т. 7, с. 71]» [21, с. 120–121]. Почему же писатель убрал детали, указывавшие на пассивно-страдательную роль героини в сексуальной сфере? И оставил (может быть, совсем и не “по недосмотру”) указания на своеобразную женскую привлекательность Лизаветы и на ее интенсивную чувственную жизнь?

Раскольников впервые встречает эту героиню на Сенной во время диалога с мещанином и бабой, которые приглашают Лизавету взять выгодный заказ без ведома старшей сестры Алены Ивановны, обычно отбиравшей у нее заработанные деньги. Интересно, что, подумав, Лизавета соглашается.

Не является ли это заявкой на некоторую ее независимость, самостоятельность решений? В таком свете и ее сексуальную “сговорчивость” можно истолковать как “самостоятельное хотенье”, ибо “что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифтик в органном вале”? — спрашивает герой-парадоксалист в “Записках из подполья” (1864) [15, т. 5, с. 113–114]. В антропологии Достоевского, в системе его ценностей и доброта, и смиренность, и жертвенность имеют вес только при возможности выбора, при наличии “свободной воли”: “Свобода стоит в самом центре мирозерцания Достоевского” [19, с. 362]. Похоже, именно поэтому в процессе работы над романом убираются из портрета Лизаветы “рабские” черты, рисующие ее чуть ли не животным, полностью подчинившимся чужой воле, и придаются черты если еще не свободного, то освобождающегося человека. Отсюда и ее женственная улыбка, и соблюдаемая ею чистоплотность. Возможно, чувственная радость была для этой героини отдушиной в условиях постоянного принуждения со стороны старшей сестры и давала ей необходимую для личностного, человеческого самосознания степень свободы. А ведь духовная жизнь, то самое “узрение Бога”, о котором говорит Соня и которое, по установившемуся мнению, составляет суть образа Лизаветы, просто невозможны в рабской, несвободной душе. Подлинный путь к Богу начинается лишь в ситуации свободы. Так Достоевский-реалист парадоксально соединяет в Лизавете свободу тела и дерзание духа, при этом не погрешая против достоверности социально-бытовой жизни петербургских низов 1860-х годов.

Отметим и подчеркнутую в “Преступлении и наказании” детскость 35-летней Лизаветы: “Посмотрю я на вас, совсем-то вы как ребенок малый”, — говорит ей жена торговца на Сенной [15, т. 6, с. 51]. В самом деле, она робка, нерешительна, повинуется “взрослой” сестре. Известно, что для незрелых людей поиск свободы в утехх чувственного характера психологически естествен. Таким образом, и в случае Лизаветы мотив мистического сладострастия связан с детскостью женских персонажей, через которых он реализуется. Если же говорить об этом мотиве в целом, включая и Свидригайлова, то сладострастие у Достоевского — один из выходов в метафизическое измерение с его онтологической разнотеленностью: к Богу или дьяволу, к святости или греховности, к раю или аду.

Симптоматично, что в обоих интересующих нас мамлеевских романах гипертрофия человеческого сладострастия становится пусковым

импульсом к развитию метафизического сюжета. Так, в центре “Крыльев ужаса” — история 13-летней Иры Вольской, одержимой патологическим сладострастием. Эта девочка совокупляется со всеми подряд, вплоть до мужа своей матери, которая из ревности ее убивает. Чтобы скрыть преступление, мать нанимает мясника Эдика расчленив и тихонько вынести на кладбище труп Иры. В процессе расчленения бабушка Иры в соседней комнате занимается сексом со своим зятем. При этом сладострастный “вой” старушки заглушается стуком топора, которым Эдик разрубал Иру. Как видим, в этом невыносимо шокирующем гротесковом повествовании сплетаются такие узнаваемые мотивы “Преступления и наказания”, как сладострастие, убийство, старуха и “топор”. Одновременно происходит их демонстративная перекодировка; в первую очередь она касается смысла Ириной судьбы, метафизически подсвеченного переживаниями других героев: “невероятного <...> существа” Мефодия (по мнению которого, Ира погибла от “избытка бытия”, “избытка низшего блага”, не успев разглядеть в себе “высшего”) и соседки Люды Парфеновой (искательницы светлого “самобытия”, уверенной, что Ира воплощала ее «темное “я”»). Стремясь помочь Ире в ее посмертной судьбе, Люда обращается к “России вечной” как к противовесу “проклятому” земному миру, чтобы “познать судьбу родной и отвратительной Иры” (см.: [22, с. 20, 24, 34, 40, 46, 49, 50]). Эволюция мотива сладострастия видится здесь в том, что у Достоевского чувственность Лизаветы — ступень к христианской святости, у Мамлеева развратность Иры — знак причастности к Запредельной Бездне, питающей “Россию вечную”. При всей парадоксальности указанных путей, сладострастие героинь дается у обоих писателей в целом с положительной коннотацией.

Но есть и другой полюс метафизического притяжения внутри чувственной стихии. Сравним портреты развратных девочек в снах Свидригайлова и Люды. Глаза 5-летней “камеи” обводят героя Достоевского “огненным и бесстыдным взглядом, они зовут его, смеются... Что-то бесконечно безобразное и оскорбительное было в этом смехе, в этих глазах, во всей этой мерзости в лице ребенка” [15, т. 6, с. 393]. Ира же на четвертую ночь после убийства “явилась” героине Мамлеева “наглая и развязная. И нисколько не опечаленная своей смертью. — Что ты все обо мне молишься, дура, — сказала она Люде. — Лучше отдайся мне, чем разводить слюни... Но на следующую ночь было другое: Иры не было, но Люда слышала ее стон, дикий, далекий и умоляющий...” [22, с. 48].

Кажется, что намеченный Достоевским антиномичный мотив мистического сладострастия принимает в романе Мамлеева более ясные очертания. Идя навстречу “ужасу” Запредельной Бездны в желании облегчить посмертную судьбу Иры, Люда обретает “крылья” для воспарения к “России вечной”. Ведь “ужас, сопутствующий дерзанию, <...> состоит <...> в тайном союзе с окрыленностью и смирением творческой тоски” [12, с. 38].

Аналогично мотив мистического сладострастия лежит в основе романа “Блуждающее время”. Это необъяснимый провал в прошлое одного из героев произведения Павла Далинина, во время которого он изнасиловал незнакомую женщину, вскоре родившую от него сына, получившего имя Юлия Посеева. Там, на вечеринке в московской квартире 1960-х годов, Павел “столкнулся один на один с молодой женщиной по имени Алина. <...> дикое, непреодолимое желание овладеть им. <...> Пьяная Алина была ошарашена, чуть-чуть сопротивлялась, но быстро поддалась. <...> Их мгновенный сладострастный вопль никто к тому же и не слышал за общим шумом...” [23, с. 73]. Здесь же мы наблюдаем характерную для Мамлеева непропорциональность причины и следствия: животнов-похотливый порыв героя стал спусковым крючком для захватывающих духовных путешествий, “ужасного” приближения к Запредельной Бездне и волнующего приобщения к “России вечной”.

Также в “Блуждающем времени” видим почти полное совпадение фамилии главного героя с литературоведом Долининым и перекличку названия мамлеевского романа с его знаменитой статьей 1921 г. “Блуждающие образы”. Наверняка здесь нет случайности: “достоевские” и “околодостоевские” образы помещены автором в контекст собственной современности, для него актуален и метатекст вокруг Достоевского.

Еще более узнаваемы в этом романе мотивы “воши”, идеологического убийства, старухи (старика) и “топора”. Первые три уже были отмечены Г.Л. Нефагиной и С.Е. Труниным как восходящие одновременно к “Преступлению и наказанию”, “Бесам” и “Братьям Карамазовым”. В самом деле, вот как профессор Крушуев излагает своему ученику Юлику Посееву руководящую идею: “Поэты, пророки, писатели, мессии, святые и так далее — наши враги. Их надо уничтожить. <...> Чтоб было спокойно, глупо и тихо. <...> Ничего высшего! От высшего — вся и беда” [23, с. 111]. Юлик выполняет задания учителя по “удушению” “необыкновенных”: “Мне это даже, Артур, дивное

сладострастие доставляет — послан Богом, а я его удушу! Своими огромными руками, с длинными пальцами. Я кончаю при этом...” [23, с. 112]. Подчеркнем то, что не нашло отражения у предыдущих исследователей, — сладострастие идеологического убийцы, причем “дивное”, в метафизическом модусе. И если в “Преступлении и наказании” мы наблюдаем разведенность этих мотивов по двум героям (хотя указана глубинная общность Раскольникова и Свидригайлова: “...мы одного поля ягоды” [15, т. 6, с. 221]), то в “Блуждающем времени” обе линии соединяются в одном персонаже.

По заданию Крушуева, Юлик охотится за “необыкновенным” пришельцем из далекого будущего “старичком” Никитой. В тщетных попытках его устранить Юлик оказывается на детской скамейке в одном из окраинных московских дворов, где к нему с “несусветной” просьбой обращается случайная старушка. Как и процентщица Алена Ивановна, она смотрит “востро и пронзительно” (ср.: “...два вострые и недоверчивые взгляда устались <...> из темноты” [15, т. 6, с. 61]); однако ситуация перевернута — мамлеевская героиня сама ищет убийцу (из-за тяжести одинокой нищенской жизни) и получает от него отказ, так как не является “зловредной”, подобно Никите. Парадоксальное сходство ситуаций усилено говорящей деталью: мамлеевская старушка предлагает убийце золотые часы и деньги, лежащие в комод у нее в квартире (ср.: в квартире убитой им старухи-процентщицы Раскольников пытается открыть комод, находит деньги и золотые часы (см.: [15, т. 6, с. 63–64])). Однако в сюрреалистическом преломлении мамлеевского романа “достоевские” детали помещены в контекст, выстроенный по другой логике: “Ее придушить — труднее курицу прикончить <...>. Но дело-то в идее. Разве может такая старушка мешать мирозданию”, будучи “обыкновенной”? (см.: [23, с. 153–154]). Налицо радикальная перекодировка: если Раскольников устранил “зловредную вошь” [15, т. 6, с. 400] ради жизненного простора для людей “необыкновенных”, то Посеев не желает тратить силы на безвредную “вошь”, его цель — очищать мир от “зловредных”, по его мнению, “необыкновенных” людей, что, добавим, корреспондирует с ценностями массового сознания второй половины XX — начала XXI в.

Сквозит в “Блуждающем времени” и прочно закрепившийся в литературе после “Преступления и наказания” мотив “топора”. Юлик убивает своих жертв посредством удушения — в перчатках, чисто, без крови, что соответствует способу

конвейерного умерщвления людей, придуманному в XX в. Тем не менее, Крушуев, посылая его на убийство Никиты, говорит: “Бери топор, беги и не опоздай”. “А зачем мне топор <...>? — удивляется Юлий. — Я его, как обычно, руками задушу. <...> Сбрендил немного Михалыч <...>. Чуть не топор в руки сует” [23, с. 172–173]. Игра с культурной семантикой “топора” приводит к тому, что Юлик все же убивает кровавым способом (металлическим брусом по голове) своего родного отца из будущего — Павла Далинина. Сама жизнь Посеева, как плод мистического сладострастия, после кровного отцеубийства лишается смысла. Однако напоследок он все же устраняет “зловредного” старичка — самого 80-летнего Крушуева, который перед лицом смерти оказывается “тварью дрожащей” (см.: [23, с. 179]), т.е. “обыкновенной”, но мешающей “необыкновенным” людям “вошь”, как Алена Ивановна из “Преступления и наказания”. Сцена удушения Крушуева вновь актуализирует мотив сладострастия: идейный “сын” «возвышался над “папой-наставником” таким образом, что могло показаться, что он насилует его. Крушуев дергался, извивался, но <...> через три минуты погиб» [23, с. 180].

Как видим, двойная перекодировка мотивов мистического сладострастия, идеологического убийства и “топора” на новом уровне возвращает мамлеевского читателя к семантике Достоевского. Соотношение сопоставляемых образов оказывается инверсионным: если Раскольников, разочаровавшись в теории о двух разрядах людей, через любовь к Соне приобщается к Богу, то идеологическим итогом Посеева, отвергнувшего и любовь своего кровного отца, и крушуевскую идею о вредности “высшего” в земной жизни, как раз и становится эта раскольниковская теория. Из какого-никакого человека Юлик превращается “в некую неведомую тварь” в “закрытом сумасшедшем доме” [23, с. 192–193].

Итак, мы провели сопоставительный мотивный анализ повествовательного творчества Достоевского и Мамлеева “с точки зрения проблемы литературной преемственности” [1, с. 265], в процессе которого была выявлена и акцентирована антиномичность мотива мистического сладострастия в произведениях обоих писателей. Не исключено, что с этим мотивом у Мамлеева связана также перекодировка важнейшего для Достоевского мотива юродства (помимо развертывания в сюжетной линии Сони, проскользнувшего в “Преступлении и наказании” в линиях Лизаветы и Свидригайлова (см.: [15, т. 6, с. 249, 369])) как неотмирности, “переходности”,

поиска “самобытия” (см.: [22, с. 8]). Но это уже предмет для отдельного исследования. Также мы не коснулись сакрально-эротических культов Древней Греции (дионисизма) и индуистского Востока (тантризма и проч.), обращение к которым могло бы углубить понимание мотива сладострастия у обоих писателей. Продуктивным было бы и сопоставление в этом ключе творчества Достоевского и Мамлеева с “дионисийской” эссеистикой В.В. Розанова или текстами “петербургских гафизитов” Серебряного века. Однако все эти темы столь обширны, что выходят за рамки настоящей статьи и тоже нуждаются в самостоятельном рассмотрении.

В проведенном исследовании также показано, что идеологические убийцы Раскольников и Посеев разводятся и сближаются посредством двойной перекодировки, семантика которой обусловлена различием авторских взглядов. Таким образом, в статье расширены рамки “кода Достоевского” в зрелой романистике основателя “метафизического реализма” и осмыслен ряд составляющих его мотивов. Становится очевидным, что рецепция Достоевского у Мамлеева служит для производства новых смыслов, востребованных духовно-эстетическим контекстом нашей современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Силантьев И.В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
2. *Ветловская В.Е.* Анализ эпического произведения. Проблемы поэтики. СПб.: Наука, 2002. 211 с.
3. *Кибальник С.А.* Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: ИД “Петрополис”, 2013. 432 с.
4. *Семыкина Р.* О “соприкосновении мирам иным”: Ф.М. Достоевский и Ю.В. Мамлеев. Барнаул: БТПУ, 2007. 241 с.
5. *Мамлеев Ю.В.* О Достоевском // Мамлеев Ю.В. Бывает... М.: Эннеагон, 2008. С. 13–14.
6. *Мамлеев Ю.В.* Россия вечная. М.: Традиция, 2020. 232 с.
7. *Сараскина Л.И.* Человеческое и... иное измерение. Два диалога с писателем Юрием Мамлеевым // Сараскина Л.И. Непреодоленное: Диалоги двух десятилетий. Тула: Ясная Поляна, 2009. С. 57–68.
8. *Нефагина Г.Л.* Русская проза конца XX в.: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с. (О Мамлееве. С. 217–221).
9. *Григорян А.* Дойти до дна ада: Достоевский, Сологуб, Мамлеев // Вопросы литературы. 2016. Сентябрь–октябрь. С. 81–101.
10. *Трунин С.Е.* Рецепция Достоевского в русской прозе конца XX — начала XXI в. Минск: Логвинов, 2006. 156 с.
11. *Бойко М.* Метакритика метареализма. М.: Литературные известия, 2010. 92 с.
12. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? / пер. с нем. В.В. Бибихина. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2013. 288 с.
13. *Черняк М.А.* Актуальная словесность XXI века. Приглашение к диалогу: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Флинта, 2015. 233 с.
14. *Долинин А.С.* Блуждающие образы (О художественной манере Достоевского) // Вестник литературы. 1921. № 2. С. 1–3.
15. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 1–30. Л.: Наука, 1972–1990.
16. *Иоанн Лествичник, преп.* Лествица. Слово 15. О нетленной чистоте и целомудрии, которое тленные приобретают трудами и потами. [Электронный ресурс] https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Lestvichnik/lestvitsa-ili-skrizhali-dukhnovnye/20
17. *Добротолюбие: в 5 т.* М.: Сибирская Благозвонница, 2010. Т. 1. 554 с.
18. *Иоанн Златоуст, свят.* Избранные творения: в 2 т. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. Т. 2. 429 с.
19. *Бердяев Н.А.* Мирозерцание Достоевского // *Бердяев Н.А.* Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М.: Изд-во “Э”, 2016. С. 311–510.
20. *Касаткина Т.А.* Святая Лизавета // *Касаткина Т.А.* Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. С. 186–189.
21. *Тихомиров Б.Н.* “Лазарь! Гряди вон!”. Роман Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание” в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
22. *Мамлеев Ю.В.* Крылья ужаса: Роман // *Мамлеев Ю.В.* Собр. соч. Т. 3. М.: Эксмо, 2018. С. 7–54.
23. *Мамлеев Ю.В.* Блуждающее время: Роман // *Мамлеев Ю.В.* Собр. соч. Т. 2. М.: Эксмо, 2017. С. 65–199.

REFERENCES

1. Silantjev, I.V. *Poetika motiva* [The Poetics of the Motif]. Moscow, Iazyki slavianskoi kultury Publ., 2004. 296 p. (In Russ.)
2. Vetlovskaya, V.E. *Analiz epicheskogo proizvedeniia. Problemy poetiki* [Analysis of an Epic Work. Problems of Poetics]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 211 p. (In Russ.)

3. Kibalnik, S.A. *Problemy intertekstualnoi poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Intertextual Poetics]. St. Petersburg, ID "Petropolis" Publ., 2013. 432 p. (In Russ.)
4. Semykina, R. *O "soprikosnovenii miram inym": F.M. Dostoevskii i Iu.V. Mamleev* [About "Contact with Other Worlds": F.M. Dostoevsky and Yu.V. Mamleev]. Barnaul, BTPU Publ., 2007. 241 p. (In Russ.)
5. Mamleev, Iu.V. *O Dostoevskom* [About Dostoevsky]. *Mamleev Iu.V. Byvaet...* [Things happen...]. Moscow, Enneagon Publ., 2008, pp. 13–14. (In Russ.)
6. Mamleev, Iu.V. *Rossii Vechnaia* [Eternal Russia]. Moscow, Traditsiia Publ., 2020. 232 p. (In Russ.)
7. Saraskina, L.I. *Chelovecheskoe i... inoe izmerenie. Dva dialoga s pisatelem Iuriem Mamleevym* [Human and ... Another Dimension. Two Dialogues with the Writer Yuri Mamleev]. *Saraskina L.I. Nepreodolennoe: Dialogi dvukh desiatiletii* [The Insurmountable: Dialogues of Two Decades]. Tula, Iasnaia poliana Publ., 2009, pp. 57–68. (In Russ.)
8. Nefagina, G.L. *Russkaia proza kontsa XX v.: Uchebnoe posobie* [Russian Prose of the Late 20th Century: Tutorial]. Moscow, Flinta Publ.: Nauka Publ., 2003. 320 p. (*O Mamleevе* [About Mamleev], pp. 217–221). (In Russ.)
9. Grigoryan, A. *Doiti do dna ada: Dostoevskii, Sologub, Mamleev* [Reach the Bottom of Hell: Dostoevsky, Sologub, Mamleev]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2016, September–October, pp. 81–101. (In Russ.)
10. Trunin, S.E. *Retseptsii Dostoevskogo v russkoi proze kontsa XX – nachala XXI v.* [Dostoevsky's Reception in Russian Prose of the Late 20th – Early 21st Century]. Minsk, Logvinov Publ., 2006. 156 p. (In Russ.)
11. Boiko, M. *Metakritika metarealizma* [Metacritics of Metarealism]. Moscow, Literaturnye izvestiia Publ., 2010. 92 p. (In Russ.)
12. Heidegger, M. *Chto takoe metafizika?* [What is Metaphysics?], translated from German by V.V. Bibikhin, 2 Ed. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2013. 288 p. (In Russ.)
13. Chernyak, M.A. *Aktualnaia slovesnost XXI veka. Priglasenie k dialogu: Uchebnoe posobie* [Actual Literature of the 21st Century. Invitation to Dialogue: Tutorial], 2 Ed. Moscow, Flinta Publ., 2015. 233 p. (In Russ.)
14. Dolinin, A.S. *Bluzhdaiushchie obrazy (O khudozhestvennoi manere Dostoevskogo)* [Wandering Images (About Dostoevsky's Artistic Manner)]. *Vestnik literatury* [Bulletin of Literature]. 1921, No. 2, pp. 1–3. (In Russ.)
15. Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
16. Ioann Lestvichnik, prep. *Lestvitsa. Slovo 15. O netlennoi chistote i selomudrii, kotoroe tlennye priobretaiut trudami i potami* [Ladder. Word 15. About incorruptible purity and chastity, which the corruptible acquire by labor and sweat] https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Lestvichnik/lestvitsa-ili-skrizhali-dukhovnye/20 (In Russ.)
17. *Dobrotoliubie: v 5 t.* [Philokalia in 5 Vols]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2010, Vol. 1. 554 p. (In Russ.)
18. Ioann Zlatoust, svt. *Izbrannye tvoreniia: v 2 t.* [Selected Works in 2 Vols]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastiria Publ., 2006, Vol. 2. 429 p. (In Russ.)
19. Berdiaev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Berdiaev, N.A. *Russkaia ideia. Mirosozertsanie Dostoevskogo* [The Russian Idea. Dostoevsky's Worldview]. Moscow, E Publ., 2016, pp. 311–510. (In Russ.)
20. Kasatkina, T.A. *Svyataya Lizaveta* [Saint Lizaveta]. Kasatkina, T.A. *Kharakterologiya Dostoevskogo. Tipologiya emotsionalno-tsennostnykh orientatsii* [Dostoevsky's Characterology. Typology of Emotional and Value Orientations]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, pp. 186–189. (In Russ.)
21. Tikhomirov, B.N. *"Lazar! Griadi von!" Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii* ["Lazarus! Come out!" The Novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment" in Modern Reading: A Commentary Book]. St. Petersburg, Serebryany vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
22. Mamleev, Iu.V. *Krylia uzhasa: Roman* [Wings of Horror: A Novel]. Mamleev, Iu.V. *Sobranie sochinenii. T. 3* [Works, Vol. 3]. Moscow, Eksmo Publ., 2018, pp. 7–54. (In Russ.)
23. Mamleev, Iu.V. *Bluzhdaiushchee vremia: Roman* [Wandering Time: A Novel]. Mamleev, Iu.V. *Sobranie sochinenii. T. 2* [Works, Vol. 2]. Moscow, Eksmo Publ., 2017, pp. 65–199. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 апреля 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 16 мая 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
 Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on April 24, 2023
 Revised on May 16, 2023
 Accepted on June 15, 2023
 Date of publication: August 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027388-2

Изменяющаяся сущность (размышления над черновиками Е. Н. Коншиной)

© 2023 г. Р. Б. Ахметшин

Кандидат филологических наук,
доцент Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 11991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
ahmad-jin@mail.ru

Резюме. В настоящей работе рассматриваются материалы фонда Елизаветы Николаевны Коншиной (1890–1972), работавшей в 1920–1930-е годы над записными книжками А.П. Чехова и рукописями Ф.М. Достоевского. Это, во-первых, библиографические заметки рубежа 1910–1920-х годов, позволяющие создать представление о литературоведческих исканиях исследовательницы, нашедшей свой главный интерес в занятиях текстологией, в расшифровке черновых текстов, издавании писем и осмыслении структуры полных собраний сочинений русских писателей. В данных карточках довольно отчетливым кажется тяготение к вопросам о ритме и структуре прозаического, а не только стихотворного текста. И, во-вторых, это черновые записи Коншиной, которые шаг за шагом восстанавливают рукописи Достоевского, имеющие отношение к романам “Бесы” и “Братья Карамазовы”. Давно изученные и неоднократно издававшиеся, эти наброски еще не становились предметом изучения сквозь призму черновиков Коншиной. Ее записи по полноте и точности представляют собой образец текстологической расшифровки и позволяют воссоздавать – применительно к поэтике Достоевского – многие выразительные особенности его манеры уже в сырых набросках. Один из фокусов статьи – попытка бросить взгляд на процесс становления рабочих тем Е.Н. Коншиной, подолгу с ними не расстававшейся и не спешившей опубликовать свои книги и статьи.

Ключевые слова: Чехов, Достоевский, Е.Н. Коншина, записные книжки, рукописи, текстология, история литературы, ритм прозы.

Для цитирования: Ахметшин Р.Б. Изменяющаяся сущность (размышления над черновиками Е.Н. Коншиной) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 35–42. DOI: 10.31857/S160578800027388-2

Altering Nature (Speculations over Elizaveta Konshina’s Draft Papers)

© 2023 Ruslan B. Akhmetshin

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 Bld. 51, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
ahmad-jin@mail.ru

Abstract. The present article deals with the works of Elizaveta Konshina who studied Anton Chekhov’s notes and Fyodor Dostoyevsky’s manuscripts in 1920–1930. First and foremost, these are the bibliographical documents of 1910–1920 that build up a clear picture of Konshina’s researches in literature studies and her lifelong interest in textual criticism, in decoding draft papers, publishing letters and speculating over the structure of complete collections of works of Russian writers. These notecards show quite distinctly

her interest in the issues of rhythm and structure of a prosaic text. Secondly, step by step Konshina's draft notes reconstruct Dostoyevsky's manuscripts of "Demons" and "The Brothers Karamazov". Dostoyevsky's manuscripts have long been studied and have been published many times but Konshina's draft notes have never been looked into in this respect. Her papers are classic examples of textual decoding in terms of accuracy and completeness and help to reconstruct distinctive features of Dostoyevsky's writing style even in his rough drafts as far as his poetics is concerned. The article focuses on the very process of developing working topics by Konshina who used to keep them long by herself and wouldn't hurry to publish her books and articles.

Key words: Chekhov, Dostoevsky, E.N. Konshina, writers' notebooks, manuscripts, textual criticism, history of literature, prose rhythm.

For citation: Akhmetshin, R.B. *Izmenyayushchaya suschnost (razmyshleniya nad chernovikami E.N. Konshinoj)* [Altering Nature (Speculations over Elizaveta Konshina's Draft Papers)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 35–42. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027388-2

Видный представитель источниковедения, библиотечного дела, литературовед, исследователь записных книжек писателей, текстолог Елизавета Николаевна Коншина (1890–1972) оставила массу неоконченных работ, заметок и практически готовых к публикации текстов. В работе рассматривается ее отношение к рукописям Ф.М. Достоевского и предпринимается попытка истолкования их в аспекте ритма, однако при этом намечена попытка выйти за пределы рукописей "Братьев Карамазовых" к вопросам чуть более ранним и общим.

Задействованы следующие материалы, хранящиеся в Отделе рукописей РГБ:

1. Достоевский, Фёдор Михайлович. ["Братья Карамазовы"] — черновые наброски к книге седьмой гл. IV "Кана Галилейская" (НИОР РГБ. Ф. 93 (Достоевский, Фёдор Михайлович; Достоевская, Анна Григорьевна). К. 2. Ед. хр. 1/22. 1 л.).

2. Библиографические заметки, выписки и отзывы о книгах по истории русской и зарубежной литературы (систематизированы в алфавите авторов) — 1910-е—1920-е годы (НИОР РГБ. Ф. 619 (Коншина Елизавета Николаевна). К. 2. Ед. хр. 24. 243 л. + 3 конв.).

3. Коншина Елизавета Николаевна. Письма к Чеховой, Марии Павловне — 1928–1929 гг. (НИОР РГБ. Ф. 331 (Чехов). К. 91. Ед. хр. 65. 32 л.).

4. Материалы к работам над архивом Достоевского в Отделе рукописей ГБЛ (подготовка к печати текстов романа "Бесы", основные даты жизни и творчества писателя, организация выставки в 1956 г. и др. — 1930-е—1940-е годы, 1956 (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. 42 л.).

Поэтика составляет одно из направлений работы Коншиной, а также серьезную веху в становлении ее как ученого, наряду с историей

литературы, текстологией, биографией и другими пластами филологии. Ничто из этого не является фигурой речи, и я не пытаюсь представить дело так, словно многолетние занятия рукописями Достоевского свидетельствовали об этом историко-литературном интересе Коншиной. Напротив, имеется в виду построение истории русской литературы и изучение данной научной традиции, сложившейся к 1920-м годам. Сказанное имеет отношение к каждому аспекту ее деятельности, который она разрабатывала с неторопливостью и тщательностью.

Теоретизирование Коншину не очень интересовало, но сделанное ею в области текстологии, обработки рукописей и изучения их ошеломляет. Хотя главный ее интерес заключался в построении истории литературы, она, по всей видимости, оставила эту тему приблизительно к середине 20-х годов XX века, повторяюсь, несмотря на значительные наработки в этой области. И, несмотря на то что нередко говорила о "своей" истории литературы, в этом намерении, скорее всего, разочаровалась.

Исследование и систематическое описание ею рукописей Достоевского (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4) уже становилось предметом анализа [1]. Следующим шагом могло бы стать обращение к новому материалу, хронологически более раннему в деятельности Коншиной, он образует содержание другого *картона* — это "Библиографические заметки, выписки и отзывы о книгах по истории русской и зарубежной литературы", датируемые 1910–20 годами (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 2. Ед. хр. 24).

Работая над главной для себя темой, Коншина распределяет по блокам интересующие ее факты. К сожалению, эта общая композиция теперь лишь иллюзия, потому что она разобрала свои

записи по алфавиту. Был ли этот порыв к карто-
теке финальным в данной работе, пока остается
лишь гадать. Мое предположение заключается
в том, что работа над понятием “истории литера-
туры” оказалась для нее тупиковой ветвью, а бо-
ковые ее интересы, так называемые *Nebenfächer*,
наоборот, дали при этом любопытные всходы.
Один из таких устойчивых мотивов в работе Кон-
шиной образует стремление трактовать ритм ли-
тературного произведения.

В этот мотив могут быть включены не толь-
ко стиховые и стиховедческие штудии, но и во-
просы лексикологии, мифа, природы образного
мышления — то, что отчасти объединяется име-
нем А.А. Потебни, упоминаемого и цитируемого
Коншиной в этих записках более десяти раз. Сле-
довательно, не избежать сближения аллегории и
мифа. Далее: ритм прозы, скорость чтения — от-
части по немецким источникам и теориям.

Приведем несколько примеров.

Лист 2: “*Max Beer Die Abhängigkeit der Lesezeit
von psychologischen und sprachlichen Faktoren*¹.<[2]>

Den Unterschieden im psychologischen Eindruck
verschiedener Texte gehen Unterschiede in der Silbenzahl
und Lesezeit parallel <Различиям в психологиче-
ском впечатлении от разных текстов соответству-
ют различия в количестве слогов и времени чтения
[2, с. 297]. — *P.A.*>.

Häufung von Einsilbern, resp. Abnahme der mittleren
Silbenzahl, verlängert in der Prosa die Lesezeit”² <На-
растание количества слогов, соотв. уменьшение сред-
него количества слогов, увеличивает время чтения
в прозе. — *P.A.*>.

Лист 6: “Андрей Белый Жезл Ааронов. Скифы
<Скифы. Сб. 1^й. 1917. С. 155—212>

О метафоре и мифе и слове...

Слово = звук + образ, + понятие. Нужно, чтобы всё
было живо, тогда поэт<ично>. Так у Пушкина.

Корень слова — миф мифа, и метафора метафоры
Как звуки рисуют больше слов,

Шипенье пенных бокалов,
И пунша пламень голубой
пе — пе — бкл — пл — глб ...

Занятно, а порою и верно. Вскрывает то, что вос-
принимается бессознательно читателем, и почему
сильно эстетическое впечатление. Расцветший жезл”

Лист 51: “I Видение поэта Гершензона <М., 1919>

1) вопрос о природе этого смутного стремл<ения>

¹ Зависимость длительности чтения от психологических
и языковых факторов <Здесь и далее перевод мой. — *P.A.*>.

² Похожие цитаты и размышления возникают в записях
на листе, посвященном статье Пауля Куллмана “Стати-
стические исследования к психологии языка” (НИОР РГБ.
Ф. 619. К. 2. Ед. хр. 24. Л. 113 — 113 (об.)) [3], которую М. Беер
цитирует [2, с. 298], и в других случаях: воссоздать полно-
стью каждую карточку в условиях статьи невозможно.

(псих<ология> творч<ества>)

к9. — именно “идею”-то произв<едения> и можно
рассказать и познако<м>ить с ней, нельзя форму рас-
ск<аза>ть, её можно только пок<аза>ть

Художник обнаруживает свое видение не только
словами-образами, но и словами звуками, чередова-
нием их, также как и ритмом. <...>”

Ряд карточек посвящен фольклору, повторам,
сравнениям. Заговоры, рифмы и параллели — всё,
что также восходит к потебнианским интересам.
Особая тема — “Слово о полку Игореве” и стихо-
вые и поэтические формы этого памятника. Ча-
стотным в данных заметках следует считать опыт
констатации ритмических явлений по отноше-
нию к текстам “Слова о полку Игореве” и народ-
ной словесности.

Коншину интересовали и работы о стихе: см., на-
пример, карточку “Звуковые повторы Осип Брик”
(НИОР РГБ. Ф. 619. К. 2. Ед. хр. 24. Л. 12), — одна-
ко внимание О.М. Брика к “звуковой структуре
стиха”, обозначенное в подзаголовке статьи, шире
родовых рамок лирики³ и обращено к равновесию
элементов “образного и звукового творчества”
[4, с. 24, 25], и это в конспекте исследовательни-
цы отражается.

И затем, уже в ходе расшифровки рукопи-
сей романов “Бесы” и “Братья Карамазовы”
(НИОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4), нащупывает-
ся вероятность ритма прозы Достоевского. Такой
представляется картина, которая еще собирается.
Один из ресурсов уточнения ее обнаруживается
в чеховских материалах, но не только потому что
“Записные книжки Чехова” были изданы рань-
ше и являются, стало быть, полем апробации
исследовательских текстологических приемов,
отточенных в работе над тетрадями Достоевско-
го. Дело еще в том, что Коншина пыталась рас-
сматривать чеховские книжки как своего рода
архитектуру, объектом синтаксического анализа
для нее была не запись, а корпус таковых, бли-
жайших по времени или смыслу. Этот любопыт-
нейший прием надо разбирать самостоятельно:
он не делает записи стихотворным материалом,
не открывает в их соотношении ритмические яв-
ления, но заставляет думать, что на данном пути
как бы набивалась рука, совершенствовалась тех-
ника истолкования содержания каждого листа.
И нет уверенности, что таким же образом допу-
стимо интерпретировать 3Т Достоевского.

Интересно отношение исследовательницы
к Достоевскому, несмотря на все обстоятельства
научной биографии и карьеры, удерживавшие ее

³ См. об этом [5].

в чеховском круге. Рассматриваемый эпизод вряд ли случаен. Любопытно само внимание Коншиной к стилю литературного произведения, потому что в данной ситуации — по отношению к прозе — всё это (ритм фразы, строй текста и благородство слога) начинает взаимодействовать. Только трудность заключается в том, что речь идет о черновых рукописях писателя.

Ритм является традиционной для литературоведения темой. Однако прозаическое произведение своим большим объемом если не исключает возможность изучения явлений ритма, то затрудняет таковые. В этой связи осуществимыми кажутся замыслы, предполагающие потенциал в обращении к объемам небольшим — рассказу или очерку, отрывку, а также, как я надеюсь показать, записной книжке.

Начну с косвенной детали. З.С. Паперный в своей книге пишет, что “чеховские записи можно читать подряд, именно как книгу...” [6, с. 135]⁴. Речь, конечно, должна идти не об одной только последовательности, но о целостности восприятия. Это довольно очевидное представление ведет нас к следующему, которое нетрудно выстроить на продолжении начатой цитаты: “...как книгу, не прерывая чтения заглядыванием в соответствующий окончательный текст” [6, с. 135]. Обычно творческие записные книжки, как черновики, рассматриваются в связи с опубликованным или окончательным текстом. Доказательств тому слишком много. Все издатели записных книжек и рукописей на авторизованный текст ориентировались.

Коншина во вступительной статье к “Записным тетрадям Достоевского” много говорит не только о характере черновиков, но и о писателе, словно понимая, что читателям этой книги в большей степени нужен обобщающий портрет романиста. Поэтому описание принципов работы Достоевского подается в статье как итог обобщающего анализа — и речь идет о “манере Достоевского вносить заметки”, его “принципах записывания”: “Многие темы не умещались, однако, на одной странице, и тогда Достоевский давал им особую нумерацию, иногда перебивавшую естественную пагинацию” [7, с. 15]. Читателю этой книги, безусловно, памятно стремление воссоздать “живой <...> дух <...> автора

<...> Впечатление живой трепетности” [7, с. 17]⁵. В книге 1927 года таких внушительных обобщений о Чехове нет, несмотря на то что работа над чеховскими письмами и его наследием началась в середине 1910-х годов.

Здесь могла бы быть приведена в качестве иллюстрации сумма высказываний многих исследователей — литературоведов, в частности текстологов, и историков (как старого поколения, начала XX века — А.С. Долинина, Л.П. Гроссмана, Ф.И. Кривобокова (В.И. Невского) и мн. др., так и нового — из издания работы Комаровича, напр., статья О.А. Богдановой — ее слова о “телеогенетическом методе” [8, с. 34]) о том, что ЗК и ЗТ писателей нужны для более глубокого понимания шедевра. Размышляя над приведенной цитатой, мы, кажется, отправляемся по ложному пути — ложному не вообще, но с точки зрения занятий Е.Н. Коншиной, которая не только стремилась создать новый, уточненный образ писателя, но вела читателя в его лабораторию. Колоссальный материал книги о Достоевском предлагал трудное знакомство с писателем, оно было непривычно для читателя и исследователей тем, что обходило не только сложившийся в биографиях образ, но и сам биографический канон. Интересам Коншиной был присущ и другой смысл, опережающий ее время, тогда явленный немногим историкам, подвергавшим последовательному сомнению объективный характер исторического события. Допуская в свои исследования сомнение в окончательности образа Достоевского или пренебрегая этой окончательностью во имя такой, лишь на первый взгляд, заурядной задачи, как, например, постижение и обоснование хронологического порядка записей, Коншина могла прийти к более глубокому восприятию эстетики.

Она не отрицала огромных возможностей новых истолкований художественной целостности, открывающихся в расшифровке ЗК и ЗТ. Л.П. Гроссман говорил о “крупном самостоятельном интересе художественного или философского порядка” [9, с. 5], зарождающемся в такой работе. Этой самостоятельностью Коншина

⁴ Может быть, и неслучайно, что З.С. Паперный, читавший ЗК Чехова уже изданными, первую главу книги о них назвал “Поэтическое хозяйство” [6, с. 5–19].

⁵ В дополнение к этим, увы, вынужденно редким аргументам приведем еще одну “улику” из экспозиционного текста, составленного Коншиной к юбилейной выставке Достоевского: “Потому последующие <нрзб> витрины посвящены отражению его творческой лаборатории. Впрочем она вскрывается здесь лишь в самых грубых и основных приемах, однако необычайно своеобразных. <...> Затем совсем необычная, если можно так выразиться, лиричность внешнего вида рукописи — разговор с самим собою заносимый на бумагу в форме знаков, шрифтов, разметок, надписей, приписок и помет” (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 2).

существовала, ради нее проводила труднейшие опыты по расшифровке. У этой истории намечается, как мне кажется, некое развитие, и обозначить мы можем пока только начало его, но иные фазы, в силу неразработанности фонда, — пока нет. Возможно, в свои молодые, студенческие или преподавательские, годы Коншина слышала чье-то пренебрежительное мнение о попытках составить портрет автора по его произведениям: “Психология творчества очень интересная область, когда-то я к ней очень тянулась, потом спугнуло чье-то замечание, что доискиваться личности писателя в его произведениях — бабья черта” (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 2. Ед. хр. 24. Л. 225). Это редкая (по своей автобиографичной или автоидеологической [10, с. 26] сути) запись на клочке из второго конверта, названного «Les “roug” et les “qu’est-ce que c’est”», редкая потому, что Коншина почти не позволяет себе личных высказываний.

Кажется, что она, поверив авторитету, уловила в этом некое отражение и впоследствии приложила усилия, чтобы избежать вероятных упреков с чужой стороны и сомнений — со своей. Вероятно, в ходе исследований произошла трансформация ее научного любопытства, которая выразилась в странном, на первый взгляд, соперничании со сложившимся образом. Не имея возможности избежать его влияния, она постаралась максимально погасить в себе тяготение к нему.

Вот почему в ее работе меня интересует всё, что ведет к самостоятельности анализа ЗТ, когда труднее всего ставить вопросы об их природе и логике языка. Трудность, конечно, в том, что текст носит явные следы сырости, необдуманности, хаоса.

Работая с рукописями Коншиной (сканировать их пока невозможно), я обратил внимание на красные строки, обозначенные литерой Z, и обнаружил, что эта разбивка не была учтена ни одной из редакций — ни в Д30 [11], ни в ЛН-1973 [12]. Коншину интересовала возможность реконструкции всех графических деталей письма Достоевского, порой носившей непредсказуемый характер. Обе созданные ею версии разработки рукописей писателя повторяют малейшие особенности оригинала в максимально возможной степени.

Дело не в том, насколько поддается расшифровке тот или иной эпизод черновика, хотя различия между его “рукописным” и “книжным” видом даже при элементарном сопоставлении создают любопытный эффект. Дело в уникальности восприятия Коншиной рукописного материала, то

есть самого листа, соотношения записей на нем. Она видела свою задачу в восстановлении вычеркнутых Достоевским элементов рукописи, разумеется, не нарушая волю писателя, и от этого ее работа приобретала не только конкретный характер, но и подвижнический смысл.

Все эти признаки убеждают, что для Коншиной окончательная версия романа представляла огромный интерес. Пометы, нанесенные ею чуть позже на расшифровку карандашами разного цвета и чернилами, не оставляют сомнений в том, что она стремилась соотносить черновик с белой редакцией текста. Но рукопись влекла ее и своей имманентной стороной, своей самостью: в незавершенности, не познаваемой для читателя спонтанности набросков виделось то, что белая версия текста уже скрывала. Роман есть производное двух величин — метафора мысли автора и истории создания текста. Разрабатывающие рукопись романа черновики Коншиной представляют собой возвращение в лоно языка и период складывания мысли, т.е. разрушение метафоры. Ни то, ни другое не осмысливается само по себе и вместе — беспредметно. Сущность рукописи, данная нам в изменчивом виде, беспредметна, т.к. для понимания ее нужны все реалии в едином моменте времени и в синтезе их смыслов, а это практически осуществимо лишь в сознании исследователя. Как у Чехова, так и у Достоевского ситуация осложняется тем, что запись не ведет к одному произведению. Один из множества примеров: “— Тогда он, неверя, в награду если пойдет, (ибо атеист) решает расстаться с именем иначе, т.е. застрелиться. Суд за жену спасает его, и он идет на страдание, в Сибирь, с радостью. (NB. Даже зная что другой виноват, а не он)” [7, с. 38]. Почему же, приняв тезис о синтетичности мысли писателя о вариативности судьбы героя, мы объявляем войну формам его записи как проявлению несущностного...

Записи Достоевского, нередко мельчайшим подчерком, образуют столбики и при этом оставляют довольно много чистого пространства на листе. Своеобразная шахматная доска... В них возникают уникальные обозначения, не всегда сразу понятные. Таков знак тире, которым, казалось, Достоевский свой набросок или строку просто режет, итожит и которое иногда растягивается в прочерк; черновики Коншиной, конечно, его воспроизводят, однако редакция Д30 с этим не соглашается. Любопытно, что в письмах Коншиной начиная с 1928 года (только что ею была завершена работа над докладом в секции ГАХН о драматической природе “Бориса Годунова”)

в конце фразы может появляться тире-прочерк, как у Достоевского. Значит ли это, она распознала его смысл? В ее письмах это как раздел текста — дальше пойдет речь о другом. Но в черновиках Достоевского это могло иметь значение и сигнала сюжетного развития: не то чтобы “и так далее”, но своего рода “продолжение возможно”. И четвероточие, нередкое для Достоевского, тоже возникает под ее пером. Но предположение, что в это время она уже приступила к исследованию тетрадей Достоевского, уводит за пределы данной темы⁶.

Восстановление Коншиной автографа при расшивровке дает весомые результаты, и этот послы опирается на фундамент бережной кропотливости в отношении к каждой фазе развития мысли Достоевского. Материал для таких наблюдений возникает из сопоставления.

Черновые записи, не опубликованные в “Записных тетрадях Ф.М. Достоевского”, по этой причине сохраняют актуальность. Эпизод: “— Одни уходят в каторгу Z другие женятся И все Z это быстро, быстро, быстро и все <v>меняется и ничего не вменяется. Z А тут вдруг старость, и все старики и Z смотрят в гроб. Z И все прощают друг Z другу. В этом Z жизнь. Это очень Z хорошо, Алексей Ф-чъ (вздыхнула) —” (НИОР РГБ. Ф. 619. К. 9. Ед. хр. 4. Л. 8), — издавался неоднократно: в XV томе Д30 [11, с. 327–328] и в 86 томе Лит. наследства [12, с. 100] тексты идентичны. Однако с точки зрения самооценности исследования черновиков, их графического облика и внутренней природы, версия Коншиной, сохраняющая форму (построчное деление, а также префикс *в*- в угловых скобках) и не принятая редакцией, вызывает интерес, поскольку могла бы дать дорогу самостоятельному расследованию.

Разберем еще один отрывок: “и тихо безгласно Z совершилось Z радостное Z первое Z чудо —”⁷, — публикуемый в современных изданиях со значительной разницей. Так, в XV томе Д30 дается вариант “И тихо, без глас<u> совершилось радостное такое чудо” [11, с. 267] с запятой после “тихо”. 86-й том Литнаследства несколько более точен, хотя отсутствующую у Достоевского запятую сохраняет: “И тихо, безгласно совершилось радостное первое <?> чудо —” [12, с. 97], потому что “безгласно” вернее, — но оставляет вопросы

и при апелляции к оригиналу усиливает наши сомнения. В наброске-реконструкции Коншиной вся фраза к тому же сохраняла свой первоначальный ритмический облик (НИОР РГБ. Ф. 93. К. 2. Ед. хр. 1/22. Л. 1). Наблюдения Коншиной над характером редактирования писателем черновых текстов не только позволяют опровергать представления о стилевой неряшливости Достоевского, но и ведут к новым предположениям.

В реальности черновика запись о чуде коррелирует с двумя эпизодами: “Знаю другое великое сердце <...> Это так только крик — ” и “И у Грушеньки счастье <...> Да это пир — ”, — и, думается, не может быть без смысловых потерь включена в какой бы то ни было из них. Передать это без фотокопии крайне трудно. К тому же возможно, что запись в левом нижнем столбце (“Знаю другое великое сердце <...>”) возникла позже, чем запись в правом верхнем (“И у Грушеньки счастье <...>”), о чем свидетельствует уходящее вниз, в вертикаль причастие “бывшего”, как бывает, когда строки недостаточно, а перенос исключается спонтанностью письма. Возможно, однако, и иное предположение, о чем речь ниже. Несоблюдение в черновике лево-правой перспективы, как равно и асимметрия любой “градусности” (Достоевский пишет под разными углами, словно не рискуя тратить время на поворот листа, чтобы не упустить возникающее впечатление), — это неочевидное свойство работы писателя, оно может оспариваться в интересах доказательства композиционной акцентировки записей, зафиксированных, кажется, хаотически, но, главное, всегда бросающихся в глаза.

В общем-то, чтобы рассуждать о рукописи Достоевского, необходимо создать ее дескриптивную копию. Но не ко всем наброскам это, видимо, можно применить: как пересказать стихи прозой?.. Прозаические, еще рыхлые, наброски перенесут эту операцию без особого вреда для смысла, но иные, уже насыщенные энергией и пафосом, имеющие стихотворный вид, требуют именно воспроизведения. И, словно отвечая этой установке, листы Коншиной врезаются в память своей уникальностью.

Осмелюсь дополнить имеющиеся представления вариантами трактовки предложенного отрывка.

Лесенка Достоевского, наверное, не имеет исследовательского версификаторского характера и только относится каким-то образом к композиции стиха, но исключить это отношение и его стилевые эффекты без подсчетов представляется

⁶ Не об этом ли идет речь в одном из писем к М.П. Чеховой от 21 января 1928 г.: “теперь и доклад прочтён, который до этого брал всё время <...> Правда, что я разохотилась и страшно хочется в этом же сезоне прочесть еще 2, или по крайней мере, один, и я уже опять сию с книжками, с теориями” (НИОР РГБ. Ф. 331. К. 91. Ед. хр. 65. Л. 1)?

⁷ См.: НИОР РГБ. Ф. 93, к. 2. Ед. хр. 1/22. Л. 1.

мне пока преждевременным. Тем более, что “патетическая энергия” записи:

“Знаю другое великое сердце
другого великого Существа <...>”, —

заставляет декламировать.

И если другой эпизод на том же листе прочитать в предложенной версии [1, с. 92]:

“и тихо безгласно
совершилось
радостное
тихое
чудо —” (НИОР РГБ. Ф. 93. К. 2. Ед. хр. 1/22. Л. 1), —

особая *плавность*, избегающая соблазна стиховой регулярности⁸, каждое слово в строку, то есть сама *структура записи* (как и в приведенном выше эпизоде “— Одни уходят в каторгу Z другие женятся <...>”), кажется, воссоздает эмоциональное, в одном случае вздохами перебиваемое, в другом — передающее ретардацию завершения (учитывая тире-прочерк после *чудо*) состояние. Следовательно, *тихое*, но не первое, *чудо* больше соответствует законам тождества, стихом подкрепляемого, и вносит большую стройность в напевный финал, делающий высказывание *фразой*. Если бы мы постоянно думали о том, что это черновая рукопись, вряд ли возникал бы посыл к исследованию ее природы.

Это впечатление может быть воспринято как пафос реплики, высказывания, ставший эффектом эмпатии. Но допустимым кажется предположить иные причины: ритмизацию речи, речевого отрезка как неслучайное явление — творческое задание писателя. Видимо, нужно отвергнуть представление о том, что в черновиках текст не может быть столь определенным в своем эмоциональном, синтаксическом и прочем воплощении, не может обретать такую эмпирическую явность как по отношению к звучащей речи, так и по отношению к действующему характеру. Реконструкция Коншиной указывает, что для Достоевского это было состояние реального вдохновения в силу овладевшей текстом эмоциональности и что именно здесь, при не сложившемся пока тексте, герои его уже говорили как живые и речь их была горячей и подлинной. Наверное, к таким явлениям следует отнести и речевой статус рассказчика, но и это требует проверки и обоснования. Это ведет к пониманию такой важной и трудной темы, какой является воображение писателя. И Коншина находилась

на подступах к решению этой задачи, иначе трудно объяснить какие-то детали ее погруженности в процесс воссоздания рукописи. Другими словами, порой для Коншиной она переставала быть черновой, являя собой нечто эстетически состоявшееся, полноценное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметшин Р.Б. Е.Н. Коншина в работе над изданием записных тетрадей Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2022. № 9 (1). С. 80–98.
2. Beer M. Die Abhängigkeit der Lesezeit von psychologischen und sprachlichen Faktoren // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1 Abteilung. Zeitschrift für Psychologie. Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1910. Bd. 56. H. 4. S. 264–298.
3. Kullmann P. Statistische Untersuchungen zur Sprachpsychologie // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1910. B. 54. S. 290–310.
4. Брик О.М. Звуковые повторы // Сборники по теории поэтического языка. Вып. II. Пг., 1917. С. 24–62.
5. Светликова И.Ю. “Звуковые повторы” Осипа Брика // Philologica. 2001/2002. Vol. 7, № 17/18. С. 183–194.
6. Паперный З.С. Записные книжки Чехова. М.: Советский писатель, 1976. 392 с.
7. Записные тетради Ф.М. Достоевского, публикуемые Центральным Архивным Управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР имени Ленина (тетради №№ 2 и 3) / подг. к печ. Е.Н. Коншиной, комм. И.Н. Игнатовой и Е.Н. Коншиной. М.; Л.: ACADEMIA, 1935. 472 с.
8. Богданова О.А. В.Л. Комарович — исследователь Ф.М. Достоевского // Комарович В.Л. “Весь устремление”: статьи и исследования о Ф.М. Достоевском / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 5–49.
9. Записные книжки А.П. Чехова / Подг. к печ. Е.Н. Коншиной, ред. Л.П. Гроссмана. М.: Государственная академия художественных наук, 1927. 137 с.
10. Гинзбург Л.Я. Автобиографическое в творчестве Герцена // Герцен и Огарев в кругу родных и друзей: [сборник]: в 2 кн. / ответственные редакторы Л.Р. Ланский и С.А. Макашин. М.: Наука, 1997. С. 7–54. (Литературное наследство. Т. 99, кн. 1)
11. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. 624 с.
12. Коншина Е.Н. Заметки к “Братьям Карамазовым” и “Дневнику писателя” // Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 97–100. (Сер.: Литературное наследство; т. 86)

⁸ Направивается “свершилось”, поскольку “безгласно”, да и в первой строке начальное *и* редуцировано довольно сильно.

REFERENCES

1. Ahmetshin, R.B. *E.N. Konshina v rabote nad izdaniem zapisnykh tetradey Dostoevskogo* [E.N. Konshina's Work on Publishing Dostoevsky's Notebooks]. *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2022, No. 9 (1), pp. 80–98. (In Russ.)
2. Beer, M. Die Abhängigkeit der Lesezeit von psychologischen und sprachlichen Faktoren. *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1 Abteilung. Zeitschrift für Psychologie*. Leipzig: Johann Ambrosius Barth Publ., 1910, V. 56, H. 4, pp. 264–298. (In Germ.)
3. Kullmann, P. Statistische Untersuchungen zur Sprachpsychologie. *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane*, 1910, V. 54, pp. 290–310. (In Germ.)
4. Brik, O.M. *Zvukovye povtory* [Sound Repetition]. *Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* [Collected Articles on Theory of Poetical Language]. Petrograd, 1917, Issue II, pp. 24–62. (In Russ.)
5. Svetlikova, I.Yu. “Zvukovye povtory” Osipa Briki [“Sound Repetition” by Osip Brik]. *Philologica* [Philologica]. 2001/2002. Vol. 7, No. 17/18, pp. 183–194. (In Russ.)
6. Paperny, Z.S. *Zapisnye knizhki Chekhova* [Chekhov's Notebooks]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1976. 392 p. (In Russ.)
7. *Zapisnye tetradi F.M. Dostoevskogo, publikuemye Centralnym Arhivnym Upravleniem SSSR (tetradi №№ 1 i 4) i Publichnoy bibliotekoj SSSR imeni Lenina (tetradi №№ 2 i 3)* [F.M. Dostoevsky's Notebooks, Published by the USSR Central Archives (Copybooks No. 1 and 4) and the USSR Public Library Named after Lenin (Copybooks No 2 and 3)]. Ed. by E.N. Konshina, comm. By I.N. Ignatova and E.N. Konshina]. Moscow, Leningrad, ACADEMIA Publ., 1935. 472 p. (In Russ.)
8. Bogdanova, O.A. *V.L. Komarovich — issledovatel F.M. Dostoevskogo* [V.L. Komarovich as Dostoevsky's Researcher]. Komarovich, V.L. “*Ves ustremenie*”: *statji i issledovaniya o F.M. Dostoevskom* [“Craving for...”: Articles and Researches on F.M. Dostoevsky. Collect. and Ed. by O.A. Bogdanova]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 5–49. (In Russ.)
9. *Zapisnye knizhki A.P. Chekhova* [A.P. Chekhov's Notebooks. Prepared for Print by E.N. Konshina, Ed. by L.P. Grossman]. Moscow, Gosudarstvennaya Akademiya hudozhestvennykh Nauk Publ., 1927. 137 p. (In Russ.)
10. Ginzburg, L.Ya. *Avtobiograficheskoe v tvorchestve Gercena* [The Autobiographical in Herzen's Works]. *Gercen i Ogarev v krugu rodnym i druzej: v 2 kn. — Literaturnoe nasledstvo* [Herzen and Ogarev in Their Circles of Relatives and Friends: in 2 Volumes. Literary Heritage. Editors L.R. Lanskij and S.A. Makashin; Editor in Chief F.F. Kuznecov]. Moscow, Nauka Publ., 1997, Vol. 99, book 1, pp. 7–54. (In Russ.)
11. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 15* [Complete Works: in 30 volumes. Vol. XV]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 624 p. (In Russ.)
12. Konshina, E.N. *Zametki k “Bratyam Karamazovym” i “Dnevniku pisatelya”* [Notes to “The Brothers Karamazov” and “A Writer's Diary”]. *F.M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya* [F.M. Dostoevsky. New Materials and Researches. Literary Heritage. Vol. 86]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 97–100. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 марта 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 6 июня 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
 Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on March 14, 2023
 Revised on June 6, 2023
 Accepted on June 15, 2023
 Date of publication: August 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027389-3

М. Н. Муравьев и Д. И. Хвостов: проблема успеха при дворе Екатерины II

© 2023 г. А. Д. Ивинский

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ivinskij@gmail.com

Резюме. Статья посвящена анализу литературных взаимоотношений М.Н. Муравьева и Д.И. Хвостова. Она основана на материалах, которые хранятся в Отделе рукописей РГБ, Отделе письменных источников Государственного исторического музея и Рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук и которые еще не привлекали внимания исследователей. Вводятся в научный оборот «Стихи для Дмитрия Ивановича Хвостова» и 13 писем Муравьева к нему же. На новых материалах показано, что Муравьев играл роль посредника между властью и начинающим драматургом, а следовательно, участвовал в оформлении культурной политики императрицы Екатерины II.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>

Ключевые слова: М.Н. Муравьев, Д.И. Хвостов, Екатерина II.

Для цитирования: Ивинский А.Д. М.Н. Муравьев и Д.И. Хвостов: проблема успеха при дворе Екатерины II // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 43–54. DOI: 10.31857/S160578800027389-3

M. N. Muravyov and D. I. Khvostov: The Problem of Success at the Court of Catherine II

© 2023 Alexander D. Ivinskiy

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ivinskij@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of literary relations between M.N. Muravyov and D.I. Khvostov. It is based on materials held by the Department of Manuscripts of the Russian State Library, the Department of Written Sources of the State Historical Museum and the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences. These materials have not yet attracted the attention of researchers. In the paper we publish and comment Muravyov's poem "To Dmitry Ivanovich Khvostov" and 13 letters to Khvostov. The new data shows that Muravyov played the role of an "intermediary" between the authorities and the Khvostov, and, consequently, participated in the formation of the cultural policy of Empress Catherine II.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664>

Key words: Mikhail Muravyev, Dmitry Khvostov, Catherine II.

For citation: Ivinskiy, A.D. *M.N. Muravyov i D.I. Khvostov: problema uspekha pri dvore Ekateriny II* [M.N. Muravyov and D.I. Khvostov: The Problem of Success at the Court of Catherine II]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 43–54. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027389-3

Интерес Екатерины II к театру общеизвестен: она сама писала комедии и трагедии и организовывала культурную политику в этой сфере (см., напр.: [1]; [2] и др.). Однако мы не всегда понимаем, как именно императрица пыталась управлять ею: очевидно, что речь не может идти исключительно и только о прямых указаниях сановникам, которые как-то должны были выстроить этот сложный и противоречивый процесс или по крайней мере как-то встроиться в него. При всей значимости подобного рода действий с самолюбивыми литераторами и даже с одаренными начинающими авторами нужно было работать деликатнее, мотивируя их, вдохновляя, приближая к двору или отдаляя от него. История литературных отношений М.Н. Муравьева и Д.И. Хвостова — яркое тому подтверждение: о них мы знаем очень мало и лишь начинаем собирать и систематизировать соответствующие материалы¹.

Так, новые свидетельства находим в неопубликованных письмах и сочинениях Муравьева, которые рассеяны по архивам Москвы и Санкт-Петербурга. По-видимому, знакомство двух поэтов произошло в июне 1778 г.; см. отрывок из письма Муравьева к Н.А. и Ф.Н. Муравьевым от 12 июня 1778 г.: «Я уж здесь присовокупил к своим знакомствам двух молодых людей весьма хорошего поведения. Это Г. Микулин и Хвостов. Так мило иметь сообщество! кажется что тогда занимаемся мы более и сами собою, когда причины любить себя, усугублены»². Среди писем, сохранившихся в конволюте за 1778–1779 гг., находим одно, к сожалению, не датированное, но явно показывающее, что Муравьев и Хвостов довольно тесно общались в это время: «На нынешней неделе читал мне Г. Хвостов свою комедию *Легковерного* и я хотел ее слушать с почитатель писмен. Она меня совершенно удовольствовала и как первое произведение очень молодого человека, достойнейшего примечания...»³. Видимо, его нужно отнести к 1778 или первой половине 1779 г.: поставлена комедия была в октябре 1779 г. [6, с. 63 и далее].

Эту картину может дополнить источник, который еще не привлек должного внимания исследователей и не был до сих пор опубликован, — письма Муравьева к Хвостову, которые хранятся в РО ИРЛИ⁴.

Они проясняют роли, которые играли все заявленные участники сложно устроенной придворной культуры: Екатерина II — верховный арбитр, который определяет, что и как должно ставиться на сцене; Муравьев — посредник, который должен транслировать волю власти; Хвостов — автор, успех которого зависит от того, примет ли он «рекомендации» и сможет ли соответствовать чаяниям императрицы. При этом, разумеется, и Муравьев, и Хвостов обладали определенной степенью свободы, которая и отличала их от рядовых чиновников и позволяла претендовать на то, чтобы хотя бы до некоторой степени определять интеллектуальный ландшафт эпохи.

Большая часть писем Муравьева к Хвостову (10 из 13) была написана в 1779 г. — в промежутке от 11 июля до 24 декабря. Один текст (<1>) может быть датирован приблизительно — не ранее середины 1778 г., так как в нем упоминается четвертая часть «Опыта трудов Вольного собрания при Московском университете», в которых были опубликованы произведения Муравьева [7]. Еще один (<2>) точно локализовать во времени не представляется возможным. Последнее же письмо в этой подборке датировано 10 августа 1781; также находим здесь письмо к И.М. Хвостову и приписку к нему, обращенную к Д.И. Хвостову.

Практически все эти тексты посвящены театру, его истории и современности, а также сочинениям участников переписки. Они позволяют не только приблизиться к реконструкции того интеллектуального контекста, в котором существовали молодые писатели 1770-х годов, но и скорректировать целый ряд утвердившихся в науке представлений и концепций.

Так, например, в письме <1> Муравьев, рассуждая о «первом поколении русских писателей», ожидаемо высмеивал Тредиаковского, но при этом сблизил (если не уравнил) Ломоносова

¹ См. ценные указания: [3, с. 347]; [4]; [5, с. 81, 174–175, 178, 181, 312, 427, 435, 443, 445].

² Письма М.Н. Муравьева к отцу Н.А. 1778–1779 гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 51. Л. 53.

³ Там же. Л. 73–73 об.

⁴ *Хвостов Д.И.* Рукописный сборник // РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 40–59.

и Сумарокова, которые для него являлись авторами одного порядка — безусловными классиками. Таким образом, уже в 1770-е годы современники и ближайшие потомки видели в них не противников или даже представителей разных “школ”, а союзников в деле просвещения и развития искусств.

Там же Муравьев упомянул некую “Эпитафию”⁵, которую Хвостов ему “сказывал в Театре” и которую он творчески обыграл и переосмыслил: “...сделал я следующее, не знаю что, перевод или пародию”:

Двоих любившихся остатки здесь смесились,
Что жили для того, чтоб чувствовать их жар,
Заблудшись, на себя их руки покусилась;
Отчаянна любовь свершила сей удар.
Злодейством вера их проступок нарекает;
Слезами чувство чтит, и разум умолкает.

В “Записной книге” Муравьева сохранилось произведение, озаглавленное “Стихи для Дмитрия Ивановича Хвостова”; так как оно еще не было введено в научный оборот, приводим его здесь:

Стихи для Дмитрия Ивановича Хвостова
Двоих любившихся остатки здесь смесились,
Что жили для того, чтоб чувствовать их жар:
Заблудшись на себя их руки покусилась;
Отчаянна любовь свершила сей удар.
Злодейством вера их проступок нарекает,
Слезами чувство чтит и разум умолкает.

Счастлив, кто близ тебя тобой единой тлеет,
Кто внемлет восхищен слова из уст твоих;
Кто сладостно твоей улыбкой цепенеет:
И боги могут ли превзойти счастьем их?

Узрю тебя, и огонь тончайший пробегает
Из жилы в жилу вдруг по телу моему;
В порывах сладостных душа изнемогает,
Я трачу глас, к лицу прильпenna твоему.

Се облак мглы очей отымет представление,
Я слышать престаю, в приятный дмрак впад
Без цвета, задышась, во ужасе, во тленье,
Вдруг трепет пробежит, вокруг сердца станет хлад⁶.

И. Виницкий в своей относительно недавней книге о Хвостове указал, что этот текст “датируется архивистами приблизительно 1775 годом” [6, с. 41], однако это не совсем верно: строго говоря, Л.А. Алехина, подготовившая обзор архивных

⁵ Как справедливо указал И. Виницкий, речь идет об эпитафии Ж.Ж. Руссо, посвященной двойному самоубийству лионских любовников Терезы и Фальдони (“De deux Amans qui se sont tués à St. Etienne en Forés au mois de Juin 1770”), которую перевел Хвостов [6, с. 35 и далее].

⁶ Муравьев М.Н. Записная книга — стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе 1771–1803 // ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1. Л. 47.

материалов Муравьева в фондах РГБ [8], на который сослался исследователь, не датировала этот текст. Недоразумение могло возникнуть из-за того, что “Стихи” находятся среди других текстов, объединённых в “Услаждение скуки. Журнал Санкт-Петербургских упражнений. 1775 год”⁷. Тем не менее, это указание не надо принимать буквально, так как Муравьев возвращался к своим текстам на протяжении десятилетий, что-то дописывая, что-то исправляя, что-то вычеркивая. Кроме того, не очень ясно, зачем Муравьев стал бы посвящать в 1775 г. стихотворение неизвестному Хвостову, с которым он даже не был знаком. Теперь мы можем датировать его точнее: первая строфа была написана не ранее середины 1778 г., затем Муравьев дописал еще три строфы, возможно, в это же время, а может быть, и позже; в любом случае мы склонны относить его к 1778–1779 гг. — времени наиболее интенсивного общения молодых людей (напомним, кстати, что стихотворение Муравьева “Успех твой первый возвещая...”, посвященное Хвостову, было написано примерно в тот же период — осенью 1779 г. [3, с. 184]).

Письмо <2>, помимо сердечных излияний, уже содержит деловую часть: Муравьев писал, что “недели три назад, как я обещался Ив.<ану> Аф.<анасьевичу> Дмитревскому сказать от него вам, что он желает вас видеть”. Таким образом, мы видим, что он с начала эпистолярного общения старался быть полезным Хвостову и заручиться его расположением, поэтому в этом же письме обещал “завтра <...> иметь удовольствие сам извиниться перед вами”.

Первое датированное письмо <3>, от 11 июля 1779 г. — посвящено сразу нескольким сюжетам. Муравьев писал о Мольере и его роли в развитии французского театра, при этом он противопоставил известных писателей придворным Людовика XIV; это важно хотя бы потому, что он прозрачно намекал адресату на то, что они так же, как и Мольер или Расин, относятся к особой группе, писателям, которые могли бы претендовать на особый статус при дворе:

Мольер, который вам столько известен, был в искреннейшем союзе со всеми знатоками письмен, достойных сего имени. Он награждал опыты начинающего Расина. Буало, Шаппель и множество других писателей были для него лучшее общество, нежели все сии придворные Людовика XIV, с которыми общался он для изучения их шалостей.

Далее мы вновь видим Муравьева — посредника между Хвостовым и Дмитревским:

⁷ Там же. Л. 40.

Чтоб исполнить приказание ваше, ходил я нарочно вчера к Ивану Афанасьевичу <Дмитревскому>, но, по несчастю, не застал его дома. С будущей почтой буду иметь честь сообщить вам ответ его. Два дня прежде получения письма вашего говорил я с ним о вашей комедии. Он отозвался, что она уже отдана им для представления, но что череда ее будет по осени.

Отметим, что Муравьев не просто “исполнял приказание” Хвостова — это, конечно, обычная этикетная формула, но и обсуждал с Дмитревским комедию своего приятеля (очевидно, речь идет о “Легковерном”⁸) и планы по ее постановке на сцене.

Вторая половина письма — обсуждение театральных и литературных новостей; бросаются в глаза имена М.М. Хераскова, И.И. Хемницера, Дмитревского и Д.И. Фонвизина:

Русский театр принимает новую жизнь и вот уже два вторника, что дают новые комедии: в прошедшую неделю играли комедию Михаила Матвеевича <Хераскова> *Злонравный*. Меня еще не было тогда в Петербурге, затем что дней восемь, как я приехал из Твери. Впечатление от сей комедии было столь сильно, что едакий характер, слышал я от одного зрителя, конечно, должен существовать. Злые ненавидят стихотворцев, и вы видите, сударь, что они имеют причину. Их узнают. На нынешней неделе дана была комедия *Святоточная шутка*, переложенная из Монт-Флертовой комедии *La Fille Capitaine*⁹, пьеса, которой предмет смешит как бы нибудь. Вы не представите себе, сколько рукоплесканий при всякой неблагопристойности. Надобно признаться, что множество шуток в ней истинно смешных. Говорят, будто Дмитревский ее переделывал.

Денис Иванович <Фонвизин> пишет комедию с великим успехом, как говорит Иван Афанасьевич <Дмитревский>, но я не знаю еще ее содержания. Здесь вышли из печати басни Г. Хемницера, который взял в образец Геллерта: публика их удостаивает хорошего приятия.

Муравьев уже прекрасно ориентировался в литературном мире Санкт-Петербурга, ему было важно продемонстрировать своему адресату, что он хорошо разбирался в сложившихся литературных репутациях и понимал, на что именно нужно обратить внимание просвещенного собеседника. Само по себе важно указание на то, что Фонвизин летом 1779 г. уже активно работал над “Недорослем”. Заслуживает комментария и “Капитанская дочка” Монфлери-младшего. С одной стороны, тот факт, что произведения второстепенного французского драматурга и великого русского писателя называются одинаково, в значительной

степени случаен, с другой — можно аккуратно предположить, что Пушкин, работая над историческим романом об екатерининской эпохе, мог знать о пьесе, которая, как утверждает Муравьев, возможно, была переложена на русский Дмитревским и которая могла получить определенный резонанс при дворе. Не желая вдаваться в детали, мы, тем не менее, позволим себе напомнить, что Монфлери-младший был одним из главных врагов и критиков Мольера, не принял его реформу, был последовательным “консерватором” в искусстве и, игнорируя устоявшуюся моду, обратился к опыту домольеровской драматургии (см., например: [9, с. 31–32]). Пушкин, создавая свою “Капитанскую дочку”, “роман на старый лад”, мог обыграть этот сюжет, иронически подчеркивая свой собственный консерватизм, а одновременно отсылая к литературным делам времен Екатерины II и Людовика XIV.

В письме <4> от 16 июля 1779 г. Муравьев, по поручению Дмитревского, сообщил Хвостову новость о том, что “Легковерный” готовится к премьере. Отметим при этом, что позднее Хвостов вспоминал, что Муравьев “имел поручение от автора нашего, с помощью известного актера Дмитревского, раздать роли и споспешествовать комедии его Легковерный, которая была представлена на придворном театре при Екатерине II, удостоилась внимания сей государыни и похвалы публики” [10, с. 526]. Таким образом, акценты здесь намеренно смещены: инициатива теперь принадлежит самому Хвостову, а Муравьев оказывается лишь исполнителем воли товарища.

Очевидно, не получив ответа Хвостова, Муравьев в письме <5> (от 23 июля 1779 г.) снова писал о решении поставить “Легковерного”. В письме <6> (от 13 августа 1779 г.) вновь упоминался Дмитревский, на этот раз Муравьев должен был передать известному актеру письмо Хвостова. Там же Муравьев сообщал о том, что “В.В. <Ханыков> и Ал.Ал. Мик<улин> недели две тому назад, зашедши нечаянно в Театральную контору, видели, как списывали роли вашего *Легковерного*”¹⁰. Возможно, Муравьев хотел тем самым поддержать Хвостова, напряженно ожидавшего премьеры своей комедии.

В письме <7> (от 16 сентября 1779 г.) Муравьев пересказывал оценки комедии Хвостова, данные Дмитревским и В.И. Бибиковым:

⁸ Об этой комедии см.: [6, с. 66–74].

⁹ А.-Ж. Монфлери-мл. (1639–1685) — французский актер и драматург. Пьеса “La fille de Capitaine” была напечатана в 1672 г., потом многократно переиздавалась.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 178. N. 11161.1. Л. 40.

Я вас уверяю, что Ив. Аф. <Дмитревский>, или, лучше сказать, Василий Ильич¹¹, самых выгоднейших мыслей о вашей комедии, что я слышал от людей посторонних. Первый вас просит через меня продолжать труды ваши и сообщать их ему по мере, как их оканчивать будете, твердо уверены, что они с радостью будут приняты.

Здесь наконец проясняется, почему Дмитревский не мог написать Хвостову *напрямую*. Дмитревский (а может быть, Бибииков через него) обращается к Хвостову *через* Муравьева, который прямо и недвусмысленно (“через меня”) называет себя посредником и сообщает об этом своему адресату.

Письмо <8> — подробное описание триумфа Хвостова, мы видим, как тепло “Легковерный” был принят при дворе, что пьеса стала предметом разговора императрицы и В.И. Бибиикова (кстати, откуда Муравьев об этом знает? Вряд ли он мог быть участником этого разговора; скорее всего, он передавал общее впечатление зрителей, среди которых были Екатерина II, В.И. Бибииков, Г.А. Потемкин).

На следующий день в письме <9> Муравьев вновь писал Хвостову об успехе его комедии, не забыв упомянуть о “зависти” Я.Б. Княжнина.

Как видно из письма <10>, Муравьев уже был обеспокоен публикацией произведения своего приятеля и советовал обратиться в Московскую типографию: “Содержатель ее — один из лучших наших писателей и страстный любитель писем Н.И. Новиков, и, здесь будучи, печатал несколько комедий на своем иждивении”. Подчеркнем, что Новиков — такой же участник придворной литературной игры, как и императрица, и Бибииков, и Дмитревский, и сам Муравьев. Он явно не воспринимался как опасный или опальный человек, напротив, публикация у него пьесы обласканного двором молодого автора вполне естественна.

Кульминация данного сюжета — письмо <11>, в котором Муравьев рассказал Хвостову о том, как он обсуждал “Легковерного” с С.Г. Домашневым, как пьеса была принята при дворе и, что особенно важно, чего теперь ждут от начинающего автора. Екатерина II присутствовала на спектакле, комедия ее, видимо, заинтересовала, поэтому она обсудила ее с театральным цензором В.И. Бибииковым, который передал “инструкции” директору Академии наук С.Г. Домашневу, а тот, в свою очередь, использовал Муравьева как посредника для того, чтобы донести мысли

императрицы до скромного автора. При этом Муравьев это прекрасно понимал и прямо об этом говорил в письме от 24 декабря 1779 г.: “Вы видите, что я сделался орудием ваших знакомых, которые друг перед другом ободряют вас в пути вашем”¹².

Эта история, кажется, проливает свет на причины возвышения Муравьева: безвестный провинциал стал воспитателем Александра и Константина Павловичей, а затем сделал карьеру в Московском университете именно потому, что годами наработывал нужные связи и включался в самые разные элитные сюжеты. Кроме того, данный сюжет со всей очевидностью показывает, как двор через своих посредников влиял и часто определял культурную и литературную политику эпохи.

* * *

Археографические принципы, которым мы следовали¹³, таковы. Мы ориентировались на “Правила издания исторических документов в СССР”: “При передаче текста документов до конца XVIII в. сохраняются его орфографические особенности, как являющиеся нормой, так и отклонения от принятых для своего времени норм орфографии” [11, с. 24]. Так, отказавшись от передачи некоторых букв (ерь, ерь, фита и др.), мы сохранили основные особенности орфографии и пунктуации XVIII в.: формы множественного числа на -ья, -ия; устаревшие написания вроде: “есть-ли”, “есть ли”, “сево дни”, “шашье” и т.п.; приставки, оканчивающиеся на “з” в позиции перед глухим согласным, и др.; ср.: “Текст рукописных книг и документов от начала XVI в. до конца XVIII в. передается буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв

¹¹ Видимо, речь идет о В.И. Бибиикове (1740–1787) — драматурге, цензоре театральных пьес и актере-любителе.

¹² При этом, кажется, не стоит переоценивать степень близости Муравьева и Хвостова: в письме <6> Муравьев писал о “некотором обществе молодых людей”, которые собирались “издать здесь une très petite brochure под названием своих сочинений”. Он предложил Хвостову поучаствовать в этом проекте: “Если бы вы намерились сделать честь ему сообщением ваших мелких пьес нравоучительного содержания et de legere satire <...> вы бы сделали ему истинное одолжение”. Однако уже из письма <7> следует, что этому предприятию не суждено было реализоваться: Муравьев сетовал, что “не имел удовольствия ни к вам писать, ни от вас получить ответа” и что Хвостов мог даже исключить его “из числа ваших приятелей” (разумеется, это просто этикетная формула). Там же он сообщал, что литературное общество, “кажется, уничтожилось”. Предполагалось, что оно должно было состоять из Хвостова, который так и не ответил, само-го Муравьева, а также Ханькова и Микулина, которых служебные дела заставили временно покинуть Петербург.

¹³ Ранее эти принципы мы применили в других публикациях эпистолярного наследия Муравьева: [12]; [13]; [14].

современными, обозначающими тот же звук...” [11, с. 24]. Все личные имена и географические названия пишутся с прописной буквы. В угловые скобки заключены предположительные прочтения и дописанные части сокращенных слов. Комментарий имеет самый предварительный характер.

Письма М.Н. Муравьева к Д.И. Хвостову

<1>

<б/д и б/м>

Мне давно хотелось исполнить мое обещание прислать вам четвертую часть трудов нашего собрания; наконец я его исполняю. Если мне позволено говорить за то, что тут помещено моего, то я прошу вашего внимания только для IV и VI пьесы¹⁴. Я еще не знаю, одобрите ли вы мое предубеждение для последней. Я избрал в ней малоупотребительное стихосложение, но которое в языке нашем имеет право гражданства, по присуждению начальников искусства, Ломоносова и Тредиаковского. Сей последний обесславил его, написав им “Тилемахиду”. Но сей ученый человек — достопамятное доказательство, что дарования разделяются природою, обезображивал всякой род стихотворства, к которому он ни прикасался. Я, может быть, употребил его без пользы. Бесспорно, можно поверить чувствам прекрасной природы таким стихам, какими писали Ломоносов и Сумароков. Это, что называется, своеобразие художника, если только мне позволено иметь свое... Вчерась, думая о Эпитафии, которую вы мне сказывали в Театре, сделал я следующее, не знаю что, перевод или пародию:

Двоих любившихся остатки здесь смешались,
Что жили для того, чтоб чувствовать их жар,
Заблудшись, на себя их руки покусались;
Отчаянна любовь свершила сей удар.
Злодейством вера их проступок нарекает;
Слезами чувство чтит, и разум умолкает.

Я все сделал, если стишки сии вам понравятся. Но сколько я ни желаю, чтоб они вам понравились, я еще более желаю, чтоб вы предпочли вкус прекрасного тому, что может вам внушить снисхождение ко мне.

Я пребываю навсегда с истинным почтением
Милостивой Государь мой
Ваш покорный слуга
Михайло Муравьев

(Л. 40—40 об.)

<2>

<б/д и б/м>

Милостивый государь мой! Дмитрий Иванович!

Сколько обязан я вам за попечения ваши обо мне, когда я наименее оных достоин. Ничто не может меня извинить в собственных глазах моих. Но поверьте, что не причиною тому какое-нибудь охлаждение.

¹⁴ Речь идет о [7].

Малейшее против вас было бы во мне виновно. Я не знаю, что несчастливое, и чему я не могу дать причины, владеет мною, против меня более двух месяцев; как будто отрекшись от всех моих знакомств, которые столько должны быть мне ласкательны, трачу время свое и не употребляю его. Ограничив все свои выходы домом больного дяди, скучаю, сердясь на себя. Мрачность письма сего доказательством. Но вы умели дать мне вкусить удовольствие и в середине моего сумасбродства, которое, если я всклепал на себя, то это un ridicule de plus qui m'achvera. Я прошу вас именем, которое вас столько же приятно, сколько мне священо, именем того, который в жизни своей столько любил своих приятелей, не отмените для меня ваших предубеждений, несмотря на все, чем я стараюсь сделаться оных недостойным. Недели три назад, как я обещался Ив.<ану> Аф.<анасьевичу> Дмитревскому¹⁵ сказать от него вам, что он желает вас видеть. Я не знал тогда, что вы были больны. Может быть, завтра постараюсь я иметь удовольствие сам извиниться перед вами, ou plu me faire plus de fort dans votre esprit. С искренним почтением имею честь навсегда быть

Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
Михайло Муравьев

(Л. 41—41 об.)

<3>

<11.07.1779>

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Письмо, которым вы меня удостоили, произвело во мне особливую радость. Уверяю вас, что все сии чувствования, которые препровождают воспоминания дружбы, которые делают свидания друзей столь трогательным зрелищем, поспешили овладеть мною. Я признаюсь без затруднения, что любовь письмен, которую я имею общую с вами, участвовала сделать сии чувствования столь живыми. Упражнение в искусствах есть что-то, сходствующее с упражнением в добродетели. И, конечно, дружество долженствует быть драгоценно для тех, кои льстятся лучше чувствовать, нежели другие.

Мольер, который вам столько известен, был в искреннейшем союзе со всеми знатоками письмен, достойных сего имени. Он награждал опыты начинающего Расина. Буало, Шаппель и множество других писателей были для него лучшее общество, нежели все сии придворные Людовика XIV, с которыми общался он для изучения их шалостей.

Чтоб исполнить приказание ваше, ходил я нарочно вчерась к Ивану Афанасьевичу <Дмитревскому>, но, по несчастию, не застал его дома. С будущей почтой буду иметь честь сообщить вам ответ его. Два дня прежде получения письма вашего говорил я с ним о вашей комедии. Он отозвался, что она уже отдана им для представления, но что черед ее будет по осени. Русский театр принимает новую жизнь и вот уже два

¹⁵ И.А. Дмитревский (1734—1821) — актер, переводчик, драматург.

вторника, что дают новые комедии: в прошедшую неделю играли комедию Михаила Матвеевича <Хераскова> *Злонравный*. Меня еще не было тогда в Петербурге, затем что дней восемь, как я приехал из Твери. Впечатление от сей комедии было столь сильно, что едакий характер, слышал я от одного зрителя, конечно, должен существовать. Злые ненавидят стихотворцев, и вы видите, сударь, что они имеют причину. Их узнают. На нынешней неделе дана была комедия *Святочная шутка*, переложенная из Монт-Флертевой комедии *La Fille Capitaine*¹⁶, пьеса, которой предмет смешит как бы нибудь. Вы не представите себе, сколько рукоплесканий при всякой неблагопристойности. Надобно признаться, что множество шуток в ней истинно смешных. Говорят, будто Дмитревский ее переделывал.

Денис Иванович <Фонвизин> пишет комедию с великим успехом, как говорит Иван Афанасьевич <Дмитревский>, но я не знаю еще ее содержания. Здесь вышли из печати басни Г. Хемницера, который взял в образец Геллерта¹⁷: публика их удостаивает хорошего приятия.

Я прекращаю письмо мое за краткостью времени, ласкаясь, что переписка наша будет иметь продолжение, о чем вас покорнейше прошу. Вы имели учтивость польстить меня, что Михайло Матвеевич <Херасков> изволит иногда меня вспоминать. Я вас прошу покорно донести его Превосходительству мое нижайшее почтение. Тысячи почитают его, при достоинстве которых я ничто, но в ревности моего почтения я не уступаю никому из них.

Уверяю вас о моей преданности, навсегда пребываю
Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
Михайло Муравьев
1779 года июля 11 дня
С.<анкт->П.<етер>бург

(Л. 44–45)

<4>

<16.07.1779>

1779 года июля 16 дня С.<анкт->Петербур.<ург>
Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Радуюсь, что могу возвестить вам первый о скором представлении *Легковерного*. Иван Афанасьевич <Дмитревский> поручил мне вас уведомить, что они зачали выписывать из него роли, и положено его дать в августе. Вы изволите знать, сколько времени надобно, чтоб выучить наизусть, расположить представление и сыграть. Василий Васильевич <Ханыков> и Александр Александрович <Микулин>¹⁸ свидетельствуют вам свое почтение. Мы воображаем вас, попеременно рассеянного в забавах московских

¹⁶ См. выше сноску 9.

¹⁷ И.И. Хемницер (1745–1784) — русский поэт, баснописец. Х.Ф. Геллерт (1715–1769) — немецкий писатель и философ; прославился баснями (изданы на русском языке в двух частях в 1775 г.).

¹⁸ А.А. Микулин — знакомый Муравьева, в 1779 г. — прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка.

и упражненного в кабинете вашем, затем что забавы, конечно, не имеют над вами полной власти, а упражнения литературные, которым вы предались, требуют столько знания света, сколько и правил. Что касается до нас, я теряю более уединением, нежели выигрываю, а Василий Васильевич <Ханыков> не столько имеет его, сколько надобно. Ему удалось написать несколько сказок и басен с великой легкостью. Но я ужеступаю пределы письма моего. Имею честь пребывать с искренним почтением

Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
Михайло Муравьев

(Л. 46)

<5>

<23.07.1779>

1779 года июля 23 дня Санктпетерб.<ург>

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Вторничное письмо ваше доставлено мне верно, и я ответствен со вручителем. Я не сомневаюсь, чтоб мои два прежних письма к вам не дошли, но для предосторожности повторяю здесь слова Ивана Афанасьевича <Дмитревского>. “Отпишите, — сказал он мне, — Дмитрию Ивановичу, что мы заключили представить *Легковерного* в августе и уже зачали выписывать роли”. Он произнес сие с таким уверением, с таким истинным участием, которое ему свойственно. Должно признаться, что молодые писатели и люди чувствительные найдут в нем человека, знающего их цену. Вас.<илий> Васильевич <Ханыков>¹⁹ на сих днях едет курьером в Константинополь. А.А. Микулин переходит в адъютанты к Апол. Андр. Волкову²⁰. Оба приносят вам свое истинное почтение. А я прошу вас, милостивый государь мой, о продолжении сих знаков дружбы и преданности, которые вы оказать мне изволили. Вы найдете во мне преданность, послушание, чувствование вашего достоинства. Я есмь навсегда

Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
Михайло Муравьев

(Л. 47)

<6>

<13.08.1779>

1779 года августа 13 дня Санктпетерб.<ург>

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Вчера имел я честь получить ваше последнее письмо, в которое вложено другое к И.А. <Дмитревскому>.

¹⁹ В.В. Ханыков (1759–1839) — друг Муравьева, поэт (см. о нем подробнее: [5, с. 140–145]).

²⁰ А.А. Волков (1739–1806) — военный и государственный деятель; с 1779 г. — генерал-поручик, состоял в войсках под командованием П.А. Румянцева.

Я надеялся, что буду ответствовать после вручения оною, но человек вашего дядюшки предупредил меня своим приходом в самое то время, как я хотел идти к Дм.<итревскому>. Теперь десять часов по утру, так я его еще застану. Мне не хотелось пропустить случая к вам писать: удовольствие, которое я хочу сделать одной из приятностей моей жизни. Мало способен чувствовать ее сам собой, я стараюсь радоваться зрелищем, как наслаждаются другие.

Je regarde le champ, assis sur la²¹. Дружба В.В. Хан.<ыкова> дает мне несколько рассеяний, несколько минут настоящего существования. Вы прибавили мне еще степень оною, предложив вашу приятную переписку. В продолжение оною буду я сообщать вам и мои опыты в письменах, по мере их произведения. Таким образом чувство соревнования будет взаимно оживляемо, если я только способен производить оною.

Здесь зрелища были оставлены по причине поста и начнутся опять 16 ч.<исла>. В.В. <Ханыков> и Ал.Ал. Мик<улин> недели две тому назад, зашедши нечаянно в Театральную контору, видели, как списывали роли вашего *Легковерного*.

Сегодня после обеда будет идти публичное собрание в Акад.<емии> Художеств, по окончании которого их высочества будут смотреть строй сухопутн.<ых> кадетов... Здесь вышел перевод VI книги “Энеиды” Г. Петрова. И мне кажется, может быть, не основательно, что он употребил не все тщание, которого он способен. Впрочем, с совершенным почтением навсегда пребываю

ваш покорный слуга
Михайло Муравьев

P.S. Я хочу вас отягчить просьбами. Некоторое общество молодых людей соглашается издать здесь une très petite brochure под названием своих сочинений. Если бы вы намерзлись сделать честь ему сообщением ваших мелких пьес нравоучительного содержания et de legere satire, principalement sur des tableaux de société des esquisses, des portraits, des scènes, вы бы сделали ему истинное одолжение, уверен, что ваши сочинения в руках моих будут иметь всю безопасность и уважение, как в ваших собственных.

(Л. 48–48 об.)

<7>

<16.09.1779>

1779 года сентября 16 дня С<анкт>-Петербур.<ург>

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Сколько времени прошло, что я не имел удовольствия ни к вам писать, ни от вас получить ответа! Может ли статья, что вы исключили меня из числа ваших приятелей? По крайней мере, я сочту за счастье всякий случай сделаться достойнее вашей дружбы.

Я к вам писал о маленьком сочинении общества, которого, было, я сделал расположение. Но оно,

²¹ Лист надорван.

кажется, уничтожилось. Люди, на которых помощь я надеялся, разъехались. Василий Васильевич <Ханыков> недели две, как в деревне и проживет там еще столько же. Алекс. Александрович <Микулин> на сих днях отправляется в Полоцк. Сии две траты составляют почти все то, что я могу здесь потерять. Будущее русское зрелище, назначено <нрзб> *Злояда*, комедию Михаила Матвеевича <Хераскова>. Следующее за тем составит ваш *Легковерный*. 27 августа представлена была Дидона²², и после ней мы не имели ничего на Русском театре, кроме *Доверительного грубияна*. Г. Попов²³, который представлял главное лицо, играл, по-моему, с такой свободностью и благородством, которое заставляет почитать искусство действующего.

Я вас уверяю, что Ив. Аф. <Дмитревский>, или, лучше сказав, Василий Ильич²⁴, самых выгоднейших мыслей о вашей комедии, что я слышал от людей посторонних. Первый вас просит через меня продолжать труды ваши и сообщать их ему по мере, как их оканчивать будете, твердо уверены, что они с радостью будут приняты.

Я прошу вас принести мое нижайшее почтение его превосходительству Михаилу Матвеевичу <Хераскову> и милостивой государыне Елизавете Васильевне <Херасковой>. Желание самое ревностнейшее моего сердца есть в том, чтобы наслаждаться их милостью.

Вы исполните другое мое желание, когда сохраните мне место между вашими знакомствами. Если усердие может считаться достоинством, так я заслуживаю требовать вашего дружества.

Я имею честь с совершенным почтением навсегда пребывать
Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев

(Л. 49–50)

<8>

<8.10.1779>

1779 года октября 8 дня С<анкт>-Петербур.<ург>

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Имею честь вас от всего моего сердца поздравить с представлением и успехом «Легковерного». Прошедшую пятницу, то есть 4 число, был он дан публике. Множество любопытных съехалось по разнесшемуся слуху новой комедии. Собрание как знатных, так и любителей театра было из многочисленнейших. Вы поймете наперед мое старание достать себе выгодное место. Государыня изволила прибыть с маленьким князем Александром Павловичем. Их высочества были на охоте в Сарском селе с князем

²² Пьеса Я.Б. Княжнина “Дидона” была поставлена в 1769 г.

²³ Имеется в виду М.И. Попов (1742–1781 или 1790) — поэт, драматург, актер; прославился сочинением комической оперы “Анюта” (1772).

²⁴ Речь идет о В.И. Бибикове (1740–1787) — драматурге, цензоре театральных пьес и актере-любителе.

Виртембергским. В лице государыни видно было особое внимание. С первого явления некоторые черты из характера Легковерного извлекли ее удовольствие и улыбку. Простосердов, которого играл Попов, принес с выступлением своим на сцену беспрестанный смех. Вы можете ласкаться, что в начертании его вы попали на истинный образ Мольеров. Перед представлением вашей комедии была дана французская драма “Les deux Amis”, где чувствования, эпизоды и великодушные были исчерпаны. Сия пьеса не заставила нас ни плакать, ни смеяться. Но я уверяю, что ваша заставила хотеть от доброго сердца ваших зрителей. И некоторые, возле меня бывшие, не замедлили заключить, что вы имеете дар комический, que vous avez du génie. Я всегда думал, что дружба позволяет рассказывать похвалы слышанные. Ежели я их рассказываю без вкуса, так это вина разума, а не сердца, которое я стараюсь иметь сколько можно лучше. Сплетена играл Соколов и был апплодирован. Старинное платье, лицемерный голос и ужимки, некоторый вид провинциальный во всей особе и вертлявость составляют игру его. Шумский представлял стряпчего d’après nature. Русский серо-немецкий кафтан, как носят в старинных домах лучшие служители: длинные виски, волосы более приглажены, нежели убраны, без пудры. Поступь приказная, с рабской смешанная. Наконец, разговор, который вы ему дали, употреблен с совершенным искусством. Все прочие актеры играли удачно. Государыня не переставала ни на малое время заниматься пьесой и разговаривать об ней с Василием Ильичем <Бибиковым> с изъявлением удовольствия. Другие знатные, окружавшие Государыню, вмешивали свои примечания. Князь Григ.<орий> Александрович <Потемкин> был тут. Что касается до меня, я радовался сердечно и вам завидовал. После пьесы вашей следовал балет “Фламандский праздник” и комедия в одном действии, которая называется, я думаю, “Взаимный опыт”. Ежели я услышу какие-нибудь рассуждения знатоков, достойные примечания, о “Легковерном”, я сообщу их вам, ежели вы потребуете. Публика, которая вас знает, захочет теперь более вас знать. Вы ее должник. Ежели ободрения приятелей ваших вам надобны, примите мои и старайтесь меня любить из благородности, а я вас, право, люблю и почитаю à double titre de talents et d’amitié. Я имею честь пребывать навсегда

ваш покорный слуга
М. Муравьев

Исполните долг мой, когда будете в Москве, и донесите мое нижайшее почтение Его Превосходительству Михаилу Матвеевичу <Хераскову>. Чувствования, которые я к нему имею, для меня священные.

(Л. 51–52 об.)

<9>

<8.10.1779>

1779 года октября 8 дня²⁵ С<анкт->Петербур.<ург>

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!²⁶

Ко удовольствию моему служитель вашего дядюшки пришел ко мне за письмом сегодня. Я уведомлял вас вчера о представлении вашей комедии, по немецкой почте. Но я не знаю, дойдет ли оно до вас, особливо потому, что вы в деревне. Так я усугубляю вам свои поздравления. Прошедшую пятницу играна ваша пьеса со всем успехом, которого желать можно. Государыня изволила быть вашим судьей и зрителем. Вы имели счастье ей нравиться, сколько можно было мне приметить из лица ее. Яков Борисович <Княжнин> хвалит ревностно “Легковерного”. Я слышал от посторонних людей лучшего вкуса, что Василий Ильич <Бибиков> приписывает ему все достоинства.

Я желаю вам здоровья и веселости, чтобы лучше наслаждаться литературной честью. Прошу продолжить мне чувствования дружбы, которыми я ласкаюсь пребывать с искренним почтением

Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев

Наш друг, полный достоинств, Ханыков не имел удовольствия видеть представление “Легковерного”, отсутствуя более месяца в деревне. Ал. Алек. Миклушин едет в Полоцк.

(Л. 53–53 об.)

<10>

<19.11.1779>

1779 года ноября 19 дня С<анкт->Петербур.<ург>

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!²⁷

Со удовольствием вижу из последнего письма вашего, что вы ставите мне в достоинство малейшие наблюдения моей должности: будто бы я мало был заплачен за них, приобретая права на ваше дружество. Сей раз не успел я еще исполнить обязанностей, мне весьма приятных, принуждением моих обстоятельств. Письма вручены мне были в нашем училище, где я был целую неделю на дежурстве. Но в будущий четверг надеюсь донести вам все, что мне удастся сделать по вашим приказаниям. Мне <встало?> припомнить вам, не способнее вам будет печатать “Легковерного” в Московской типографии. Содержатель ее — один из лучших наших писателей и страстный любитель писем Н.И. Новиков, и, здесь будучи, печатал несколько комедий на своем иждивении. Как мы паче теперь? Мы забавляемся здесь русской оперой комической, заведением ревностного директора Театра. Какие актеры! Вы не можете представить, с какою общею радостью принято у нас сие рождение нового зрелища: второго числа сего месяца дана была в первый раз оп.<ера> ком.<ическая> “Счастье от кареты”, сочинение Якова Борисовича <Княжнина>. Г. Пашкевич, сочинитель музыки, был сам действующим лицом на театре. Молодая девушка, певица дебютировала в роли Анюты. Ее любовник Лукьян был этот Черников, который

²⁵ Видимо, описка, должно быть: “9 октября”.

²⁶ Запись на полях: «Актер Соколов сочинил или подражал комедию в V действиях “Сибиряк”».

²⁷ Адрес: “Милостивому государю мой Дмитрию Ивановичу Его Благородию Лейб-Гвардии Преображенского полку Г. Сержанту Хвостову в селе Слободка”.

всегда лучше игрывал Шумского²⁸, а теперь себя превосходит. Кажется, что теперь недостаток разве в писателях, а не в старании о театре. Недавно, сказывают, составилось Литературное общество у Кн. Куракина. Впрочем, с истинным почтением пребываю

Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев

(Л. 54–54 об.)

<11>

<28.11.1779>

1779 года ноября 28 дня С<анкт->Пет<ербург>

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Нынешний раз не успел я употребить той же самой точности, которую удалось наблюдать мне до этих пор в ваших услугах. Рассеяния, которыми увлекаешься не зная как, время, которое отнимает должность, тысячи других препятствий останавливали мое усердие. Одинойжды пришел я на берег Невы, чтобы быть с письмом вашим у Сергея Герасимовича <Домашнева>, нашел мост сорван, реку, покрытую льдом. Наконец уж в нынешний понедельник успел я вручить письмо ваше его превосходительству. Он принял его с сею учтивостию, которая особливо отличает его поступки. Просил, по ожидании, изъяснить вам его благодарность. Она бы давно сам писал, говорит он, будучи особливо знаком батюшкою вашим и вами, но ему неизвестно было, куда адресовать. Ваши упражнения были потом причиною разговора его. Он изъяснялся с Государыню во время представления вашей пьесы о творце ее и что она через него доставлена театру. Спрашивал, над чем вы теперь трудитесь. Зачав в такой молодости и с таким успехом, продолжал он, надобно надеяться, что дарования его послужат чести русской сцены. Просил меня вам напомнить о плане комедии, который предложен был вам от Василия Ильича <Бибикова>, чтобы представить смеха достойную суету путешествий в чужие края без намерения почерпнуть полезные знания и просветиться в нравах и правлении народов; но затем только, чтобы приобщить телодвижения, обычаи и образ обхождения, которые столь естественны в своей земле, как в нашей — странны и не должны переселяться из своего отечества. Сие содержание, присовокупил он, уже произвело несколько комедий, но много черт оставлено без употребления. И повторение оного не может быть бесполезно в нашем обществе, где, кажется, ошутительно царствуют две стороны: одна, остающаяся в грубости невежества, которая сохраняет из века в век рассуждения старины; другая, которая обожает все новое и чужеземное, почитая, что просвещения достоинства суть такие плоды, которые в России не поспевают. Должно отшучать комедии за малое число благоразумных людей, которые почитают иностранные добрые изобретения, затем что они любят свое отечество, и которые отвергают всякое просвещение, которое бесполезно. Вы простите мне тщеславие рассуждать, которое есть вообще моя слабость. Уведомьте меня, когда я буду

иметь удовольствие видеть вас в Петербурге? Здешний театр имеет своих ревнителей в публике. Прибавляется помалу число молодых актеров. Всякую субботу составленное из них общество играет какую-нибудь пьесу на немецком театре, куда с позволения директора вход свободен охотникам. Таким образом давали уже “Семиру” и “Синава”²⁹. Упражнение сие, конечно, откроет их дарования. Что касается до сочинений, мне известны в сие время только три пьесы Вас. Петр. Колычева, из которых одну я читал. Это, что называется мещанская трагедия, Салвиний и Адельсон³⁰, которой содержание почерпнуто из известной повести Г. Арнолда. Две другие суть комедии, и мне обещано их чтение. Впрочем, с искренней преданностью пребываю

Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев

(Л. 55–56)

<12>

<24.12.1779>

1779 года декабря 24 дня С<анкт->Пет<ербург>

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Я отвечаю вам на другой день получения письма вашего, не успев еще видетсья с Иваном Афанасьевичем <Дмитревским>. Но последний раз, как я был у него, говорил он, что для пересылки “Легковерного” должно переписать его. Также поручил он мне напомнить вам о плане комедии, который вы хотели предпочесть по примеру Г. Кальява — “Московское житье”. Вы видите, что я сделался орудием ваших знакомых, которые друг перед другом ободряют вас в пути вашем. Сколько жребий мой не сравнителен с вашим! Вас <ваш?> становится исполнять совет ваших приятелей. А я своею леностию теряю доверенность моих. Очень счастлив еще, ежели сохраняю столько достоинств, чтоб заслужить сожаления моих благодетелей. Извольте быть уверены, что ваше дружество находит во мне сердце, знающее ценить его. Сделайте милость, не перерывайте переписки, подающей столько приятностей сердцу моему и разуму. Как я вам обязан за сообщение новостей! Еще более за сие обещание напомнить меня Михайле Матвеевичу <Хераскову>, хотя бы только для того, чтоб услышать от него осуждение мое. Я сам еще не знаю, буду ль я иметь удовольствие быть в Москве нынешнею зимою. Но когда будете писать ко мне, извольте подписывать в Измайловский полк, в Гренадерской роте, подле пристройки капитана Хотьинцова³¹, в собственной <нрзб> моей. Я имею теперь удовольствие жить в ней вместе с моей фамилией, приехавшей на несколько дней из Твери. А Вас. Вас. Ханыков поехал на прошедшей неделе в Ревель, чтоб возвратиться на нынешней.

²⁹ Речь о трагедиях А.П. Сумарокова “Семира” (1751) и “Синав и Трувор” (1750).

³⁰ Имеется в виду пьеса В.П. Колычева (ум. 1797) “Бедство произведенное страстью или Сальвиний и Адельсон”, изданная в 1781 г.

³¹ С.А. Хотьинцев — капитан-поручик Измайловского полка.

²⁸ Я.Д. Шумский (1732–1812) — актер и певец.

Прошедшее воскресенье дебютировали здесь воспитанники Сиропитательного дома, приехавшие из Москвы, комедиею “Игрок” на немецком театре. Сие общество актеров подает много надежд.

На будущей почте надеюсь иметь более инверсного писать вам. Впрочем, с искренним почтением и преданностью пребываю навсегда

Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев

(Л. 57–58)

<13>

<10.08.1781>

1781 года августа 10 д.<ня> С<анкт->Пет<ербург>

Милостивый государь мой Дмитрий Иванович!

Сколько благодарений должны вы от меня услышать за ваше постоянное намерение помнить меня издалека, и ведь отстояние места увеличивает цену памятования. Дружество, сие благородное согласие разумов, если теряет свои наслаждения обстоятельствами, заменяет их другими. Перепискою вы еще столько же ко мне близки в подмосковной, в Переславле или где бы то ни было, как в то время, когда вы стояли на Вознесенской. Сколь усердно желаю я всякого благополучия двум особам, составляющим всякий день ваше счастье, которым вы принадлежите и коих милости вечно останутся в моем сердце. С радостью приемлю случай возвестить вам счастье, которое имел мой батюшка участвовать в милости Государской. Июля 28 число пожалован он тайным советником и сенатором. Никакого искания, ниже чаяний. Приключение, заявляющее, что она себе присваивает награждать службу и без защищенной.

Я бы уверился в милости Михайла Матвеевича <Хераскова> затем, что уверяете вы, если бы не то внутреннее свидетельство моего недостойства не разгорило сего упования. Письмо к Княжне Катерине Сергеевне отослал я к секретарю А.И., с которым вчера я виделся. И.А. Дмитриевский теперь еще не поехал, но на отъезде. С Арсеньевой слышал я <о> пятой Сатире и о том, что он теперь ссорится не с Парнасом, а с Ложей. Почтеннейший принял его в пятую степень, а он уже работал в седьмой. Почтеннейший прогневан дерзостью челобитен его на французском языке и требует к Экзамену. Это не Аполлон... Меня удивляет, что Федор Григорьевич <Орлов?> 27 числа в Москву еще не бывал. И вы мне сделаете милость сообщать какие-нибудь известия о нем. Скоро после вас давали в другой раз “Надмена”³². Также видели мы “Приезжего из Ост-Индии”, переводу г. Мальтица. В Дмитриевском чаю я видел Гаррика. Но он сам не любит сей комедии. Здесь покудова Хвостов и Нелединский. Последний, сказывают, писал пьесу в стихах на послание первого. Порицает род письма, хваля остроумие. Зачем, говорит ему, не поешь ты славы русской, как

били турок мы... *рей*. Придумайте гемистиш по-русски, по-военному и по-Неледински, эпитет Турок и который бы кончился на “*рей*”, <продолжение на полях:> в родительном множественного числа, а мне написать нельзя. Простите сию неблагопристойность и верьте, что я с искренним почтением и преданностью пребываю навсегда

Милостивый государь мой
ваш покорный слуга
М. Муравьев

(Л. 59–60)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Евстратов А.Г.* Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-е — начале 1770-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
2. *Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины II: “Собеседник любителей российского слова”. М.: Книжный дом “Либроком”, 2012. 120 с.
3. *Муравьев М.Н.* Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и примеч. Л.И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, 1967. 386 с. (Б-ка поэта, б/с).
4. *Западов В.А.* Михаил Никитич Муравьев // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб.: Наука, 1999.
5. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 3. М.: Языки русской культуры, 2007. 684 с.
6. *Виницкий И.* Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М., 2016. 352 с.
7. Опыт трудов Вольного российского собрания. Ч. 4. М., 1778.
8. *Алехина Л.И.* Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 49. М.: Книга, 1990. С. 4–87.
9. *Монгредьен Ж.* Жизнь комедиантов во времена Мольера. М.: Молодая гвардия, 2008. 272 с.
10. *Сухолинов М.И.* История Российской академии. Вып. 7. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 648 с.
11. Правила издания исторических документов в СССР. М.: Наука, 1990. 187 с.
12. *Ивинский А.Д.* Из эпистолярного наследия М.Н. Муравьева: письма 1778 года к отцу (по материалам ОПИ ГИМ) // Новое литературное обозрение. 2018. Т. 15. № 6. С. 171–191.
13. *Ивинский А.Д.* Письма М.Н. Муравьева С.М. и Ф.Н. Луниным 1789 г. (по материалам ОПИ ГИМ) // AutobiografiЯ: Rivista di studi sulla scrittura

³² Видимо, речь идео о комедии Н.П. Николева “Самолюбивый стихотворец” (1775).

- e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa. Padova, 2018. № 7. С. 193–247.
14. Ивинский А.Д. Письма М.Н. Муравьева к С.М. и Ф.Н. Луниным 1791 г. (По материалам ОПИ ГИМ) // Документально-художественная литература в России XVIII–XIX вв. М., 2022. С. 130–172.
 1. Evstratov, A.G. *Ekaterina II i russkaia pridvornaia dramaturgiia v 1760-e – nachale 1770-kh godov* [Catherine II and Russian Court Dramaturgy in 1760–1770s]. Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2009. (In Russ.)
 2. Ivinskiy, A.D. *Literaturnaia politika Ekateriny II: "Sobesednik liubitelei rossiiskogo slova"* [Catherine II's Literary Politics: Magazine "Companion of Lovers of Russian Letters"]. Moscow, 2012. 120 p. (In Russ.)
 3. Muravyov, M.N. *Stikhotvoreniia. Vstup. statja, podg. teksta. i primech. L.I. Kulakovo* [Poems. Introduction, Preparation of the Text and Notes by L.I. Kulakova]. Leningrad, 1967. 386 p. (In Russ.)
 4. Zapadov, V.A. Mikhail Nikitich Muravyov. *Slovar russkikh pisatelei XVIII veka* [The Vocabulary of Russian Writers of XVIII Century]. St. Petersburg, 1999, Vol. 2. (In Russ.)
 5. Toporov, V.N. *Izistorii russkoj literatury. T. 2. Russkaja literatura vtoroj poloviny XVIII veka: Issledovanie, materialy, publikacii. M.N. Muravyov: Vvedeniye v tvorcheskoje nasledije* [From the History of Russian Literature. Vol. 2. Russian Literature of the Second Half of the 18th century: Studies, Materials, Publications. M.N. Muravyov: An Introduction to the Creative Heritage]. Book 3. Moscow, 2007. 684 p. (In Russ.)
 6. Vinitskiy, I. *Graf Sardinskii: Dmitrii Khvostov i russkaia kultura* [Count of Sardinia: Dmitry Khvostov and Russian Culture]. Moscow, 2016. 352 p. (In Russ.)
 7. *Opyt trudov Volnogo rossiiskogo sobraniia* [The Works of Free Russian Assembly]. Vol. 4. Moscow, 1778. (In Russ.)
 8. Alekhina, L.I. *Archivnyje materialy M.N. Muravyova v fondah Otdela rukopisej* [Archival Materials of M.N. Muravyov in the Funds of the Department of Manuscripts]. *Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki SSSR imeni V.I. Lenina* [Notes of the Department of Manuscripts of the Lenin State Library of the USSR]. Moscow, 1990, Issue 49, pp. 4–87. (In Russ.)
 9. Mongredien, G. *Zhizn komediantov vo vremena Moljera* [The Life of Comedians in the Time of Molière]. Moscow, 2008. 272 p. (In Russ.)
 10. Sukhomlinov, M.I. *Istoriia Rossiiskoi akademii* [History of Russian Academy]. Vol. 7. St. Petersburg, 1885. 648 p. (In Russ.)
 11. *Pravila izdanija istoricheskikh dokumentov v SSSR* [Rules for Publishing Historical Documents in the USSR]. Moscow, 1990. 187 p. (In Russ.)
 12. Ivinskiy, A.D. *Iz jepistoljarnogo nasledija M.N. Muravyova: pisma 1778 goda k otcu (po materialam OPI GIM)* [From the Epistolary Heritage of Mikhail Muravyov: Letters to Father]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2018, No. 6 (154), pp. 171–191. (In Russ.)
 13. Ivinskiy, A.D. *Pisma M.N. Muravyova S.M. i F.N. Luninym 1789 g. (po materialam OPI GIM)* [Letters of M.N. Muravyov to S.M. and F.N. Lunin in 1789]. *AvtobiografiJa: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa*. Padova, 2018. No. 7, pp. 193–247. (In Russ.)
 14. Ivinskiy, A.D. *Pisma M.N. Muravyova k S.M. i F.N. Luninym 1791 g. (Po materialam OPI GIM)* [Letters of M.N. Muravyov to S.M. and F.N. Lunin in 1791]. *Dokumentalno-hudozhestvennaja literatura v Rossii XVIII–XIX vv.* [Documentary Fiction in Russia of the 18th–19th Centuries]. Moscow, 2022, pp. 130–172. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 марта 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 11 июня 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
 Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on March 14, 2023
 Revised on June 11, 2023
 Accepted on June 15, 2023
 Date of publication: August 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027390-5

В никуда: от поэтизма до элемента быденного языка

© 2023 г. И. В. Фуфаева

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник

Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
iriel@inbox.ru

Резюме. В статье рассматриваются результаты исследования истории возникновения и функционирования русской идиомы *в никуда*, представляющей собой субстантивированное местоименное наречие места *никуда* с предлогом направления *в*. Идиома *в никуда* является частью выразительных средств разных стилей современного русского языка, в том числе разговорной речи и публицистики, причем выразительность этой идиомы обусловлена необычностью, “неправильностью” ее конструкции, которая в принципе не характерна для русской речи. Анализ Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показал, что идиома *в никуда* устойчива как поэтизм. В XXI в. ее частота гораздо выше в поэтическом подкорпусе, чем в остальных подкорпусах НКРЯ. В XX в. исследуемую единицу можно встретить в произведениях поэтов всех направлений, в том числе таких известных, как Бродский, Ахматова, Цветаева, Слуцкий, Генрих Сапгир, Борис Рыжий и пр. Далее, впервые среди текстов корпуса описываемая единица встречается в произведении поэта-символиста Ивана Рукавишников, написанном не позднее 1910 г. При этом в первые десятилетия существования, в отличие от нынешнего времени, эта единица встречается исключительно в поэтических контекстах и лишь с конца 1930-х проникает в бытовой и публицистический дискурс. Исследование проводилось с помощью таких методов, как корпусной анализ, метод расчета общей частоты лексемы, который в данном случае был применен к идиоме, источниковедческий метод. Материалом послужили данные НКРЯ и коллекции Google.books. История идиомы *в никуда*, как представляется, демонстрирует механизм проникновения поэтизмов в общенародный язык.

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: русский язык, язык поэзии, поэтизмы, идиомы, субстантивация наречий, корпусной анализ, частотность в языке.

Для цитирования: Фуфаева И.В. *В никуда: от поэтизма до элемента быденного языка* // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 55–62. DOI: 10.31857/S160578800027390-5

V Nikuda (“To Nowhere”): From Poeticism to the Element of Everyday Language

© 2023 I. V. Fufaeva

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the National Research University “Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
iriel@inbox.ru

Abstract. The article deals with the results of a study of the history of the emergence and functioning of the Russian idiom *в никуда* “to nowhere”, which is a substantiated pronominal adverb of place *никуда*

(“nowhere” or “anywhere” in different contexts) with the preposition of direction *в* (“to”). The idiom *в никуда* “to nowhere” is part of the expressive means of various styles of the modern Russian language, including colloquial speech and journalism, and the expressiveness of this idiom is due to the unusual, “irregularity” of its construction, which, in principle, is not typical for Russian speech. The analysis of the National Corpus of the Russian Language (NRC) showed that the idiom *в никуда* “to nowhere” is as stable as poeticism. In modern Russian, it is much more frequent in the poetic subcorpus of the NRC than in other subcorpora. The unit under study can be found in the works of poets of all directions, including such well-known ones as Brodskiy, Akhmatova, Tsvetaeva, Slutskiy, Heinrich Sapgir, Boris Ryzhiy, etc. Further, for the first time among the texts of the corpus, the described unit is found in the work of the symbolist poet Ivan Rukavishnikov, written no later than 1910. At the same time, in the first decades of its existence, unlike today, the unit *в никуда* “to nowhere” is found exclusively in poetic contexts and only from the late 1930s penetrates into everyday and journalistic discourses. The study was carried out using such methods as corpus analysis, the method of calculating the overall frequency of a lexeme, which in this case was applied to an idiom, and the source study method. The material was NRC data and Google.books collections. The history of the idiom *в никуда* “to nowhere” demonstrates the mechanism of the penetration of poeticisms into the national language.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program.

Key words: Russian language, language of poetry, poeticisms, idioms, substantiation of adverbs, corpus analysis, frequency in the language.

For citation: Fufaeva, I.V. *V nikuda: ot poetizma do elementa obydenного yazyka* [*V Nikuda* (“To Nowhere”): From Poeticism to the Element of Everyday Language]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 55–62. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027390-5

Введение

В русском языке XXI века в текстах разнообразных жанров можно встретить конструкцию *в никуда*, часто — в качестве определения существительных *дорога* и *путь* (обычно в их метафорическом значении) или обстоятельства места при глаголах. Ниже примеры употребления конструкции в разных жанрах, найденные с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1]¹.

В поэзии: “*Это, солнышко, дорога в никуда, / сообщение о ком-то ни о ком*” [М.Н. Айзенберг. “Это, солнышко, дорога в никуда...” (2011)]; в СМИ: “*Для отечественной промышленности — это путь в никуда*” [Иван-дурак и миллиардер Шахновский // “Завтра”, 2003.08.22]; в приватном устном диалоге: “[Саша, муж, 25, бухгалтер] *Не хочется уходить в никуда... но они обнаглели*” [Разговор друзей (2006)]; в художественной прозе: “*Сидела как ватная кукла с глазами в никуда*” [Виктория Токарева. Своя правда // “Новый мир”, 2002].

Лексема *никуда* в такой конструкции является существительным, появившимся в результате конверсии (субстантивации) отрицательного местоименного наречия *никуда*. Субстантивность

лексема проявляется в ее сочетании с предлогом направления *в* и сочетании всей конструкции с глаголами без отрицательной частицы *не*, причем конструкция стоит после глагола, тогда как в обычной роли наречия слово употребляется без предлога и перед глаголами с частицей не. Стандартно: *никуда не уйду*. В описываемом случае: *уйду в никуда*.

Иногда в этой конструкции лексема *никуда* имеет при себе определение, что ярко подчеркивает ее субстантивность: “*Прыжок вниз был равносильен падению в бездонное Никуда*” [Слава Сэ. Ева (2010)].

В единичных случаях предлог меняется:

*Татарское, дремучее,
Пришло из никуда,
К любой беде липучее,
— Само оно — беда* [А.А. Ахматова. Имя (1958–1963)].

Языковая субстантивация наречия для русского языка необычна в принципе; как пишут Л.И. Рахманова и В.Н. Суздальцева, «случаи языковой субстантивации наречий весьма редки: вчера, сегодня, завтра и нек. др. Например: “Я прочла его послесловие... и советую прочесть всякому, кто активно размышляет о вчера, сегодня, завтра” (Комс. пр. 1989. 18 авг.)» [2, с. 239]. Н.Е. Петрова в работе, посвященной субстантивации и деадвербиализации наречий в современном

¹ Здесь и далее все примеры, найденные по НКРЯ, даются с такой же ссылкой в квадратных скобках, как в НКРЯ.

русском языке, приводит примеры только контекстуальной субстантивации, напр. “*Терпения и веры, любви и волшебства, трагическое после, счастливое сперва*” (Булат Окуджава “Ах, если б знать заранее, заранее, заранее...”), то есть вообще не упоминает случаев языковой субстантивации [3]. Что касается языковой субстантивации отрицательных местоименных наречий, то таковая в русском языке выглядит еще менее обычной.

Нестандартное употребление лексемы *никуда* в идиоме отражает нарочитое нарушение логики: “двигаться куда” невозможно, любое движение и любой путь куда-то направлены. Это нарушение логики, лежащее в основе нарушения сочетаемости, и делает оборот средством языковой выразительности.

Предлагаемое исследование истории оборота спровоцировано знаменитыми строчками из стихотворения Анны Ахматовой “Один идет прямым путем...”, написанного, как считается, в 1940 году:

*А я иду — за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса* [А.А. Ахматова. “Один идет прямым путем...” (1940)].

Возникший вопрос о том, насколько оборот был распространен в 1930–40-е годы, был ли он в это время свежим и необычным, вызвал постановку и других задач исследования: выяснить, какое употребление оборота с предлогом *в* первично: поэтическое, медийное или бытовое, как и при каких обстоятельствах возникла субстантивация наречия *никуда*. Исследование проводилось корпусными и источниковедческими методами, материалом послужили данные НКРЯ [1] и коллекции Google.books [4].

Употребление оборота *в никуда* в русском языке XXI века

Чтобы выяснить, в каких жанрах и стилях оборот сейчас наиболее употребителен, были рассчитаны величины, аналогичные общей частоте лексемы *ipm* (instances per million words, число употреблений на миллион слов корпуса), то есть число употреблений (вхождений) оборота на миллион слов каждого из четырех подкорпусов НКРЯ с 2000 г.: основного, поэтического, газетного и устного.

Как оказалось, в русском языке XXI века исследуемая единица наиболее частотна в поэтических текстах. Выборка поэтического корпуса НКРЯ

с 2000 г. по настоящее время² сравнительно невелика, всего 213 тыс. слов, но в ней оборот употреблен 5 раз, в т.ч. один раз с определением:

*Вот сад, где ртутная вода
Стекала всю ночь тройным уступом
В темнеющее никуда
По темно-голубиным купам...* [О.А. Юрьев. Гимн весне (2007–2010)].

Это соответствует 24 употреблением на миллион слов. Если бы мы исследовали не конструкцию с предлогом, а лексему, то число 24 было бы частотой (*ipm*) этой лексемы в поэтическом корпусе XXI века; в нашем случае можно сказать, что это величина, аналогичная частоте лексемы в названной выборке.

Чтобы понять, много это или мало, можно посмотреть, какие слова имеют в Новом частотном словаре [5] такие же частоты (рассчитанные по всему корпусу НКРЯ с 1950 г., независимо от жанра). Это вполне обычные слова: *ласковый, автоматический, вследствие* и подобные. Т.е. конструкция *в никуда* в языке поэзии XXI века так же распространена, как в обычном литературном языке — слово “*ласковый*”.

В других жанрах оборот в этот же период более редок.

В художественной прозе и публицистике, составляющих базу основного корпуса НКРЯ, с 2000 г. содержится 384 вхождения *в никуда* (из них 16 с определением) на 87 миллионов слов, что примерно равно *ipm* 4.5. В Новом частотном словаре это частота слов *всего, грустить, охват*.

Еще ниже частота оборота в устном корпусе с 2000 г. — 28 вхождений (почти исключительно в устной публичной речи) на 9 миллионов слов, т.е. примерно *ipm*=3, *ipm* 3 — частота слов *гармонично, детеныш, метко*. Контекстов с определением здесь нет.

Реже всего единица встречается в газетном корпусе НКРЯ XXI века: всего 817 вхождений на 330 миллионов слов, что примерно равно *ipm* 2.5. Контексты с определением в СМИ очень редки, их всего 6: “*Не в туманное никуда, а в Совет Федерации*” [Леонид Шахов. Время кардиналов // Известия, 2013.05]. Частоту *ipm* 2.5 в Новом частотном словаре имеют лексемы *автострада, безработный, вернисаж*.

² При этом последнее на данный момент употребление в выборке относится к 2015 г., что связано и с относительно небольшой долей более поздних произведений в поэтическом корпусе.

Итак, оборот *в никуда* сейчас не является редкой единицей ни в художественной прозе, ни в устной речи, ни в публицистике, то есть имеет явные признаки речевого клише, но главной сферой его употребления является поэзия, где он действительно широко распространен.

Появление оборота в романе Серебряного века и его раннее употребление

Впервые в текстах НКРЯ выражение встретилось в произведении поэта-символиста и стихотворного экспериментатора Ивана Рукавишникова, но не в стихах, а в его прозе: романе “Проклятый род”. Судя по данным, приводимым Л. Шиян в предисловии к изданию романа в 2018 г., это произведение было написано не позднее 1910 года, поскольку две части романа были опубликованы журналом “Современный мир”, начиная с первого номера 1911 года; в 1912 г. роман был издан полностью с третьей частью “На путях смерти” [6]. Всего в тексте *в никуда* встречается 10 раз, и почти во всех случаях в качестве обстоятельства места при глаголах *глядеть*, *смотреть*: “*И волю глядел на Юлию Степа. Она же в никуда*”; “*И в никуда, в свой близкий ужас смотрел Виктор, и не видел Зою, и ей ли говорил...*” [И.С. Рукавишников. Проклятый род (1912)].

По стилю роман Рукавишникова — это типичная проза поэтов Серебряного века, о чем свидетельствует практически любой фрагмент: “*И хотелось опять и опять так поцеловаться. Но духи крепости далекой под косым потолком в тучу сбились. Но смех, словами шутивными порожденный, тут же, над ними, над братом с сестрой порхает, смотрит*”; “*И скоро сидел — глазами пил камни старины, молчащий среди молчащих. И тих был узкий канал*” [И.С. Рукавишников. Проклятый род (1912)].

Таким образом, одно из первых (возможно, первое) употребление оборота в русском языке встречается в художественной прозе, но близкой по стилю к поэзии, и в творчестве автора, профессионально экспериментировавшего с языком.

Вновь в корпусных текстах единица появляется в произведении, написанном спустя 6 лет. В стихотворениях футуриста и имажиниста Вадима Шершеневича, датированных 1918 г. и затем вошедших в книгу “Лошадь как лошадь”, изданную в 1920 г., она использована 4 раза, впервые в январе 1918-го:

*Всё пройдет в никуда. Лишь стихи, мои дети,
Самозванцы не смогут никогда позабыть* [В.Г. Шершеневич. Принцип параллелизма тем (01.1918)].

Вадим Шершеневич в эти годы был крайне популярен на эстраде, соперничая с Маяковским, то есть его творчество было на слуху. В 1920 г. оборот появляется в стихах его друга, другого имажиниста — А.Б. Кусикова: “*Я мчался на коне крылатом / В нельзя, за грани, в никуда...*” [А.Б. Кусиков. Аль-Баррак (14.04.1920)], а также в поэме Марины Цветаевой “Царь-девица”, героиня которой повествует возлюбленному: “*— Нигде меня нету. / В никуда я пропала*” [М.И. Цветаева. Встреча третья и последняя [Царь-девица, 7] (14.07.1920—17.09.1920)]. У Цветаевой же в следующем 1921 году о комете: “*Косматая звезда, / Спешащая в никуда / Из страшного ниоткуда*” [М.И. Цветаева. “Косматая звезда...” (10.05.1921)].

В 1920 году Шершеневич употребляет оборот и в прозе: в эссе о содержании и форме поэзии “ $2 \times 2 = 5$ ”: “*Так подбираю я вожжи расстрепавшихся мыслей и мчу в никуда свой шарлатанский шарабан*” [В.Г. Шершеневич. $2 \times 2 = 5$ (1920)].

Анализ остальных ранних контекстов показал, что в первые 25 лет существования оборот встречается преимущественно в поэзии и прозе, стилистически близкой к поэзии или тематически связанной с поэзией, как упомянутое эссе Шершеневича, как, далее, мемуары, написанные поэтами и/или описывающие поэтов.

Вот несколько примеров из данной выборки НКРЯ.

Акмеист Михаил Кузмин пишет о символистe Андрее Белом (цитируя при этом описываемого): он «прыгает не “*в никуда*”, как уверяет, а в ту же литературу» [М.А. Кузмин. Мечтатели (1921)].

Журналист Владимир Рындзюн (псевдоним А. Ветлугин), одно время секретарь и переводчик Сергея Есенина — о Сергее Есенине: “*Голова, запрокинутая в безбрежность, глаза не в небо и не в землю, а так, поверх присутствовавших, в “никуда”...*» [А. Ветлугин. Воспоминания о Есенине (1926)].

Упомянутый Андрей Белый — о мистике Анне Минцловой, принадлежащей к “Башне” Вячеслава Иванова, таинственно и бесследно исчезнувшей в 1910 году: “*...в черном своем балахоне она на мгновение передо мною разрослась; и казалось: ком толстого тела ее пухнет, давит, наваливается; и — выхватывает: в никуда!*” [Андрей Белый. Между двух революций (1934)].

Упомянувшийся Вадим Шершеневич — об упоминавшемся Иване Рукавишникове: “*За всей трезвой логикой его рассуждений была какая-то грань пропадания в никуда*” [В.Г. Шершеневич. Великолепный очевидец (1934—1936)] (мемуары

не публиковались при жизни автора). Последний фрагмент объединяет двух поэтов, первыми употребивших исследуемый оборот согласно НКРЯ, и в целом примеры демонстрируют употребление оборота в довольно тесном поэтическом кругу.

Кроме того, оборот появляется в прозе авторов — признанных стилистов 1920-х — 1930-х годов (Андрей Соболев, Борис Пильняк), а также в пародирующей высокопарную поэтическую речь реплике персонажа черной комедии Н.Р. Эрдмана “Самоубийца” (1924).

Ранние стихотворные контексты поэтического корпуса НКРЯ включают, помимо уже упомянутых, строки Татьяны Щепкиной-Куперник, эмигрантов Давида Бурлюка, Анны Присмановой, Ирины Михайловской, принадлежавшей к объединению “Поэты пражского Скита”.

*Как петух, я ведь тоже — не молчащий потомок
В Никуда бесконечно ушедших веков* [Д.Д. Бурлюк. На фарме (1932)].

За 25 лет, с 1912 по 1937 г. включительно в НКРЯ содержится всего 35 вхождений оборота. Из них в поэзии 11 вхождений, в прозе (мемуарной и художественной, при этом тесно связанной с поэзией) вхождений больше: 24. Однако с учетом количества слов в выборках³ частота *ipm* в поэзии выше: 1.2 против 0.14 в прозе. А если учитывать, что в поэзии оборот до 1918 года отсутствовал, и рассчитать частоту только на стихотворениях 1918–1937 годов, она будет еще выше: 4.6.

Таким образом, в это время оборот *в никуда* не употребляется вне поэтического (в широком смысле) контекста: он не встречается в публицистике, в бытовой прозе, в будничных диалогах. То есть в это время он функционирует в более узком стилистическом спектре, чем сегодня, в ХХI веке, — а именно, только как средство придания тексту возвышенности и как поэтизм. В поэзии он встречается чаще, чем в художественной прозе, при этом это поэтизм свежий, неизбитый, поскольку его частотность как минимум в 5 раз ниже, чем в современной поэзии.

В прозе оборот встречается в это время гораздо реже, чем в поэзии, и является редкой единицей. Слова с такой низкой частотой (0.14) отсутствуют в Новом частотном словаре, но, для иллюстрации, с частотой втрое выше (0.4) встречаются лексемы *яловый, юлианский, шорник*.

³ 9 млн слов в поэтическом корпусе НКРЯ 1912–37 гг. и 164 млн слов в основном корпусе НКРЯ 1912–37 гг.

С конца 1930-х: устойчивый поэтизм и прозаический неологизм

В следующие десятилетия оборот *в никуда*, как показывает анализ НКРЯ, с одной стороны, становится устойчивым поэтизмом, а с другой — постепенно выходит за рамки поэтического языка.

В конце 1930-х годов и в 1940 г. Анна Ахматова впервые в своем творчестве использовала оборот в глубоко трагическом контексте — в упомянутом стихотворении “Один идет прямым путем...” (1940 г.) и в “Реквиеме”:

*И только пышные цветы,
И звон кадилльный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда* [А.А. Ахматова. “Семнадцать месяцев кричу...” [Реквием, 7] (1935–1940)].

В целом в творчестве Ахматовой 5 вхождений этого элемента (последнее — в тексте [“Как древние в Коломенском ворота...” (1952–1962)]). Это абсолютный максимум: ни у кого из авторов в поэтическом подкорпусе НКРЯ нет такого количества употреблений оборота. В основном с его помощью характеризуется гибельность эпохи для автора и ее круга. Надо учитывать гораздо бóльшую редкость, необычность исследуемой единицы, чем в современной речи, т.е. бóльшую выразительность.

Среди русских поэтов, употреблявших оборот с конца 1930 г. по 2015 г. (последнее появление), мы видим и эмигрантов первой волны (напр. Георгий Иванов, Игорь Чиннов — у него оборот встречается дважды), и советских литераторов, далеких от эстетики Серебряного века (напр., Константин Симонов, Юрий Левитанский, Юнна Мориц — у всех дважды), и авторов андеграунда (напр., Олег Охупкин, Генрих Сапгир, Алексей Цветков). В песнях Александра Галича единица использована четырежды — так же, как и позже в стихах Бориса Рыжого. Борис Слуцкий, Давид Самойлов, Олег Чухонцев, Наум Коржавин, Иосиф Бродский — названные имена говорят об отсутствии связи исследуемого элемента с каким бы то ни было конкретным направлением и поэтикой, сфера его употребления — поэзия как таковая.

С годами характерность оборота для языка поэзии росла. Это выяснилось после расчета общей частоты выборок из поэтического корпуса НКРЯ для разных 25-летних периодов. Если с 1912 по 1937 г. частота была 1.2, см. выше (а с первого появления, с 1918 по 1937 г. — 4.6), то с 1938

по 1963 г. — примерно 10, с 1964 по 1989 г. — примерно 16, с 1990 по 2015 г. — 34.

В то же время, оборот постепенно появлялся в других стилях и жанрах. В 1938 г. в частной переписке Татьяны Луговской, сестры поэта Владимира Луговского, впоследствии известной мемуаристки, с драматургом Леонидом Малюгиным он впервые используется в бытовом контексте: *“вы не дали мне адреса — я же не могу писать в никуда?”* [Т.А. Луговская. Письма Л.А. Малюгину (1938)]. Подобные контексты в это время единичны.

С шестидесятых–семидесятых ситуация меняется, что, возможно, связано с общим ростом популярности единицы в связи с выходом в СССР в 1957 г. перевода романа Франсуа Мориака *“Les Chemins de la mer”* (“Пути моря”), который в России получил заголовок “Дорога в никуда”⁴.

В художественной прозе появляются контексты, связанные с бытом, с повседневностью: *“Появившаяся стюардесса с трудом оттаскивает его от этой двери в никуда. — Гражданин, что вы делаете?!”* [Леонид Ленч. Оказывается, существует // “Огонек”. № 10, 1970]; *“Одно дело писать реферат в никуда, а другое — в академический сборник, где чуть не десять инстанций, не считая цензуры и отдела пропаганды ЦК”* [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969–1971)].

Оборот может использоваться даже в инструкции к упражнению:

“Еще одно упражнение. Лежа или сидя в кресле. Глаза широко открыты. Взор — вдаль, в никуда, в течение 3 минут” [Владимир Леви. Искусство быть собой (1973)].

Наконец, оборот попадает в публицистику, в контексты, аналогичные тем, которые мы видим и сейчас, в XXI веке: *“Значит, тот миллион комбайнов, что выпущен в семидесятые годы, ушел в никуда? Еще молодым? Считайте как хотите. Он на списание ушел и переплавлен, тот миллион, а формулировки — вещь субъективная”* [Ю.Д. Черниченко. Комбайн косит и молотит (1982)].

Таким образом, в XX веке растет употребительность, частотность оборота в поэзии, и параллельно он постепенно превращается в общезыковое выразительное средство.

Субстантивация отрицательных местоименных наречий в русской поэзии за рамками идиомы в никуда

Возникновение в поэтическом языке оборота в никуда спровоцировало создание русскими

поэтами и других аналогичных выражений, в которых субстантивированное местоименное отрицательное наречие сочетается с предлогом направления. В произведениях разных авторов вскоре возникает целый ряд подобных выражений в качестве выразительных поэтизмов: *из ниоткуда, в никогда, в нельзя* (см. выше, в стихотворении А.Б. Кусикова “Аль-Баррак”), *в нигде, из никуда* (см. выше, в стихотворении А.А. Ахматовой “Имя”).

*Схоронился “в нигде” талисман,
Как Господа сердце — немолчный таран!* [Н.А. Клюев. Белая Индия (1916–1918)];

*Мир без вести пропал.
В нигде — Затопленные берега...* [М.И. Цветаева. “Бессонница! Друг мой...” [Бессонница, 11] (1921)].

Конструкция *из ниоткуда*, употребленная М.И. Цветаевой при описании кометы в 1921 г., цитировалась выше; она возникает и в обаятельном стихотворении 1926 г. Татьяны Щепкиной-Куперник “Владыкино” о заброшенной в тот момент грузовой кольцевой железной дороге вокруг Москвы (ныне Московское центральное кольцо, восстановленное для перевозки пассажиров):

*Там по дороге по Окружной,
Забывтой всеми и ненужной,
Пустые мчатся поезда
Из “Ниоткуда” в “Никуда”* [Т.Л. Щепкина-Куперник. Владыкино: “У самых рельсов сад зеленый...” (1926)].

В упоминавшемся стихотворении А.А. Ахматовой “Один идет прямым путем...” использована пара конструкций “в никуда и в никогда”. Второй компонент крайне редок; почти все сочетания *в* и *никогда* являются частью совершенно другой конструкции: *в никогда не виденный мной Стокгольм, в никогда не убираемых снегах*, т.е. вставкой причастия с отрицанием *не* и наречием *никогда* между предлогом *в* и существительным в предложном или винительном падеже (в чем? куда?).

Однако в поэтическом подкорпусе НКРЯ имеется и один настоящий случай употребления *в никогда* аналогично *в никуда* в 1919 г. Его автор также поэт-авангардист, словотворец:

*Лени друг и враг труда,
Ты поклялся, верю чуду,
Что умчимся в никогда
И за бедами забуду,
Что изменив, как вода* [Велимир Хлебников. “Лесная тоска”, 1919].

Оборот использован в речи Русалки, обращенной к Ветру, в маленькой сказочной драме

⁴ Пер. Н. Немчиновой. М.: Изд. иностр. лит., 1957.

“Лесная тоска”, написанной Председателем Земного Шара в психиатрической лечебнице Харькова, где поэт спасался от призыва в деникинскую армию. *В никогда* вместо явно должествующего быть здесь *в никуда* служит яркой иллюстрацией так называемой “сдвигологии”, которая, по А.Е. Крученых, является неотъемлемой частью творчества: «Эпитет контрастирующий заменен эпитетом ни с чем не сообразным; стрельба в обратную сторону требует в работе над стихом особо важные части произведения отмечать словом, которое “ни к селу, ни к городу”. Разряжение творческого вещества происходит в сторону случайную!» [7, с. 20]. Возможно, в 1940 г. Анна Ахматова вспомнила хлебниковские строки.

Описываемое использование таких конструкций стало отдельным художественным приемом, однако этот прием имеет очень ограниченное употребление. Ни одна из этих единиц не вышла за рамки поэтического языка — в основном поэтического языка конца 1910–1920-х годов, когда всё это было особенно свежо и модно — да и в нём все эти конструкции остались очень редкими, авторскими, искусственными.

Заключение

Русская идиома *в никуда*, в которой сочетается субстантивированное наречие *никуда* и предлог *в*, сегодня употребляется в устной речи, языке медиа, языке художественной литературы, при этом наиболее часто — в поэтическом языке, то есть ее основная роль — роль поэтизма, второстепенная — роль выразительного средства в общенародном языке.

Такая ситуация сложилась постепенно в течение XX века. В доступных источниках идиома впервые зафиксирована в написанном не позднее 1910 г. романе поэта-символиста Ивана Рукавишникова “Проклятый род”. В первые десятилетия конструкция употреблялась только в поэзии и прозе, связанной с поэзией, затем проникла в бытовую и публицистический дискурсы. История выражения является примером и демонстрацией принципиальной возможности проникновения поэтизма в общенародный русский язык. В настоящее время он уже совершенно не ощущается чем-то чужеродным ни в языке повседневности, ни в медийной речи, не служит здесь отсылкой к возвышенному поэтическому стилю. По сути, идиома стала органичной частью арсенала клише — выразительных средств общенародного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>
2. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, Издательство “ЧеРо”, 1997. 480 с.
3. Петрова Н.Е. Субстантивация и деадвербиализация наречий в современном русском языке // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 63. № 1–2. С. 35–42.
4. Google.books URL: <https://books.google.com/>
5. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
6. Шиян Л.И. Иван Рукавишников и его роман “Проклятый род” // Рукавишников И.С. Проклятый род. Н. Новгород: Нижегородская Ярмарка, 1999. С. 5–12.
7. Крученых А.Е. Сдвигология русского стиха. Трактат обижальный. М., 1922. 48 с.

REFERENCES

1. *Nacionalnyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru>
2. Rahmanova, L.I., Suzdaltseva, V.N. *Sovremennyy russkij yazyk. Leksika. Frazheologiya. Morfologiya: Uchebnoe posobie* [Modern Russian Language. Vocabulary. Phraseology. Morphology: Textbook]. Moscow, Izd-vo MGU, Izdatelstvo “ChEro” Publ., 1997. 480 p. (In Russ.)
3. Petrova, N.E. *Substantivaciya i deadverbializaciya narechij v sovremennom russkom yazyke* [Substantiation and Deadverbialization of Adverbs in Modern Russian]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [News of the Ural State University. Series 2: Humanities]. 2009, Vol. 63, No. 1–2, pp. 35–42. (In Russ.)
4. Google.books URL: <https://books.google.com/>
5. Lyashevskaya, O.N., Sharov, S.A. *Novyy chastotnyj slovar russkoj leksiki* [New Frequency Dictionary of Russian Vocabulary]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (In Russ.)
6. Shiyani, L.I. *Ivan Rukavishnikov i ego roman “Proklyatyj rod”* [Ivan Rukavishnikov and His Novel “The Cursed Family”]. Rukavishnikov, I.S. *Proklyatyj*

rod [The Cursed Family]. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya Yarmarka Publ., 1999, pp. 5–12. (In Russ.)

7. Kruchenyh, A.E. *Sdvigologiya russkogo stiha. Traktat obizhalnyj* [Shiftology of Russian Verse. Treatise Offensive]. Moscow, 1922. 48 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 августа 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 3 мая 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on August 14, 2022
Revised on May 3, 2023
Accepted on June 15, 2023
Date of publication: August 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027391-6

Творчество Ш. Сореля в контексте дебатов о правдоподобию во французской эстетике XVII в.

© 2023 г. К. Е. Ермилова

Аспирант, младший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0537-8312>
ermilova.kira@mail.ru

Резюме. В статье анализируются особенности понимания важнейшей для французской эстетики XVII в. категории правдоподобия (*vraisemblance*) французским писателем Шарлем Сорелем, получившим широкую известность благодаря роману “Правдивое комическое жизнеописание Франсиона” (1623–1633). Сорель придает данной категории большое значение, воспринимая правдоподобие в качестве основы для выстраивания эволюционной системы жанра романа. Рассматривая два основополагающих аспекта категории правдоподобия XVII в. — риторический и миметический, — мы анализируем особенности в понимании категории правдоподобия Сорелем. Сорель отвергает риторический аспект правдоподобия, то есть отрицает все, что касается морализаторской установки произведения, акцентируя внимание на миметическом аспекте, то есть на надлежащем воплощении реальности в художественном произведении. Тем не менее, несмотря на кажущуюся схожесть позиции Сореля с концепцией мимесиса, при анализе произведений устанавливается, что его взгляды отличаются от общепринятой модели, позволяя исследователям говорить о “контримесисе”. Данная поэтическая особенность во многом предвосхитила принципы литературы либертинажа XVIII в., а также реализм XIX в.

Ключевые слова: правдоподобие, Шарль Сорель, комический роман, комическая история, французская литература XVII века, мимесис.

Для цитирования: Ермилова К.Е. Творчество Ш. Сореля в контексте дебатов о правдоподобию во французской эстетике XVII в. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 63–69. DOI: 10.31857/S160578800027391-6

The Works of Charles Sorel in the Context of the Debate on “Vraisemblance” in the French Aesthetics of the 17th Century

© 2023 Kira E. Ermilova

PhD student, Research Fellow at A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0537-8312>
ermilova.kira@mail.ru

Abstract. The article analyzes the peculiarities of understanding the most important category of verisimilitude (*vraisemblance*) for the French aesthetics of the 17th century from the point of view of the French writer Charles Sorel, author of the “La vraie histoire comique de Francion” (1623–1633). Sorel attaches great importance to the category of verisimilitude, even to the point that he makes “vraisemblance” the main one for building the evolutionary system of the novel genre. In this case, in order to properly understand his creative and aesthetic views, it seems necessary to determine what exactly he understands by verisimilitude.

Considering two fundamental aspects of the category of verisimilitude of the 17th century – rhetorical and mimetic – we analyze the particularities in the understanding of the category of verisimilitude by Sorel. Sorel rejects everything that concerns the rhetorical aspect of verisimilitude, that is, he denies everything that concerns the moralizing attitude of the work, focusing on the mimetic aspect, that is, on the proper embodiment of reality in a work of fiction. Nevertheless, despite the apparent similarity of Sorel's position with the concept of mimesis, when analyzing his works, we see that his views are so different from the generally accepted model, allowing researchers to talk not about mimesis, but about Sorel's counter-mimesis. This position anticipated the specifics of the literature of libertinage of the 18th century and the laws of realism in the literature of the 19th century.

Key words: verisimilitude, vraisemblance, Charles Sorel, *histoire comique*, *roman comique*, 17th century French literature, mimesis.

For citation: Ermilova, K.E. *Tvorchestvo Sh. Sorelia v kontekste debatov o pravdopodobii vo frantsuzskoi estetike XVII v.* [The Works of Charles Sorel in the Context of the Debate on “Vraisemblance” in the French Aesthetics of the 17th Century]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 63–69. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027391-6

В 1623 г. выходит один из первых манифестов французского классицизма – предисловие Ж. Шаплена к поэме “Адонис” итальянского поэта Дж. Марино. Шаплен переносит идеалы “Поэтики” Аристотеля во французскую эстетику и концентрирует свое внимание на второстепенной для античной традиции категории правдоподобия. В 1630 г. Шаплен продолжает свою мысль в “Письме о правиле двадцати четырех часов”, и в 1637 г., когда пишет «Мнение Французской академии о трагикомедии “Сид”», окончательно утверждает правдоподобие основанием эстетики классицизма.

Независимо от Шаплена писатель Шарль Сорель (1599/1602–1674) обратился к понятию “правдоподобие” уже во втором своем прозаическом произведении под названием “Дворец Анжели” (*Le palais d'Angélie*, 1622). В предисловии к этому роману, написанному в русле галантно-героической традиции, Сорель писал: “Я чувствую, что уже отошел от написания чудовищных историй, в которых нет правдоподобия <...>. Я рассказываю только о событиях, которые могут случиться сообразно эпохе” (цит. по: [1, р. 115]). Сорель отказывается от галантных романов и меняет направление своего творчества, создавая сатирическое “Правдивое комическое жизнеописание Франсиона” (*La vraie histoire comique de Francion*, 1623–1633), высмеивающее как общественные пороки, так и существенные недостатки современной автору литературы, в числе которых будет названо то самое “неправдоподобие”. Неслучайно в то время Сорель не причисляет “Франсиона” к числу романов – под этим термином в первой половине XVII в. понимаются исключительно пасторальные и галантно-героические образцы жанра. Чтобы подчеркнуть это принципиальное отличие,

Сорель, отчасти опираясь на “Комические истории” де Сюэ (“*Histoires comiques*”, 1612), дает своему тексту определение “комическая история” (“*histoire comique*”). В дальнейшем в том же направлении он создаст романы “Сумасбродный пастух” (“*Le Berger extravagant*”, 1627), получивший во второй редакции название “Анти-роман” (“*L'anti-roman ou L'histoire du berger Lysis*”, 1633–1634) и “Полиандр” (“*Polyandre, histoire comique*”, 1648).

В последние годы жизни Сорель суммирует свои творческие и эстетические взгляды на литературу в двух крупных теоретических работах: “Французская библиотека” (“*La Bibliothèque française*”, 1664–1667) и “О знании хороших книг” (“*De la connoissance des bons livres*”, 1671). Во “Французской библиотеке” происходит основательное переосмысление Сорелем жанровой иерархии романа: “комическая история” больше не противопоставляется пасторальным и галантно-героическим произведениям, а получает наименование “комический роман” и определяется как высшая точка эволюции европейского романа. Принципом для выстраивания этой жанровой иерархии Сорель выбирает именно вопрос правдоподобия: автор “Франсиона” представляет эволюцию романа от античности до современности как непрерывный поиск авторами правдоподобия, непосредственно влиявший на форму, содержание и качество литературных произведений. Таким образом, в средневековых рыцарских романах, по мнению Сореля, уже появляются отдельные элементы правдоподобия, которые заключаются прежде всего в правдивом отображении отношений вассалов и их сюзеренов; в галантно-героических романах правдоподобия становится еще больше, но его все равно

недостаточно; испанские плутовские романы — это первая европейская попытка написать полностью правдоподобный роман, и наконец итогом многовековых изысканий становится достигнутая в XVII в. во Франции “истинная форма романа” (“la vraie forme d’un Roman”) [2, p. 194], то есть тот самый “комический роман”, в котором принципы правдоподобия реализованы в полной мере. Сорель дает “комическому роману” следующее определение: “выдуманные истории, которые представляют нравы людей такими, какие они есть, и которые [являются] наивным отображением их состояния и их природы” [2, p. 177]. Лучшим образцом данного жанра Сорель называет “Правдивое комическое жизнеописание Франсиона”¹.

Категория правдоподобия является крайне важной для эстетики XVII в., проблему правдоподобия затрагивают в трактатах и предисловиях к художественным произведениям и переводам Шаплен, Ж.-Б. Дюбо, П.-Д. Юэ, Н. Буало, Ф. д’Обиньяк и т.д. (см. подробнее: [3]). И несмотря на то, что при первом взгляде позиция Сореля отличается от общепринятой точки зрения незначительно, при более подробном анализе становится очевидно, что его эстетические взгляды не просто разнятся, а даже противоречат мнению современных ему авторов и теоретиков литературы.

Как отмечает А.Е. Махов в своей работе “Категория правдоподобия в литературной теории французского классицизма”, категория правдоподобия в эстетике XVII в. совмещает в себе два неразделяемых на тот момент теоретиками аспекта: это воздействие на читателя (риторический или рецептивный аспект) и надлежащее отношение произведения к реальности (миметический аспект). Риторический аспект неразрывно связан с морализаторской установкой произведения, таким образом “моральная правильность”, то есть наказание дурных и вознаграждение добродетельных персонажей в произведении, представляется авторам «следствием естественной логики событий, “правильная” причинная связь которых должна приводить именно к такому итогу» [3, с. 16–17]. Что касается Сореля, то риторический аспект правдоподобия он открыто отвергает. Обязательное наказание пороков и вознаграждение добродетели в произведении воспринимается им как отклонение от правды:

¹ Для творчества Сореля характерны анонимность и использование различных псевдонимов, поэтому в данном случае Сорель закономерно не признает свое авторство “Франсиона”.

в реальности преуспевают плуты и лицемеры, а добрые и честные люди страдают от несправедливости, следовательно произведения, вознаграждающие добродетель и наказывающие порочных людей, противоречат истине и нарушают принцип правдоподобия. В отличие от Шаплена Сорель во “Французской библиотеке” (1664), сравнивая “историю” и “роман”, отдает очевидное предпочтение первой и настаивает на необходимости отражать в художественном произведении реальность в том виде, в котором она существует в мире, а не “такой, как она должна быть”. В полной мере против вознаграждения добродетели Сорель выступит в “О знании хороших книг”, но уже на примере “Франсиона” мы можем рассмотреть его позицию, хотя следует отметить, что она отличается противоречивостью, и связано это с особенностями данного текста.

“Правдивое комическое жизнеописание Франсиона” существует в трех редакциях: первая вышла в 1623 г. и содержала 7 книг, вторая редакция вышла в 1626 г. и содержала 11 книг, завершаясь свадьбой главного героя и итальянской красавицы Наис, третья редакция вышла в 1633 г. и содержала уже 12 книг, также заканчиваясь свадьбой Франсиона и Наис. Во второй и третьей редакциях автором помимо завершения сюжета были значительно отредактированы или даже удалены наиболее вольнодумные эпизоды, содержащие непристойные элементы, а также политическую и религиозную сатиру. Проблема трех редакций “Франсиона” заключается в том, что, несмотря на то, что большинство изменений были связаны с усилением аппарата государственной цензуры и начавшихся во Франции преследований неудобных авторов, часть из них являются следствием творческой эволюции Сореля, таким образом, три версии романа значительно отличаются друг от друга, но при этом ни одну из редакций нельзя полноправно признать более соответствующей авторскому замыслу².

Существенные отличия между редакциями вызывают противоречия в тексте в рамках транслируемых автором идей и общего настроения произведения. Так, например, в первой редакции, еще не затронутой самоцензурой, Сорель демонстрирует безусловное торжество порока — все герои порочны, их пороки носят всеобъемлющий характер и нет никакой силы, которая могла бы быть им противопоставлена. Во второй редакции Сорель добавляет авторские обращения,

² Русскому читателю доступна только третья редакция романа, по которой был сделан единственный существующий на данный момент перевод на русский язык.

в которых легитимизирует наличие сомнительных с точки зрения общепринятой морали поступков и высказываний своих персонажей желанием продемонстрировать порок таким, какой он есть, с целью исправить своего читателя. При этом, предвосхищая закономерную критику этого положения, Сорель неоднократно “сокрушается” о том, что его сатира на порочных людей оказалась недостаточно очевидной, поэтому произведение будет скорее не исправлять, а лишь развлекать публику, несмотря на его благие намерения. Тем не менее, уже в рамках сюжета озвученная в обращениях автора идея “исправления читателя” в соответствии с общепринятыми нормами вступает в конфликт с образом главного героя-либертена, одна из основных характеристик которого заключается в критическом отношении к традициям и моральным ценностям — Франсион открыто выступает против института брака, пропагандирует физическое удовольствие и свободную любовь, в тексте романа высмеиваются как античные, так и современные автору верования и убеждения. В третьей редакции Сорель к двенадцатой книге значительно ослабляет власть и силу порока, а кроме того, он вводит в произведение образ справедливого могущественного судьи Лючио, спасающего Франсиона от подстроенных обвинений в фальшивомонетчестве, то есть, иными словами, в тексте появляется та самая отсутствующая в первой редакции добродетельная сила, которая противопоставлена пороку и способна его одолеть. Как отмечает Э. Дезиле, с помощью данных изменений в третьей редакции Сорель создает концепцию “морального наказания” [4, р. 13] — обязательного наказания, которое ожидает персонажей, если они ведут неправильный образ жизни. Для распутника Франсиона таким наказанием стало подстроенное врагами обвинение и разрыв помолвки с Наис. С одной стороны, возникает ощущение, что в третьей редакции Сорель приходит к шапленовской концепции: порок наказан, возмездие неизбежно, а значит можно говорить о морализаторской установке произведения. С другой стороны, в позиции Сореля есть важное отличие: герои его романа противоречивы. Так, например, Франсион обладает положительными качествами — он благороден, верен друзьям, презирает лицемерие и ложь, борется с пороками современного ему общества, готов защищать свою честь в смертельном поединке, не способен на подлый с его точки зрения поступок и т.д., тем не менее, при этом он — известный распутник, лицемер и обманщик (несмотря на свое презрение к лицемерию и обману), создавший банду “Удалых

и Щедрых”, соблазнивший множество замужних женщин и невинных девушек, а также изменяющий Наис даже после помолвки.

Таким образом, финальное наказание главного героя не является закономерной и обусловленной сюжетом карой за его пороки, которую читатель мог бы ожидать в конце произведения, а представляет собой скорее повод для Франсиона задуматься о правильности своего мировоззрения и самостоятельно принять решение об изменении образа жизни. Показательно, что наказание Франсиона совершенно не влияет на его близких друзей, которые, несмотря на то, что были не только свидетелями, но и участниками этой истории, не получили наказания и не посчитали необходимым оставить путь порока. То же самое происходит в романе и с награждением добродетели. Итальянская красавица Наис — один из немногих персонажей, которую с определенными оговорками³ можно причислить к добродетельным героям, получает в качестве “награды” за добродетельность свадьбу с Франсионом, которую пришлось сыграть во многом потому, что отменять ее было бы еще большим неудобством. Таким образом, идея о том, что в произведении “все порочные люди получают наказание, а добродетельные — вознаграждение” и данная развязка воспитает читателя или зрителя, в данном тексте заменяется на убеждение о том, что подобной закономерности не существует, а также нет никакой необходимости во вмешательстве со стороны: все порочные люди будут наслаждаться пороком, затем они получают наказание, осознают свои ошибки и сами исправятся, и только так они смогут стать добродетельными. В конечном счете идея “морального наказания” из третьей редакции конфликтует с уже заявленной в первой редакции позицией Сореля о “торжестве порока” и заявленной во второй редакции необходимости “наглядной демонстрации” читателю этого самого порока для исправления нравов.

Вторым аспектом категории правдоподобия мы назвали миметический аспект. Для Сореля правильное соотношение литературного произведения и реальности прежде всего означает

³ Несмотря на то что Наис упоминается в первой редакции романа, полноценно она появляется только в версии 1626 г., и вопрос о том, была ли свадьба изначальным замыслом Сореля, остается открытым. Кроме того, отличия образа Наис во второй и третьей редакциях весьма значительны: из наивной и доверчивой женщины, не подозревающей о том, что ее будущий муж ее обманывает, Наис трансформируется в персонажа, способного “разоблачить” Франсиона и “играть” по его правилам. Подробнее об изменениях образа Наис см.: [5].

правдоподобие времени и места действия, под которым он подразумевает не столько сохранение исторической правдоподобности, то есть верного воспроизведения деталей и особенностей исторически или территориально отдаленной страны⁴, сколько полный отказ от описания условно-исторического времени и экзотической местности. Время и место действия романов Сореля — современная ему Европа, с характерным национальным колоритом, узнаваемыми типажам, бытовыми деталями и актуальными социальными проблемами. Во многом заимствуя эту особенность из испанских плутовских романов, Сорель не ограничивается дворянским сословием и описывает быт и нравы людей из разных слоев общества: слуг, мещан, дворян, военных, ученых, поэтов и т.д., то есть включает в состав персонажей своего романа типичных представителей современности, не акцентируя внимания на одной части населения.

Сорель активно выступает против “неправдоподобия” пасторальных романов, под которым понимает несоответствие речи и поведения персонажа его характеру, воспитанию и профессии. Сорель требует использовать изысканную речь в том случае, когда говорит придворный и простонародный язык, когда говорит простолюдин. Пастухи же с манерами придворных, которые рассуждают как ученые или поэты, представляются ему недопустимым в литературе воплощением “неправдоподобия” и высмеиваются как во “Франсионе”, так и в другом его знаменитом произведении “Сумасбродный пастух”. Важно отметить, что для Сореля существует принципиальная разница между двумя ситуациями: когда пастух говорит как дворянин потому, что таковы условия и законы художественного мира, в котором он существует, и такая особенность в свою очередь воспринимается автором и читателями как данность, не требующая дополнительного объяснения; и когда пастух говорит как дворянин потому, что у него для этого есть объективные причины, представленные читателю. Так, например, желание главного героя “Сумасбродного пастуха” Лизиса быть пастухом объясняется его приступами безумия, которые он получил из-за чрезмерного увлечения пасторальными романами, а дворянин Франсион в двенадцатой книге романа вынужден стать пастухом, чтобы заработать на жизнь, и в этом образе он ведет ученые

беседы с девушкой Джокондой, как раз возмущающейся отсутствием правдоподобия в романе про пастухов, который она читает. Таким образом, поведение, речь и манеры персонажей, согласно Сорелю, должны быть обоснованы и логичны с точки зрения здравого смысла.

В рамках миметического аспекта правдоподобия Сорель также отвергает возможность совмещения реального и чудесного начала в романе. Так, во “Франсионе” “магия” — это всегда либо обман (например, в самом начале романа Франсион притворяется колдуном и заставляет Валентина уйти ночью из замка, чтобы тем временем попасть на свидание к его жене), либо суеверия (как, например, история о влезавшей в дом Франсиона обезьяне в третьей книге, чьи проделки слуги считали происками дьявола), либо искусный фокус, а прочие “фантастические” элементы вынесены в пространство сновидений или фантазий. Например, сон Франсиона, рассказанный им в третьей книге, наполненный гротескными образами и многочисленными (удаленными после самоцензуры) непристойностями, а также проект фантастического романа о государстве на Луне, озвученный ученым Гортензиусом в одиннадцатой книге⁵.

Еще одним немаловажным пунктом становится тот факт, что Шаплен в “Письме о правиле двадцати четырех часов” включает в категорию правдоподобия требование вызвать у читателя или зрителя веру в реальность происходящего в сюжете. Творчество Сореля же характеризуется постоянной игрой с читателем — как в конкретных произведениях в рамках нарративного металеписа, так и за его пределами⁶, постоянной деконструкцией романа и использованием многочисленных масок, под которыми автор появляется в тексте.

Коротко рассмотрим эту особенность на примере “Франсиона”. Во-первых, у нас есть текст романа, повествование в котором ведется от лица безымянного рассказчика. Во-вторых, в расположенном перед первой главой посвящении “К Франсиону” рассказчик обращается к якобы реально существующему дворянину по имени Франсион, который рассказал ему о своих приключениях, — прием, который по своей изначальной цели должен убедить читателя в реальности

⁵ Данный замысел будет воплощен Сирано де Бержераком в его романе “Иной свет, или Государства и империи Луны” (“*Histoire comique des états et empires de la Lune*”, 1657).

⁶ Личная жизнь Сореля и его убеждения характеризуются множеством противоречий и являются поводом для исследований.

⁴ Подобную трактовку мы можем видеть, например, у Мадлен де Скюдери, которая была высказана ею в предисловии к роману “Ибрагим, или Великий Паша” (“*Ibrahim, ou l'illustre Bassa*”, 1641).

описанных событий. Тем не менее, Сорель тут же разоблачает собственную иллюзию: перед той же первой главой в третьей редакции находится “Предупреждение читателям”, в котором говорится, что автор этого полностью вымышленного романа — действительно существовавший писатель сьер дю Парк и что он умер в 1624 г., то есть за два года до выхода второй редакции.

Изменения в тексте умершего автора объясняются тем, что редакция 1626 г. была основательно дополнена друзьями и редакторами сьера дю Парка; редакция же 1633 г. была сделана после обнаружения черновиков сьера дю Парка и приведена в соответствие с ними. В-третьих, на протяжении всего текста мы сталкиваемся с авторскими обращениями к читателю, в которых автор (в данном случае его “маска” до конца не определена: это может быть как “сьер дю Парк”, так и его “друзья и редакторы”, особенно если обращения возникают в последних главах романа), внезапно прерывая сюжет или диалоги своих героев, рассуждает о необходимости включения в роман тех или иных персонажей, анализирует их типы, пишет о литературных задачах, о желании нравственно воспитать своего читателя и т.д. В-четвертых, дерзкое посвящение “Сильным мира сего”, помещенное в первой редакции перед первой главой, было воспринято читателями вполне серьезно. Но в третьей редакции это же посвящение было перенесено в одиннадцатую книгу, где его производит уже не автор, а Франсион, подавая это обращение как очевидно сатирическое. И наконец, в-пятых, читатели Сореля знали, кто является подлинным (и единственным) автором романа, данный факт не был тайной, о чем, в частности, свидетельствуют воспоминания современников. Таким образом, весь текст романа — игра, и читатель постоянно сталкивается с деконструкцией предлагаемого ему сюжета. У Сореля нет цели убедить читателя в реальности происходящего в тексте, его цель прямо противоположна: разоблачить текст перед читателем.

В 1637 г., через несколько недель после публикации «Мнения Французской академии о трагикомедии “Сид”» Шаплена, выходит десятистраничный памфлет в защиту пьесы Корнеля под названием «Суждение о “Сиде”, сочинение некоего Парижанина, Приходского Старосты», приписываемый Сорелю, который замечает: «Я нахожу, что [“Сид”] очень хорош, по той единственной причине, что он был прекрасно принят публикой» [6, с. 313]. Сама по себе “ориентация на мнение публики” для классицистического понимания категории правдоподобия вполне

приемлема, так, например, Р. Рапен пишет, что “правдоподобно все то, что согласуется с мнением публики” [7, р. 39], но с тем лишь уточнением, что под публикой здесь понимается не то, что имеет в виду Сорель. Шаплен, когда говорит о “публике”, уточняет, что речь идет о “высшем дворянстве и всех *honnêtes gens*”, Сорель же осознает, что его тексты будут читать не только образованные придворные, знающие Аристотеля и разбирающиеся в литературе, но и “простые обыватели”, на которых он осознанно ориентируется. Апогеем этой ориентации становится посвящение “Французской библиотеки” не королю, как это было принято, а Франции. Что касается общей позиции Сореля относительно пьесы Корнеля, то в целом памфлет носит характер защиты. Так, Сорель перечисляет все проблемные, с точки зрения критиков, элементы пьесы и оправдывает их наличие простой формулировкой: “все это было нужно автору”. Можно предположить, что в данном случае Сорель ориентируется на корнелевскую логику возможности отхода от правдоподобия в тексте, если этого требует эстетическая задача.

И наконец, одной из самых характерных особенностей понимания Сорелем правдоподобия становится введенная им категория наивности (*naïveté*), которую мы уже отмечали в его определении комического романа. Анализируя это сорелевское понятие, П. Дандри подчеркивает его явное противоречие с тем, что понималось современниками Сореля под правдоподобием, а именно — отказ от выбора. То есть стремление автора не выделить из реальности определенные элементы, руководствуясь моральными, политическими и иными задачами, и отразить их в тексте, а изобразить реальность в ее гетерогенной полноте, что отчасти может объяснить явную противоречивость его персонажей. Категория наивности также позволяет нам обратиться к другой важной для эстетики XVII в. категории — категории подражания действительности, то есть мимесису. Как отмечает Махов, «это якобы “точное” подражание в то же время понимается как опосредованное: природа дается поэту через призму “правил”, установленных поэтикой, прежде всего “Поэтикой” Аристотеля» [8, с. 48], то есть реальность, воспроизводимая в художественном произведении, ощутимо видоизменяется его автором — отбирается, улучшается, украшается и т.д. Таким образом, так как характерной особенностью мимесиса является именно осознанный выбор автором необходимых для включения в произведение элементов реальности и “разделение ее предметов в соответствии с критерием

декору́ма» [8, с. 50], то сорелевская наивность с ее требованием отражения разнородности мира, не подчиняющейся ни разуму, ни вкусу, ни эстетическим задачам, является противоположной ему концепцией, или как ее называет Дандри — «контрмимесисом» [9, р. 108]. Следуя данной логике, мы в свою очередь можем охарактеризовать эстетическую позицию Сореля как тяготение к контрмиметическому аспекту правдоподобия.

Таким образом, несмотря на то, что Сорель, как и многие его современники, обращается к категории правдоподобия, его творческие взгляды значительно отличаются от общепринятых. Позиция Сореля характеризуется антириторическим аспектом правдоподобия, то есть подчеркнутым отсутствием неразрывной связи между правдоподобием и необходимостью нравственного воздействия на читателя, и нацеленностью на контрмиметический аспект правдоподобия, понимаемый как «наивное», то есть лишенное какого-либо отбора со стороны автора отображение реальности. Данная концепция «торжества порока» найдет свое продолжение в романах либертинажа XVIII в., а сорелевский миметический аспект — в литературе XIX в., что позволит некоторым исследователям рассматривать романы Сореля в качестве предшественников реализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Serroy J. Roman et réalité, les histoires comiques au XVIIe siècle.* Librairie Minard, 1981. 778 p. (In French)
2. *Sorel Ch. La Bibliothèque française.* Paris, Compagnie des libraires du Palais, 1667. 453 p. (In French)
3. *Makhov A.E. Kategorii pravdopodobiia v literaturnoi teorii frantsuzskogo klassitsizma* [The Category of Verisimilitude in the Literary Theory of French Classicism]. *Studia Litterarum.* 2020, Vol. 5, No. 2, pp. 10–33. (In Russ.)
4. *Desiles E. Les avatars de L'histoire comique de Francion.* Studi francesi, 1996. 16 p. (In French)
5. *Suozzo A. Nays as the vicarious heroine: the Francion's book XII.* *French Forum*, 1978, vol. 3, No. 1, pp. 3–9. (In French)
6. *Zhenett Zh. Pravdopodobie i motivatsiia* [Verisimilitude and Motivation], transl. by I. Itkin. *Zhenett Zh. Figury* [Figures]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh Publ., 1998, Vol. 1, pp. 299–321. (In Russ.)
7. *Rapin R. Les réflexions sur la poétique de ce temps.* Genève, Droz, 1970. XXXVI, 204 p. (In French)
8. *Makhov A.E. Uchenie o podrazhanii prirode v literaturnoi teorii frantsuzskogo klassitsizma* [The Doctrine of Imitation of Nature in the Literary Theory of French Classicism]. *Literaturovedcheskiy zhurnal* [Literary journal]. 2020, pp. 45–55. (In Russ.)
9. *Dandrey P. Le premier Francion de Charles Sorel ou le "jeu du roman".* Klincksieck, 2001. 150 p. (In French)

REFERENCES

Дата поступления материала в редакцию: 22 апреля 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 апреля 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
 Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on April 22, 2023
 Revised on April 27, 2023
 Accepted on June 15, 2023
 Date of publication: August 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027392-7

Однокоренные слова: между синонимией и паронимией

© 2023 г. Д. В. Якунина

Старший преподаватель Института филологии и истории
Российского государственного гуманитарного университета
Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6
d-yakunina@yandex.ru

Резюме. В статье обсуждается соотношение понятий синонимии и паронимии, а также функционирование в языке префиксальных глагольных паронимов. Уточняется определение паронимов как однокоренных слов с разными аффиксами, регулярно ошибочно используемых в речи в качестве полных синонимов. Некоторые глаголы на синхронном уровне могут рассматриваться как синонимы либо как паронимы в зависимости от фокуса внимания исследователя. Что касается диахронического аспекта изучения языка, наблюдаются процессы синонимизации однокоренных префиксальных глаголов, связанные в основном с родо-видовыми (гипо-гиперонимическими) отношениями между лексическими единицами. Возможность синонимичного использования однокоренных слов определяется близостью значений приставок, нейтрализацией контекста и невниманием нормы к узуальным изменениям. Норма может или оставлять незамеченным появление нового способа выражения языкового значения, или отмечать изменения в словарях, фиксируя слово в качестве синонима, или настаивать на сохранении паронимических различий. Таким образом, паронимами остаются те однокоренные слова, которые, смешиваясь в речупотреблении, обращают на себя внимание нормы.

Ключевые слова: синонимы, паронимы, однокоренные слова, русский язык.

Для цитирования: Якунина Д.В. Однокоренные слова: между синонимией и паронимией // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 70–81. DOI: 10.31857/S160578800027392-7

Common-Root Words: Between Synonymy and Paronymy

© 2023 Daria V. Yakunina

Senior lecturer at the Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia
d-yakunina@yandex.ru

Abstract. The article discusses the relationship between the concepts of synonymy and paronymy, as well as the functioning in the language of prefixal verbal paronyms. The definition of paronyms as common-rooted words with different affixes, which are regularly misused in speech as synonyms, is clarified. Some verbs on the synchronic level may be considered as synonyms or as paronyms, depending on the focus of the speaker's or listener's attention. As for the diachronic aspect of language study, there are processes of synonymization of common-root prefixal verbs, associated mainly with hypo-hyperonymic relations between lexical units. The possibility of synonymous use of common-root words is determined by the proximity of prefixes' meanings, neutralization of the context and the norm's inattention to changes in usage. The norm can either leave unnoticed the appearance of a new way of expressing linguistic meaning, or mark the changes in dictionaries, fixing the word as a synonym. Sometimes it can also insist on the preservation of paronymic distinctions even when there are already no such distinctions in usage. Thus, the paronyms remain the common-rooted words, which, mixing in speech usage, draw the norm's attention to themselves.

Key words: synonyms, paronyms, common-root words, Russian language.

For citation: Yakunina, D.V. *Odnokorennye slova: mezhdu sinonimiej i paronimiej* [Common-Root Words: Between Synonymy and Paronymy]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 70–81. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027392-7

1. Синонимия и паронимия: соотношение понятий

Языковой знак — двусторонняя сущность, причем на разных уровнях языковой системы большее внимание может уделяться одной или другой его стороне. Если рассматривать лексику и лексические отношения, то прежде всего в фокусе внимания находится означаемое. На основе сходств или различий во внутренней стороне знака определяются, например, такие понятия, как синонимы, антонимы и конверсивы. Другие лексические отношения определяются в первую очередь формой знака: полное совпадение формы при отсутствии какой-либо семантической связи между означающими двух лексем определяет омонимы; вариантом омонимов могут считаться паронимы, для которых свойственно частичное сходство формы при отсутствии семантической связи. Промежуточное положение в этой классификации занимают паронимы: для них характерны близость означающих и частичное сходство означаемых, что сближает их с синонимами, при том, что традиционно основное внимание при исследовании паронимов уделяется их формальным и смысловым отличиям друг от друга. В связи с тем, что паронимия исследовалась долгое время в рамках стилистики, но не лексикологии, представляется необходимым уточнить место паронимов в системе лексических отношений и, в особенности, в их связи с синонимами.

1.1. Синонимы — слова, семантически сходные

Согласно определению Лингвистического энциклопедического словаря, синонимия — это «тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений». Синонимия наблюдается на всех уровнях языковой системы, оперирующих знаками — от уровня морфем до уровня текста. Синонимия можно понимать как в широком, так и в узком смысле. При широком понимании в синонимические отношения могут вступать любые языковые единицы — от морфем до предложений, причем синонимия может быть в большей или меньшей степени точной. Синонимия в узком смысле, или лексическая синонимия, предполагает большее внимание к форме языкового знака. Синонимами считаются слова одной части речи,

а не разноструктурные единицы; синонимичные словосочетания и предложения в качестве синонимов при данном подходе не рассматриваются. Проблемами лексической синонимии занимались в разное время многие исследователи: А.А. Реформатский, Л. Мерфи, В.А. Звегинцев, Ш. Балли, Дж. Лайонз, Ю.Д. Апресян и др.

В работе В.А. Белова [1] описаны пять вариантов понимания синонимии в лингвистике. При денотативном подходе синонимами называют слова, имеющие общий денотат (А.А. Реформатский, [2]); традиционный, или сигнификативный, подход рассматривает синонимию как тождество или близость значения (А.П. Евгеньева, [3]); структурный подход задает формальные и семантические требования к синонимам (Дж. Лайонз, [4], Ю.Д. Апресян, [5]); прагматический подход предполагает их взаимозаменяемость в контексте (В.А. Звегинцев, [6]); наконец, психолингвистический подход подразумевает близость значений синонимов в лексиконе носителя языка (А.А. Залевская, [7]). Мы будем рассматривать синонимы в рамках структурного подхода.

Языковые единицы, (частично) совпадающие в значении, могут быть в разной степени взаимозаменяемы в тексте, а также могут иметь различающиеся стилистические и оценочные свойства. Дж. Лайонз [4] говорит о разных типах синонимов, в зависимости от полноты или неполноты сходства их значений и возможности заменять друг друга во всех или лишь в части контекстов. Так выделяются почти синонимы (*mist* “легкий туман” — *fog* “густой туман”), с одной стороны, и частичные синонимы (например, *big* — *large*, которые могут заменять друг друга не во всех контекстах: *big* / **large mistake*) — с другой [4, с. 77]. Абсолютные синонимы характеризуются тождеством всех значений, синонимичны во всех контекстах и семантически эквивалентны во всех параметрах значения, дескриптивных и недескриптивных.

Согласно Ю.Д. Апресяну, синонимы — это близкие по значению слова, различия между которыми могут нейтрализоваться в определенных позициях, в зависимости от семантических, лексических, синтаксических и других признаков [5, с. 217]. Основным критерием синонимичности

здесь является сходство значения. Лексические синонимы — это слова одной части речи, которые имеют одинаковое число активных семантических валентностей и соответствующие наборы ролей и которые имеют полностью совпадающее толкование (“переводятся в одно и то же выражение семантического языка” [5, с. 223]), например, *глядеть — смотреть, прекращаться — переставать*. Это определение в общем случае не требует схождения сочетаемости синонимов или совпадения их стилистических свойств.

Отмечается, что к появлению синонимов, в частности, точных синонимов (совпадающих как в отношении сочетаемости, так и стилистически), приводит стремление языка к обновлению лексического состава. Этот процесс можно отчетливо наблюдать в экспрессивной лексике (*безголовый — безмозглый*), среди фразеологических единиц, образность которых сближает их с экспрессивными единицами (*с гулькин нос — кот заплакал*), а также при развитии у слова переносных или фразеологически связанных значений (*нести — лететь (по улице)*). С другой стороны, существует стремление преодолеть так называемое нефункциональное различие единиц ([5, с. 225], со ссылкой на М.В. Панова [8]), особенно характерное для литературной нормы, а именно: если в языке существуют две лексические единицы, их функции должны быть различны. Литературный язык требует смысловой и (или) стилистической дифференциации внешне различных единиц; в результате начинается разведение синонимов по разным значениям и оттенкам значения. Большую часть синонимов составляют именно такие — неполные, или квазисинонимы, то есть слова, близкие, но не совпадающие полностью по значению.

Особую группу синонимов составляют однокоренные (*выругать — отругать, борьба — борение, испугать — напугать* и др.). Такие лексические единицы имеют общую часть значения, благодаря единству корня, а различаться они могут значениями аффиксов. Русское словообразование, как известно, богато аффиксальными единицами. Многие приставки имеют близкие значения, что способствует синонимизации лексем. Кроме того, большинство префиксов дополнительно выражает результативное значение, что также способствует возможности синонимического прочтения префиксальных дериватов. Контекст также не всегда предполагает обязательности выражения смысловой валентности, различающей значения аффиксов; в этом случае, как будет показано ниже, слова также представляют собой синонимы.

1.2. Паронимы — слова, формально различные

С однокоренными словами связывают понятия паронимии и паронимии как частичного сходства звукового состава слов. Сходство внешнее, формальное совсем не обязательно предполагает сходства семантического. Явление паронимии рассматривается чаще в рамках стилистики — как “стилистический приём, состоящий в намеренном сближении слов, имеющих звуковое сходство” [9] и придающий тексту большую выразительность и образность (*талантоты муки, содрание сочинений* — [10, с. 66]). При другом понимании паронимии может быть проявлением речевой ошибки, например, в случаях так называемой народной этимологии при незнании значений заимствованных слов (*эстапада, дикуссировать, подсигар*¹).

При понимании паронимии как фонетического подобия любых слов, необязательно родственных, паронимы могут быть определены как однокоренные паронимы. Хотя существует и другое толкование термина, при котором обобщающим будет понятие паронимии, а понятие паронимии будет относиться исключительно к области стилистики. Тогда паронимами будут называться любые частично сходные в звуковом отношении, но семантически различные слова [9], которые преднамеренно или непреднамеренно сближаются в речи. Т.В. Веракса в работе “Лингвистическая природа паронимов русского языка” определяет паронимы как “близкие по звучанию, разные по значению, этимологически обусловленные слова, которые могут либо ошибочно употребляться одно вместо другого, либо намеренно сближаться в различного рода сопоставлениях” [11, с. 170], относя к паронимам как пары *горделивый — гордый, отстранить — устранить*, так и пары *диапазон — диапозитив, факс — файл*. Мы придерживаемся иного понимания термина “пароним”. Рассматриваемое нами далее подмножество лексем следует отнести к словарным паронимам — паронимам однокоренным, в отличие от паронимов контекстных, или поэтических [9], подразумевающих любое звуковое сходство (*кон — конь, весело — весила*). Поэтические паронимы — паронимы — не являются предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Как утверждается в Лингвистическом энциклопедическом словаре, “паронимия принципиально отлична от синонимии, поскольку паронимы в составе паронимической пары или ряда соотносительны между собой в силу их

¹ Белюшина Н. Торжество абырвалга — URL: https://royallib.com/read/belyushina_natalya/torgestvo_abirvalga.html#0

словообразовательной соотнесённости”. Иными словами, их соотнесенность фокусируется на формальной, а не на содержательной стороне языкового знака. О различиях, скорее, чем о пересечениях между синонимией и паронимией, говорится и в [11].

В то же время, в пособиях по культуре речи Ю.А. Бельчикова [12], И.Б. Голуб [10], А.Г. Петряковой [13] отмечается возможность синонимизации паронимов в отдельных контекстах и употреблении: *усвоить* — *освоить* (... *правило, содержание лекции, доклада*), *дальний* — *далекий* (о *дороге*), *драматичный* — *драматический* (о *ситуации*). У однокоренных паронимов формальная — словообразовательная — соотнесенность в любом случае сопровождается по меньшей мере частичным (закрывающимся в корне) семантическим сходством, которое позволяет соотнесенность семантическую.

1.3. Синонимия — взгляд со стороны семантики, паронимия — взгляд со стороны формы

Понятие синонимии представляет собой взгляд на языковые единицы со стороны семантики, а понятие паронимии — взгляд со стороны формы. В случае с однокоренными словами можно говорить как об их сходстве, так и об их различиях на семантическом и на формальном уровнях. Рассмотрим формальные и семантические свойства паронимов на материале префиксальных глаголов. Общность корневой семантики — важный, но недостаточный критерий для определения семантики слова. Приставки имеют свою семантику, разводящую значения слов, ср. *прийти* — *уйти* — *перейти* — *дойти* — *выйти* и т.д., однако необходимо отметить, что встречаются однокоренные слова, имеющие близкую семантику приставок. В таком случае следует говорить о возможности синонимизации однокоренных слов.

Ю.Д. Апресян выделяет группу точных синонимов; внутри неё есть и однокоренные синонимы с разными аффиксами, в частности, с разными приставками: *отварить* — *сварить* (*картофель*), *обогнать* — *перегнать* (*бегуна*), *обождавать* — *подождавать* (*друга*) и др. [5, с. 228]. Их в приводимом списке не так много; значительно большая группа таких глаголов представляет собой неполные синонимы, или квазисинонимы, которые отличаются от точных синонимов тем, что их толкования имеют значительную общую часть (за счет семантики корня), но не совпадают полностью, при этом не отличаются по количеству и составу семантических валентностей [5, с. 235]. Автор выделяет два основных типа квазисинонимических

различий: родо-видовые и видо-видовые. В первом случае речь идет о соотношении значений по типу включения одного значения в другое, во втором — о пересечении значений слов. Среди приставочных глаголов, демонстрирующих родо-видовые различия, упоминаются, например, пары *наполнить* — *заполнить*, где второй глагол уточняет значение первого как “наполнить все пространство”: *зрители наполнили* — *заполнили (целиком) зал*; или *выкопать* — *прокопать*, в которой второй глагол дополнительно к значению первого выражает значение “соединить выкопанным”, из-за чего определенные словосочетания становятся невозможными: *выкопать* или *прокопать канал* <*канаву, дорогу в снегу*>, но только *выкопать пруд* [5, с. 235–236].

Видо-видовые различия представлены, в частности, в цепочках и парах *остричь* — *постричь* — *подстричь* со значениями ‘снять совсем — снять часть — снять немного’ ср. *остричь* — *постричь* — *подстричь кого-л. или кому-л. волосы* <*бороду, шерсть*>; *заносить, затащить* — *износить, истаскать* (сильная ветхость и большая поверхность “поражения” — неаккуратный внешний вид всей вещи — полная ветхость, непригодность к дальнейшему использованию), ср. *заносить* — *износить блузу* <*платье, штаны*> [5, с. 238]. Ю.Д. Апресян отмечает, что нейтрализации в большей степени подвержены родо-видовые различия, в то время как теоретически возможная нейтрализация видо-видовых различий на практике встречается достаточно редко. Экспериментальное исследование В.А. Белова подтверждает эти наблюдения, показывая асимметричность синонимических замен: гипосиноним может заменяться на доминанту синонимического ряда с наиболее общим значением, но обратная замена не производится (например, в ряду синонимов *подарок, дар, гостинец* слово *гостинец* можно заменить на *подарок*, но не наоборот — [14, с. 403]).

На примерах сочетаний с глаголами *выкопать* и *прокопать* можно увидеть, что в первом словосочетании (*выкопать / прокопать канал*) мы имеем дело с квазисинонимами. Дополнительный семантический компонент “соединить выкопанным” в определенных контекстах может нейтрализоваться:

(1) *Мало выкопать канал — надо его забетонировать, иначе фильтрация воды сквозь почву будет слишком велика.* [Ромэн Яров. Глубокий след степного корабля // “Техника — молодежи”, 1976]²

² Здесь и далее, при отсутствии примечаний, примеры из НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru>

(2) *Работа была очень тяжелой и одно время казалась бессмысленной: **прокопать канал** длиной около двенадцати метров и глубиной не меньше метра — занятие не легкое.* [П.А. Сажин. Трамонтана (1959) // “Современник”, 1977]

В случае реализации в тексте этого “видового” компонента, который предполагается глаголом *прокопать* и может быть выражен конструкцией с предлогом *к*, замена его на *выкопать* становится невозможна:

(3) *Из Гостиной набережной надежные люди, те, что умели держать язык за зубами, тайно, ночью **прокопали** (*выкопали) подземный ход к самой Двине.* [Ю.П. Герман. Россия молодая. Часть вторая (1952)]

Сочетание *выкопать* с предлогом *к* возможно только при сирконстантном обозначении места или времени совершения действия:

(4) *...все вместе они **выкопают к** обеду два десятка похожих на общепитовские тарелки ямок с косыми стенками, в которые ничего нельзя посадить.* [Александр Чудаков. Ложится мгла на старые ступени (1987–2000) // “Знамя”, 2000]

(5) *Собственными руками он **выкопал к** югу от монастыря, под Сторожевской горой, колодец для снабжения водой, который существует и доныне.* [Обитель Преподобного Саввы Сторожевского (2004) // “Журнал Московской патриархии”, 26.01.2004]

При нарушении лексической сочетаемости, а именно, в словосочетаниях *выкопать* / **прокопать* *пруд*, глаголы *выкопать* и *прокопать* перестают быть синонимами, и их замена в контексте приведет к паронимической ошибке, поскольку на первый план выходит не общее в их семантике, а различное, отличающее вид от рода. Приставочные однокоренные синонимы могут выступать в роли паронимов в случае, если нейтрализация семантических различий невозможна в определенном контексте — лексическом или синтаксическом.

Именно такие случаи рассматриваются в стилистике как паронимические и нарушающие нормативное употребление. Следовательно, можно уточнить определение паронимов. Паронимы — это слова, разные по форме (составу), с близким, благодаря единству корня, значением, не являющиеся синонимами во всех или в определенных контекстах, но регулярно используемые синонимично и потому рассматривающиеся как ошибки в области культуры речи.

Некоторые глагольные пары и ряды включены как в словари синонимов, так и в словари паронимов. Так, в Новом объяснительном словаре синонимов [15] глаголы *заплатить*, *уплатить* и

выплатить составляют один синонимический ряд, к которому примыкает *оплатить*. Актантные структуры их схожи: “покупатель (подлежащее) — цена (прямое дополнение) — продавец (косвенное дополнение) — товар (предложное дополнение)” [15, с. 107], а для глагола *оплатить* валентность цены в предложении каким-либо дополнением не выражается. В словаре синонимов Е.З. Александровой [16] значение глагола *платить* описывается через *выплачивать* и *оплачивать*, а глагола *заплатить* — через *выплатить*, *уплатить* и *оплатить*.

Эти же глаголы в большинстве пособий по культуре речи и словарях паронимов указаны как паронимы. В фокусе внимания здесь — форма воплощения семантической валентности, а также возможность (или невозможность) замены одного глагола другим в том же контексте. Паронимические сочетания образуются в результате ошибки в лексической и семантической сочетаемости и в модели управления.

В словаре Ю.А. Бельчикова и М.С. Панюшевой подробно описаны модели управления этих глаголов и сочетаемость их с различными существительными. Как паронимические отмечены словосочетания “*оплатить стоимость* (чего-л.) — при покупке, приобретении вещей, *выплатить стоимость* (чего-л.) — погасить долг, отдать полностью неоплаченную часть (напр., при покупке чего-л. в кредит)” [17, с. 65]. При сочетании с существительным *стоимость* семантические различия между этими глаголами оказываются важнее их сходства; употребление одного на месте предполагавшегося другого приведет к ошибке в передаче смысла.

Для глагола *заплатить*, в отличие от других рассматриваемых, возможны переносные употребления со значением “поступить каким-л. образом в ответ на что-л., совершить что-л. в связи с чем-л., проявляя свое отношение к чему-л. Заплатить за дружбу дружбой. Заплатить черной неблагодарностью” [17, с. 64]; *заплатить за счастье, за любопытство, за внимание; заплатить жизнью за свободу* [15, с. 110]. У остальных глаголов ряда словари не отмечают переносного значения. Их переносное употребление, таким образом, признается ошибкой, и это позволяет считать *заплатить* — *оплатить* паронимами: “Она должна работать. Пусть хоть этим она **оплатит смерть** [нужно: **заплатит за смерть**] Янека и его товарища”. В. Кудрявцев, В. Понизовский. Город не должен умереть [17, с. 66].

Похожую ошибку содержат и найденные нами примеры:

(6) *Маленькая княгиня **оплачивает** жизнью рождение сына* (нужно: *платит жизнью за*). [Владимир

Порудоминский. Если буду жив, или Лев Толстой в пространстве медицины (2012)]

(7) *Феникс — мифическая птица, которая, забирая с собой все страдания и ненависть людей, бросается в огонь, чтобы своей жизнью и красотой **оплатить счастье** на земле (нужно: заплатить за счастье (людей) на земле).* [Алена Воробьева. Феникс. Стихи (2016)]

К паронимическим употреблением относятся и ошибки в моделях управления. В рассмотренном ряде глаголов это будет, например, конструкция *оплатить / выплатить + за (что-л.)* при ожидаемом (нормативном) прямом дополнении, например:

(8) *Потом ему поступил заказ от муниципального учреждения на изготовление школьной мебели, он произвёл мебель, и ему **оплатили за** такую поставку на расчётный счёт.* [Елена Макарова. Юридические хитрости для вашего бизнеса (2021)]

*Вот мы и перебиваемся вот такими моментами, чтобы услугой **оплатить за** услугу.* [Алекса Барто. Обещания (2017)]³

Таким образом, понятие паронимии связано с ошибочным употреблением. Ошибки бывают как случайными (тогда правильнее считать их оговорками), так и узувальными. Типовые, частотные ошибки узуса включаются в словари паронимов. Узувальные ошибки попадают также в пособия по культуре речи и дополняют словарные списки. Как показало наше исследование, в различных словарях и учебниках отмечено около 180 паронимических префиксальных глагольных пар [18]. При этом группа паронимических единиц, совпадающих в разных источниках, весьма невелика. Ядро списка — единицы, упомянутые в пяти и более источниках, — составляют всего около десяти пар, среди которых *одеть — надеть, представить — предоставить, освоить — усвоить, вдохнуть — вздохнуть*, рассмотренные выше *оплатить — заплатить — выплатить* и др. По-видимому, эти пары можно отнести к культурно маркированной лексике (см. об этом, например, у И.А. Шаронова в [19]): различия значений между этими глаголами в рамках литературного языка норма требует особенно жестко. Что касается многих других пар, вхождение их в список паронимов, скорее всего, связано с фиксацией окказиональных ошибочных употреблений.

Узуальные изменения в сочетаемости языковых единиц происходят с не всегда заметным постоянством. Поскольку системный анализ сочетаемости затруднителен, такие изменения

могут не отражаться в нормативных словарях. Проведенный нами ниже анализ показывает, что исторические изменения в сочетаемости и модели управления префиксальных однокоренных глаголов не всегда оцениваются нормой как ошибочные.

2. Изменения в узусе и отношение нормы к языковой эволюции

Норма не всегда замечает изменяющуюся сочетаемость, приводящую к нейтрализации значений приставок и синонимизации однокоренных слов. Иногда изменения проходят незаметно для говорящих и отражают эволюцию языковой системы. Рассмотрим на примере некоторых глагольных пар варианты того, как норма фиксирует или не фиксирует исторические изменения или существующую в узусе вариативность.

2.1. Постепенная замена одних приставочных глаголов другими в определенных контекстах, превращение паронимов в синонимы при нейтрализации значения приставки может происходить для пар, отношения между которыми можно было бы определить как родо-видовые.

Рассмотрим глаголы *примерить* и *померить*. В словаре Д.Н. Ушакова [20] у глагола *примерить* отмечены два значения, одно из которых имеет помету просторечное: «1. Надеть, приложить или наложить предварительно с целью выяснить соответствие нужной мере. Примерить платье. Примерить раму к косяку. Примерить сапог. “Семь раз примерь, а один отрежь.” (посл.). 2. Прибавить, отмеривая (прост.). Примерь еще метр сукна». В словаре С.И. Ожегова [21] указано уже только одно значение для *примерить*: “Надеть (одежду) для определения соответствия мерке, годности по размеру. П. пиджак, туфли”; в БТС [22]: “Надеть или обуть что-л. для определения соответствия размеру, пригодности к носке. П. костюм, пальто. П. туфли, сапоги. Попросить п. Взять п.”.

Глагол *померить* в первом значении в словарях выступает как синоним к *примерить*, например, в [21]: “1. что. То же, что примерить в 1 знач. и смерить. Померить новое пальто.”; в БТС: “1. что. =Примерить. П. платье, костюм, туфли. 2. кого-что. Разг. Измерить. П. расстояние. П. температуру. П. комнату шагами. П. рост сантиметром. П. ребёнка (его рост, объём груди и т.п.)”.

Анализ употреблений этих глаголов в НКРЯ показывает, что сочетаемость глаголов *примерить* и *померить* с различными существительными изменялась с течением времени. В сочетаниях с лексемами, относящимися к семантическому полю

³ Примеры (6)–(9) найдены при помощи интернет-ресурса КартаСлов.ру. URL: <https://kartaslov.ru>

“одежда, обувь”, — *шапка, платье, костюм, одежда, обувь* и др. — *примерить* встречается 109 раз, с первым вхождением 1850 года:

(9) — Не почувствовала ли голова Таз-баши, что ей не худо бы в иную пору *примерить* этот *колпак* на себе? [П.П. Ершов. Осенние вечера. Рассказы от скуки. (1850–1856)]

Померить в подобных контекстах появляется только в текстах XX века. Первое употребление, по данным НКРЯ, относится к 1910 году:

(10) Лешка прошел в переднюю, посмотрел в зеркало, *померил* жильцову *шапку*. [Н.А. Тэффи. Выслужился (1910)]

А остальные 16 примеров относятся уже ко второй половине XX века:

(11) Мне всегда шли яркие цвета, и когда я *померила* это *платье*, все нашли, что именно его и надо купить. [Н.М. Гершензон-Чегодаева. Воспоминания дочери (1952–1971), НКРЯ]

Современных употреблений в Интернете довольно много, что может говорить о разговорном характере данного сочетания — впрочем, не отмеченного словарями:

(12) Житель Алтайского края *померил туфли* в магазине и ушел в них, не заплатив.

Согласно НКРЯ, для *померить* гораздо более частотна сочетаемость с обозначениями параметров, которые поддаются измерениям: давление, температура, расстояние, длина или ширина и т.п.:

(13) Догадался *померить давление*: 90 на 60. [Н.С. Работнов. Дневник (1976)]

(14) В лунке я *померил толщину* льда. [Борис Екимов. Житейские истории // “Новый мир”, 1999]

Таким образом, *примерить* и *померить* в процессе эволюции сблизил свои значения до квазисинонимии, с возможностью синонимии в определенном (частотном) контексте. Они не рассматриваются как паронимы в словарях: норма не предписывает разграничивать их употребления в зависимости от семантики существительного и не считает подобные смешения (употребление *померить* на месте *примерить*) ошибкой. В контекстах типа *померить платье* соблюдаются условия нейтрализации родо-видовых различий (см.: [5, с. 242]): более общее значение префиксального деривата с *по-* может заменять собой более частное значение производного с *при-*. *Померить* и *примерить* различаются тем, что на поверхностном уровне только у последнего

может быть выражена валентность с предлогом *к* — “к чему”.

(15) И она *примерила к* своей головке венчальный венок. [Ю.В. Жадовская. Переписка (1848)]

Эта валентность не обязательна для реализации в предложении. В сочетаниях с существительными типа *одежда* этот актант не выражен поверхностно, хотя и подразумевается: им является сам человек. Если на формальном уровне валентность имеет выражение, то можно употребить только *примерить*; если нет, то может быть употреблен любой из глаголов. Паронимическим могло бы стать употребление *при-* на месте ожидаемого *по-*, но таких контекстов обнаружено не было. Для *при-* необходимо “основание для сравнения”, которого *по-* не предполагает, замена более общего значения на более частное оказывается невозможна.

Постепенная узуальная замена одного префиксального глагола на однокоренной другой в том же контексте необязательно связана с родо-видовым характером их отношений. На замену приставки в приставочном глаголе или возможность употребления одного приставочного глагола на месте ранее использовавшегося другого могут влиять процессы более общего характера, которым подвергаются не единичные лексемы, но целые группы глаголов с одной приставкой. Такие явления в истории языка (на языковом материале XI–XX вв.) описаны в работах В.А. Масловой [23] и О.И. Дмитриевой и О.Ю. Крючковой [24], где прослеживается постепенное развитие новых значений приставок и перераспределение их сочетаний с глагольными основами, благодаря чему некоторое значение с течением времени может начать выражаться при помощи другой приставки. В результате появились, например, *огрбить* вместо *пограблти*, *разделить* вместо *поделити*, *сжечь*, *сделать*, *сломать*, *сгнуть* вместо *пожечи*, *поделати*, *поломати*, *погнити*. Вытеснение одного префиксального форманта другим происходит постепенно, и ему предшествует развитие словообразовательной синонимии: *поковати* — *оковать*, *помести* — *вымести*, *покосити* — *скосить*, *помыти* — *вымыть*, *повоевати* — *завоевать* и др. [24, с. 43–47]. В [25] на материале текстов XIX–XXI вв. анализируются диахронические замены в некоторых глагольных парах приставок *с-/по-* (*состроить* — *построить*), *вы-/из-/с-* (*вывязать* — *извязать* — *связать*), *на-/ис-* (*напугать(ся)* — *испугать(ся)*). Замена оказывается возможной благодаря использованию иной метафорической модели действия, обозначенного

приставочным глаголом. Эти процессы в современном языке требуют отдельного, более детального исследования.

2.2. Другой вариант отношения нормы к изменяющейся сочетаемости — первоначальная фиксация паронимических различий между глаголами в словарях с последующей фиксацией этих же глаголов в словарях в качестве синонимов — представлен в следующем примере. В словарь паронимов О.В. Вишняковой включена пара *вбежать* — *взбежать*: “бегом проникнуть куда-либо, в пределы чего-либо” и “бегом подняться на какое-либо возвышение” — с соответствующими антонимами *выбежать* и *сбежать* (вниз) [26, с. 36]. В толковых словарях разных лет значение *взбежать* остается неизменным, в то же время отмечены изменения в значении глагола *вбежать*. Если в [20] и [21] его значение определено только как “войти куда-н. бегом”, то в [22] появляется дополнительное значение “2. Бегом подняться куда-л.; *взбежать* (1 зн.). В. по лестнице. В. на крыльцо”.

В НКРЯ глагол *вбежать* встречается в 1961 тексте (3579 примеров), *взбежать* — в 675 текстах (875 примеров). *Взбежать* сочетается в основном с предлогом *на* (333 текста, 378 примеров) и существительными, обозначающими некоторое возвышение, — *крыльцо, этаж, лестница, мостик, вершина, холм* и др.; он может также управлять предлогом *по* в сочетании с существительными, обозначающими траекторию движения, — *ступеньки, лестница* (236 текстов, 265 примеров); лишь в 12 примерах он сочетается с предлогом *в*, но при этом сохраняется идея перемещения вверх:

(16) *Галя взбежала на крыльцо и скрылась в доме, а ребята вышли со двора и сели на траву возле забора.* [Василий Аксенов. Звездный билет // “Юность”, 1961]

(17) Он *взбежал по* трапу и махнул рукой. [Сергей Довлатов. Иная жизнь (1984)]

(18) *Взбежала в* свою светелку, лестницы не заметила. [А.М. Коллонтай. Василиса Малыгина (1927)]

Глагол *вбежать* сочетается в основном с предлогом *в* и существительными, указывающими на место (949 текстов, 1253 примера):

(19) *Когда она в очередной раз вбежала в комнату с каким-то подносом, из смутного клубка моих мыслей вдруг выткалась четкая нить, и я повернулся к матери.* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

В случае если существительное требует предлога *на* для обозначения места, *вбежать* тоже возможен: *вбежать на кухню, на соседский участок, на репетицию, на сцену* (из-за кулис), *на двор*

(в текстах начала XX в.), *на веранду, на бульвар, на площадку* и др. (около 170 примеров):

(20) *Когда я вбежал на железнодорожную платформу, поезд уже тронулся и вагоны медленно проплывали мимо.* [Анатолий Ким. Мое прошлое (1990–1998) // “Октябрь”, 1998]

Часто в сочетаниях с предлогом *на* предполагается, что речь идет о месте на возвышении, и здесь можно было бы скорее ожидать глагол *взбежать*:

(21) *Динка вбежала на крыльцо и, встретив неодобрительный взгляд сестры, с тревогой взглянула на Леню.* [Валентина Осеева. Динка прощается с детством (1969)]

(22) *Я, игнорируя лифт, в белом миди-плаще, цокая высокими каблучками, вбежала на 3-й этаж и быстро-быстро, подряд, начала нажимать кнопку звонка.* [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)]

Поскольку *вбежать* акцентирует внимание на месте, конечной точке, а не на траектории движения, сочетания с предлогом *по* немногочисленны. В некоторых примерах также можно было бы ожидать скорее глагола *взбежать*, поскольку речь идет о перемещении вверх:

(23) *Я вбежал по* деревянным ступеням, лавка стояла как бы на трибунке, и быстро сунул деньги и бутылку продавцу. [Фазиль Искандер. Время счастливых находок (1973)]

(24) *Мы уж думали: может быть так — лошадь вывалилась из загоревшейся конюшни и, обезумев, вбежала по скату крыши, а бревна и рухнули.* [Ю. Домбровский. Рождение мыши (1951–1956)]

Приставка *вз-* в глаголе *взбежать* дублирует идею “вверх”, которая уже содержится в значениях существительных *лестница, ступени, крыльцо, этаж* и др. Внимание говорящего может быть направлено на начало нахождения в некотором новом месте, пространстве, а не на траекторию движения. В этом случае можно наблюдать нейтрализацию различий между *взбежать* и *вбежать*. Эта нейтрализация, согласно данным НКРЯ, происходит в основном во второй половине XX века, с единичными примерами более ранних смещений:

(25) *Сестры вбежали по* лестнице во второй этаж. [А.Н. Толстой. Хождение по мукам / Книга первая. Сестры (1922)]

Словари со временем фиксируют эти контексты нейтрализации различий как второе значение глагола *вбежать* (см. выше определение из БТС [22]). Таким образом, перед нами теперь скорее синонимы, а не паронимы, что, по-видимому, должно привести к исключению пары

вбежать — *взбежать* из числа паронимических. Более общее значение представлено дериватом с приставкой *в-* (“оказаться в некотором месте”), оно может заменять собой более частное значение *вз-* (“оказаться в некотором месте, двигаясь по направлению вверх”). Так же, как и в случае с *примерить*, замены более общего значения на более частное (ошибочных употреблений *взбежать* на месте ожидаемого *вбежать*, при отсутствии компонента “движение вверх”) обнаружить не удалось.

2.3. Словари, тем не менее, не всегда готовы принимать изменения, происходящие в узусе. Проведенный в [27] анализ употреблений паронимов *надеть* — *одеть* показывает аналогичный процесс замены в разговорной речи глагола *надеть* с более частным (видовым) значением “покрыть сверху” глаголом *одеть* со значением более общим (родовым). Немегафорические сочетания *одеть* с неодушевленными существительными встречаются еще в текстах второй половины XIX века:

(26) *Только встал я тогда поутру-с, одел лохмотья мои, воздел руки к небу и отправился к его превосходительству Ивану Афанасьевичу.* [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

(27) *Я одел шубу и вышел из дома.* [А.И. Эртель. Записки Степняка (1883)]

(28) *Солдатам было приказано одеть мундиры, чтобы лучше отличаться от польских полков, форма одежды которых походила на нашу.* [П.Н. Краснов. Атаманская памятка (1898)]

Всего в НКРЯ находится около 200 примеров таких ошибочных с точки зрения нормы паронимических употреблений, большая часть из которых относится ко второй половине XX — началу XXI века:

(29) *Я позабыл одеть валенки, и шел в московской обуви — штилеты и галоши.* [Б.И. Вронский. Дневник (1959)]

(30) *И все же безумно хочется вновь одеть коньки и встать на лед.* [Письмо студентки подруге (2002)]

(31) *иногда вам, как женщине захочется одеть каблук...* [Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)]

Лингвисты говорят о бесполезности дальнейшего противопоставления вариантов *одеть* — *надеть* в подобных контекстах. В работе Н.А. Еськовой [28] приведены примеры ошибок, возникающих при воспроизведении, перепечатке или цитировании литературных произведений, отражающие победу лексемы *одеть* над литературно правильным *надеть* в сочетаниях с винительным

падежом неодушевленного существительного. Тем не менее, несмотря на длительную историю смешения *одеть* — *надеть* в узусе, норма в этом случае по какой-то причине продолжает считать необходимым проводить различия между однокоренными глаголами. *Одеть* — *надеть* включены почти во все словари паронимов и пособия по культуре речи. Как отмечает И.Б. Голуб, “взаимозаменяемость прежних паронимов допустима лишь тогда, когда развившееся у них новое значение закрепляется в словарях” [10, с. 66]. Синонимичные по своей природе употребления *одеть* на месте *надеть* продолжают считаться ошибочными, а значит, паронимичными, хотя языковые процессы, происходящие внутри этой пары глаголов, аналогичны рассмотренным выше *примерить* — *померить* и *взбежать* — *вбежать*.

3. Заключение

Однокоренные слова с близким значением обладают ограниченной синонимичностью. Расширенное понимание синонимии приводит к ошибочным заменам лексем в речи и появлению паронимов. В работе были рассмотрены условия синонимизации однокоренных слов, границы которой определяются как чисто языковыми причинами — близостью значений приставок, нейтрализацией контекстов употребления и диахроническими изменениями, приводящими к синонимизации приставочных глаголов, так и экстралингвистическими причинами — неучетом эволюционных изменений нормой.

В зависимости от подхода к определению понятия синонимии, акцентируется либо общность значения синонимов, либо их функциональное сходство — способность заменять друг друга в одинаковых или сходных контекстах. Именно на критерий возможности контекстной замены прежде всего ориентируются стилистика и культура речи. Для паронимов такая замена невозможна. Соответственно, возникают противоречия в интерпретации того, синонимами или паронимами являются рассматриваемые языковые единицы. Норма считает паронимами те синонимы, которые имеют формальные различия: отличаются лексической сочетаемостью или моделями управления, не позволяют контекстную замену.

Мы рассмотрели несколько случаев того, как одно и то же исходное соотношение (которое может быть определено как родо-видовое в терминах [5]) в парах приставочных глаголов постепенно приводит к смешению контекстов их употребления и все большей синонимизации в узусе. Можно наблюдать нейтрализацию более частных

значений приставок в определенных контекстах; глаголы с более специфическим, “видовым” значением заменяются на префиксальные производные с более общим, “родовым” значением. Происходит сближение значений однокоренных приставочных глаголов. Некоторые случаи нейтрализации различий могут быть также отражением более общих процессов изменения значений приставок и взаимодействия значений приставки и корня, что требует более детального изучения.

Норма по-разному относится к таким изменениям в узусе. Иногда “проникновение” одного приставочного глагола в контексты, свойственные изначально его однокоренному с более узким значением, происходит незаметно, без того, чтобы словари отмечали разницу в сочетаемости или моделях управления и настаивали бы на их дифференциации. В других ситуациях глаголы, фиксировавшиеся ранее в словарях как паронимы, вслед за изменившимся употреблением постепенно получают фиксацию в словарях в качестве синонимов. К некоторым же словам норма крайне придирчива, поскольку они относятся к культурно-маркированным. В этом случае, несмотря на долгую историю смещений в узусе и фактическую синонимизацию, норма по-прежнему обращает внимание на формальные различия и настаивает на сохранении распределения сочетаемости между словами, которые продолжает считать паронимами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В.А. Реализация теоретических подходов к синонимии в методике русского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1(170). С. 96–101.
2. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
3. Евгеньева А.П. Предисловие к словарю синонимов русского языка // Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Наука, 1970. Т. I. С. 10.
4. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М.: Языки славянской культуры, 2004. 400 с.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика; Школа “Языки русской культуры”. М.: Восточная литература, 1995. 472 с.
6. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967.
7. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. / А.А. Залевская. М.: Гнозис, 2005. 542 с.
8. Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Том I: Индоевропейские языки.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/>
10. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учебник для вузов / И.Б. Голуб. 6-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. 484 с. (Высшее образование). URL: <https://urait.ru/bcode/489692> (дата обращения: 11.07.2022).
11. Веракша Т.В. Лингвистическая природа паронимов русского языка: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01. СПб., 2000. 343 с.
12. Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2012. 422 с.
13. Петрякова А.Г. Культура речи. М.: Флинта: Реторика А, 2006. 488 с.
14. Белов В.А. Взаимозаменяемость как критерий синонимии (экспериментальное и корпусное исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 3. С. 390–411.
15. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, О.Ю. Богуславская и др.; Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Вып. 3. М.: Языки славянской культуры, 2003. 557 с.
16. Александрова Е.З. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М., 2008. 564 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/index.htm>
17. Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов современного русского языка. М.: АСТ, 2002. 458 с.
18. Якунина Д.В. Префиксальные глагольные паронимы в русском языке. (В печати)
19. Шаронов И.А. О роли ортологии и о новой тенденции в изменении числительных // Вопросы культуры речи. М., 2011. С. 251–256.
20. Толковый словарь русского языка (под ред. Д.Н. Ушакова). 1935–1940. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov>
21. Толковый словарь русского языка (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова). 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
22. Большой толковый словарь русского языка (БТС) под ред. С.А. Кузнецова. 2014. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
23. Маслова В.А. Функции глагольной приставки с- в русском языке (по памятникам письменности XI–XVII вв.): Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук /

- Куйбыш. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева. Куйбышев, 1972.
24. Дмитриева О.И., Крючкова О.Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов: Научная книга, 2010. 364 с.
 25. Якунина Д.В. Значения приставок в преподавании русского языка как иностранного // Международная научно-практическая конференция “Из практики преподавания русского языка как иностранного взрослым – 2” (Москва, РГГУ, 24 марта 2022 г.).
 26. Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984. URL: <https://paronymonline.ru/download/paronyms-vishnyakova.pdf>
 27. Якунина Д.В. Синонимия и паронимия префиксальных глаголов в русском языке // Вестник РГГУ. Серия “Литературоведение. Языкознание. Культурология”. 2022. № 5. С. 142–163. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-142-163
 28. Еськова Н.А. На надоевшую тему о глаголах ОДЕТЬ и НАДЕТЬ // Русская речь. 2003. № 1. С. 42–43.
 8. Panov, M.V. *Russkij yazyk* [Russian Language]. *Yazyki narodov SSSR* [Languages of the USSR]. Moscow, 1966. Vol. I: *Indoevropskie yazyki* [Indo-European Languages]. (In Russ.)
 9. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/> (In Russ.)
 10. Golub, I.B. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Yurayt Publ. URL: <https://urait.ru/bcode/489692>, accessed 09.06.2023 (In Russ.)
 11. Veraksha, T.V. *Lingvisticheskaya priroda paronimov russkogo yazyka: dis. ... d-ra filol. Nauk* [Linguistic Nature of Russian Paronyms. Dr. Philol. Sci. dis.]. St. Petersburg, 2000. 343 p. (In Russ.)
 12. Belchikov, Yu.A. *Prakticheskaya stilistika* [Practical Stylistics]. The 2nd Ed., Revised and Expanded. Moscow, AST-Press Publ., 2012. 422 p. (In Russ.)
 13. Petryakova, A.G. *Kultura rechi* [Speech Culture]. Moscow, Flinta Publ., 2006. 488 p. (In Russ.)
 14. Belov, V.A. *Vzaimozamenyaemost kak kriterij sinonimii (eksperimentalnoe i korpusnoe issledovanie)* [Interchangeability as a Criteria of Synonymy (Experimental and Corpus Study)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature]. 2018, Vol. 15, No. 3, pp. 390–411. (In Russ.)
 15. *Novyj obasnitelnyj slovar sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Language]. Yu.D. Apresyan, V.Yu. Apresyan, O.Yu. Boguslavskaya; Edited by Yu.D. Apresyan. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2003. 557 p. (In Russ.)
 16. Aleksandrova, E.Z. *Slovar sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskij spravochnik* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. A Handbook]. Moscow, 2008. 564 p. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/index.htm> (In Russ.)
 17. Belchikov, Yu.A., Panyusheva, M.S. *Slovar paronimov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Paronyms of the Modern Russian Language]. Moscow, AST Publ., 2002. 458 p. (In Russ.)
 18. Yakunina, D.V. *Prefiksálne glagolnye paronimy v ruskom yazyke* [Prefixalparonyms in Russian]. (in press) (In Russ.)
 19. Sharonov, I.A. *O roliortologii i o novojtendencii v izmeneniichislitelnyh* [On the Role of Orthology and New Tendency in Inflection of Numerals]. *Voprosy kultury rechi* [Issues on Speech Culture]. Moscow, pp. 251–256. (In Russ.)
 20. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka (pod red. D.N. Ushakova)* [Explanatory Dictionary of Russian (Ed. Ushakov, D.N.)]. 1935–1940. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (In Russ.)

REFERENCES

1. Belov, V.A. *Realizaciya teoreticheskikh podhodov k sinonimii v metodike russkogo yazyka* [Realization of Theoretical Approaches to Synonymy in Methodology of Russian Language]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University]. 2018, No. 1(170), pp. 96–101. (In Russ.)
2. Reformatskiy, A.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 536 p. (In Russ.)
3. Evgenjeva, A.P. *Predislovie k slovarju sinonimov russkogo yazyka* [Introduction to the Dictionary of synonyms of Russian Language]. *Slovar sinonimov russkogo yazyka: V 2 t.* [Dictionary of Synonyms of Russian Language]. Ed. Evgenjeva, A.P. Moscow, Nauka Publ., 1970, Vol. I, p. 10. (In Russ.)
4. Lyons, J. *Lingvisticheskaya semantika: Vvedenie* [An Introduction to Linguistic Semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2004. 400 p. (In Russ.)
5. Apresyan, Yu.D. *Izbrannye trudy. Tom 1. Leksicheskaya semantika* [Selected Works. Vol. 1. Lexical Semantics]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1995. 472 p. (In Russ.)
6. Zvegintsev, V.A. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. (In Russ.)
7. Zalevskaya, A.A. *Psiholingvisticheskie issledovaniya* [Psycholinguistic Studies]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 542 p. (In Russ.)

21. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka* (S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova) [Explanatory Dictionary of Russian (Eds. Ozhegov, S.I. and Shvedova, N.Yu)]. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (In Russ.)
22. *Bolshoj tolkovyj slovar russkogo yazyka (BTS) pod red. S.A. Kuznecova* [Explanatory Dictionary of Russian (Ed. Kuznecov, S.A.)]. 2014. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (In Russ.)
23. Maslova, V.A. *Funkcii glagolnoj pristavki s- v russkom yazyke (Po pamyatnikam pismennosti XI–XVII vv.): Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [Functions of the Verbal Prefix S- in Russian (on Written Texts of 11th–17th Centuries). Cand. of Sci. (Philol.) Dis.]. Kujbyshev, 1972. (In Russ.)
24. Dmitrieva, O.I., Kryuchkova, O.Yu. *Dinamika slovo-obrazovatelnykh processov: semantiko-kognitivnyj, zhanrovo-stilisticheskij, strukturnyj aspekty* [Derivational Processes Dynamics: Semantic-Cognitive, Genre-Stylistic and Structural Aspects]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2010. 364 p. (In Russ.)
25. Yakunina, D.V. *Znacheniya pristavok v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Prefixal Meanings in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya “Iz praktiki prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo vzroslym – 2”* [International Scientific and Practical Conference on Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, 2022. (In Russ.)
26. Vishnyakova, O.V. *Slovar paronimov russkogo yazyka* [Dictionary of Paronyms of the Russian language]. Moscow, 1984. (In Russ.)
27. Yakunina, D.V. *Sinonimiya i paronimiya prefiksalnykh glagolov v russkom yazyke* [Synonymy and Paronymy of Russian Verbal Prefixes]. *Vestnik RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya”* [RSUH Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series]. 2022, No. 5, pp. 142–163. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-142-163. (In Russ.)
28. Eskova, N.A. *Na nadoevshuyu temu o glagolakh ODET i NADET* [On a Boring Topic About the Verbs DRESS and WEAR]. *Russkaya rech* [Russian Speech]. 2003, No. 1, pp. 42–43. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 2 мая 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 6 мая 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.

Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on May 2, 2023

Revised on May 6, 2023

Accepted on June 15, 2023

Date of publication: August 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027393-8

Фазовая полярность: нарушенное ожидание или контраст?

© 2023 г. О. С. Волков

Младший научный сотрудник
Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
volkovolek@gmail.com

Резюме. В статье делаются некоторые наблюдения о семантике частиц типа русского *уже*. Мы предполагаем, что определяющую роль в семантике таких частиц играет контрастивность — и она же является ключом к тому, что в некоторых языках подобные показатели начинают функционировать как совершенные.

Статья состоит из двух частей. Первая часть посвящена семантике русской частицы *уже*; во второй части статьи кратко рассматриваются показатели ямитива — мы предполагаем, что их функционирование в целом можно описать с помощью того же анализа, который предложен в первой части для русского *уже*.

Ключевые слова: грамматическая семантика, глагольная фазовость, фазовая полярность, ямитив, совершен.

Для цитирования: Волков О.С. Фазовая полярность: нарушенное ожидание или контраст? // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 82–90. DOI: 10.31857/S160578800027393-8

Phasal Polarity: Violated Expectations or Contrast?

© 2023 Oleg S. Volkov

Junior Research Fellow at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Science,
1 Bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
volkovolek@gmail.com

Abstract. In the present paper I make several observations on the semantics of Russian particle *uzhe* and alike. I suggest that contrastivity effect is central to its semantics. Crosslinguistically, such particles tend to develop into perfect markers in the course of grammaticalization process. I argue that it is exactly the presence of contrastive meaning in the semantics of such particles that favours this type of grammaticalization.

The paper splits into two parts. The first part provides the semantic analysis of Russian particle *uzhe*. In the second part I show how the same type of analysis is applicable to the semantics of iamitive particles in the languages of the world.

Key words: grammatical semantics, phasal polarity, iamitive, perfect.

For citation: Volkov, O.S. *Fazovaya polyarnost: narushennoe ozhidanie ili kontrast?* [Phasal Polarity: Violated Expectations or Contrast?]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 82–90. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027393-8

Введение

В этой статье делаются некоторые наблюдения о семантике частиц типа русского *уже*. В типологических работах по фазовой полярности [1]; [2]; [3] и др. такие показатели обычно называются инхоативом фазовой полярности. Мы предполагаем, что важную роль в семантике таких частиц играет контрастивность — и она же является ключом к тому, что в некоторых языках такие показатели начинают функционировать как перфектные.

Статья состоит из двух частей. Первая часть посвящена русской частице *уже*; мы рассматриваем сочетания *уже* с различными видовременными формами — и выводим многочисленные интерпретации (в том числе перфектные интерпретации и нарушенное ожидание) из контрастивности. Во второй части статьи очень кратко рассматриваются показатели ямитива — мы предполагаем, что их функционирование в целом можно описать с помощью того же анализа, который предложен в первой части для русского *уже*.

1. Инвариант семантики русского *уже*

1.1. Инхоатив фазовой полярности: рабочее типологическое определение

Мы исходим из того, что русское *уже* является инхоативом фазовой полярности — и соответственно прежде всего попробуем привести рабочее определение семантики *уже*, основанное на вышеупомянутых работах по фазовой полярности. В [1, с. 40] говорится: “Expression of Phasal Polarity are structured means of expressing polarity in a sequential perspective”¹. Для инхоатива это будет сочетание несуществования ситуации в некоторой точке — и существования её в более поздней точке на шкале времени. При этом важно, какие именно компоненты семантики затрагиваются; кажется, что точка существования попадает в ассерцию ситуации, а точка несуществования — нет.

В работах по общей семантике неоднократно отмечался тот факт, что фазовые глаголы добавляют в высказывание пресуппозицию о существовании / несуществовании ситуации в какой-то предшествующий момент (см., например, [4]; [5, с. 61]); этим эффектом пользовался и Карлсон, задавая фрекен Бок знаменитый вопрос про коньяк. Логично предположить распространение

этого эффекта и на фазовые частицы. Таким образом, мы получаем следующее определение:

(1) *Уже* добавляет к высказыванию пресуппозицию о несуществовании ситуации, выраженной предикатом этого высказывания, в некоторой точке t_i , расположенной на оси времени раньше, чем точка t_0 , входящая в ассерцию высказывания.

Попробуем применить наше типологически ориентированное рабочее определение к русскому материалу.

1.2. Русское *уже* в литературе

Русской частице *уже* посвящена обширная литература, см., например, [6]; [7]; [8]; [9]; [10]; [11]; [12]; [13]; [14]; [15] и др. В этих работах описывается семантика *уже* (при этом авторы обычно выделяют у частицы большое количество значений); рассматриваются всевозможные конструкции с *уже*, такие как *уже* с императивом, *уже* в контексте обстоятельства времени и т.п.; сравниваются частицы *уже* и *уж*. Но, как кажется, в большинстве этих работ зачастую отсутствуют следующие важные компоненты: анализ сочетания *уже* с различными видовременными формами, сравнение одного и того же высказывания с *уже* и без *уже* и попытка определить, какие именно компоненты семантики привносит эта частица в высказывание. Мы попробуем немного пролить свет на эти вопросы — и прежде всего рассмотрим некоторые определения из существующих работ.

В [7, с. 230] приводятся два толкования; первое из них (3) описывает *уже* в примерах типа (2).

(2) *Лёша уже спит*

(3) (I) *уже* (P, t) =

(а) в течение определенного времени ситуация P не имела места;

(б) можно было ожидать, что в момент t она будет продолжать не иметь места;

(в) ситуация P начала иметь место в t или раньше и сохраняется в t.

Второе толкование (5) описывает *уже* в примерах типа (4).

(4) *Лёша допил стакан уже до середины.*

(5) (II) *уже* (C, x, t) =

(а) в течение определенного времени ситуация C(x) не имела места;

(б) можно было ожидать, что в момент t будет иметь место ситуация C(x'), которая обычно предшествует ситуации C(x);

(в) ситуация C(x) начала иметь место в t или раньше и сохраняется в t.

¹ Вольный перевод: “Фазовая полярность — это грамматическая категория, граммы которой выражают полярность последовательных точек на временной шкале”; определение Ван Баара базируется на соображениях, изложенных в [2] (хотя статья Ван дер Ауверы и была издана на год позже труда Ван Баара, она активно в нём цитируется).

В [13] отмечается, что существует значительное количество контекстов, в которых семантика *уже* не может быть описана через определения (3) и (5). В связи с этим автор увеличивает число определений до шести; так, для (6) вводится толкование (7), а для (8) — толкование (9).

- (6) *Эта картина стоит 200 тысяч долларов. А полотна, выставленные в соседних залах, оцениваются уже в 30–40 тысяч рублей.*
- (7) (III) уже (Y, Q, X, P) = ‘до данного момента речь шла об объекте Y, обладающем свойством Q; можно было ожидать, что объект X, о котором идет речь в данный момент, тоже обладает свойством Q; X обладает не свойством Q, а свойством P’.
- (8) *Мы уже по её походке поняли, что что-то случилось.*
- (9) (V) ‘существует множество объектов, которые обладают свойством быть признаком того, что имеет место P; объект X из этого множества обладает данным свойством в минимальной степени; можно было ожидать, что, воспринимая X, субъект не поймет или не почувствует, что имеет место P; субъект, воспринимая X, понимает или чувствует, что имеет место P’

Во всех приведённых выше определениях содержится компонент нарушенного ожидания — при этом в нашем рабочем типологически ориентированном определении (1) нарушенное ожидание не упоминалось. Нам кажется, что данный компонент возникает в определённых контекстах как импликатура и не должен входить в толкование *уже*.

При этом пока что неясным является, как определение (1) могло бы объяснить употребления *уже* в (4), (6), (8). Для ответа на этот вопрос проследим за контекстами, в которых употребляется эта частица, начиная от самых просто устроенных, и попробуем описать её вклад в семантику каждого высказывания.

1.3. Русское *уже* с видовременными формами

Начнём с сочетания *уже* и глагола в настоящем времени. (10b) отличается от (10a) наличием пресуппозиции о несуществовании; это можно заметить, сравнив (10c) и (10d) — первое из них будет истинно, даже если Оля только что закончила обед, второе возможно, только если Оля ещё не обедала. Конечно, мы знаем, что если Оля обедала, то когда-то раньше она не ела, а занималась другой деятельностью, но это следует из наших наблюдений над окружающим миром, а не из семантики (10a). (11) бессмысленно именно поэтому — пресуппозиция несуществования входит в конфликт с нашими знаниями о жизни;

при этом (11) будет осмысленно в контексте, скажем, научного фильма, где моделируется развитие вселенной ещё до появления звёзд и планет.

(10)

- a. *Оля обедает.*
b. *Оля уже обедает.*
c. *Оля не обедает.*
d. *Эх, если бы Оля уже обедала, у неё был бы шанс успеть на концерт, но она только выходит из ванной.*

(11) **Земля уже вращается вокруг солнца.*

Интерпретация, которую имеет *уже* в (10b), зависит от контекста, однако ясно, что одно лишь добавление пресуппозиции несуществования — слишком незначительный вклад в семантику высказывания. Прежде чем мы приступим к анализу конкретных контекстуальных интерпретаций, рассмотрим сочетания *уже* с событийными предикатами. Поскольку акциональный класс “событие” подразумевает, что ситуация существует только в одной точке на временной шкале, её несуществование в остальных точках уже заложено в семантику. Представляется, что при сочетании *уже* с событийными предикатами точка t_0 оказывается не в ассерции, а в следствии — в результирующем состоянии или каком-то более слабом постэффекте ситуации, а точка t_1 находится на том отрезке, где этого постэффекта ещё не было. Таким образом, (12b) отличается от (12a) дополнительным акцентом на последствиях Олиного ухода — отсюда и развиваются перфектные употребления подобных частиц.

(12)

- a. *Оля ушла*
b. *Оля уже ушла*

При сочетании *уже* с прошедшим временем несовершенного вида имеется две возможности: t_0 попадает либо в саму ситуацию (см. (13), (14)), либо в её постэффект (15). Вторая интерпретация возникает обычно без модификации обстоятельствами времени и не в таксисном контексте; тогда появляется импликатура, что постэффект ситуации длится до момента речи.

- (13) *Когда я пришёл домой, Оля уже обедала.*
(14) *В пять часов Оля уже обедала.*
(15) *Иван уже прыгал с парашютом.*

Таким образом, *уже* делит временную шкалу на два луча; точку, разделяющую их, мы будем называть точкой кульминации. Для несобытийных предикатов, как в (10b), точкой кульминации является вхождение в процесс, для событийных, а также для процессов в прошедшем без контекста — вхождение в результирующее состояние. Справа и слева от точки кульминации находятся

две полярные зоны; основной вклад *уже* заключается, как нам кажется, в создании контраста между несуществованием и существованием ситуации или её постэффектов.

То, что таких зон всего две, можно судить по (16b) — в контексте того, что Оля, например, выходила в магазин или покурить к подъезду, оно невозможно, именно потому что постэффект Олиного ухода отменился с её приходом.

(16)

- a. *Оля ушла, а потом вернулась.*
b. *“Оля уже ушла, а потом вернулась*

В [16] отмечается, что английское *already* может использоваться и в контекстах типа (17), где не возникает пресуппозиции несуществования и полярности; однако представляется, что *already* имеет в нём какую-то вторичную дискурсивную функцию, связанную с контрастивностью.

(17) <...> He is already American, for he was born in America.

С внутренним отрицанием *уже* сочетается абсолютно композиционно; так, (18) аналогично (10b), за тем исключением, что речь идёт о ситуации “не обедать”, а не о ситуации “обедать”. Однако с событийными предикатами и процессами в прошлом без контекста отрицание подразумевает отсутствие точки кульминации; с такими предикатами *уже* может сочетаться только с семантикой, близкой к прекращённому хабиуталису² (19), (20) или в особых дискурсивных употреблениях (21). Во всех этих случаях *уже* также выражает контраст.

(18) *Оля уже не обедает.*

(19) *В этот раз Оля уже не ушла — она осталась жить на Юго-Западной навсегда.*

(20) *На седьмой день больной уже не съел завтрак — он больше не поднимал голову с подушки.*

(21) *Оля уже не съела свой завтрак, к чему вся эта брань!*

1.4. Интерпретации русского *уже*: объяснение через контраст

Контраст, который привносит в высказывание *уже*, может проявляться в различных интерпретациях. Так, особенно для тех случаев, когда t_0 попадает в постэффект ситуации, возможны различные значения, сопутствующие перфектным показателям в языках мира. К примеру, *уже* может усиливать экспериенциальную семантику (которая, впрочем, может выражаться формами прошедшего времени несовершенного вида и без

всяких частиц; ср. (22a) и (22b)) или привносить семантику имедиатности, см. (23) и (24).

(22)

a. *Оля пробовала оленью печень.*

b. *Оля уже пробовала оленью печень.*

(23) **Оля уже учится в университете, она заканчивает четвёртый курс.*

(24) **Иван уже уехал, это случилось год назад.*

В примерах (23) и (24) содержится указание на конкретное время ситуации; без такого указания в примерах работала бы имедиатная импликатура. Существенно, что эта импликатура может контекстно отменяться; бессмысленность же (23) и (24) связана с тем, что без широкого контекста не ясно, что именно контрастно противопоставляется в этих примерах. Примеры обретут смысл, если представить, что слушающий эти высказывания имел определённые ожидания: считал, что Оля ещё маленькая девочка, а Иван всё ещё живёт в том месте, о котором идёт речь. Таким образом, ещё одной важной интерпретацией, которую может иметь *уже*, становится нарушенное ожидание.

Представляется, что семантика нарушенного ожидания возникает из пресуппозиции о несуществовании ситуации в t_i . Если участник речевого акта имеет некоторые сведения о том, что ситуация не имела место в t_i , то у него легко могут возникать какие-то ожидания о существовании ситуации в других точках — таких ожиданий не могло бы быть, если бы участник речевого акта вообще не знал об этой ситуации. Так, (25) возможно, только если собеседник говорящего знает о том, что Оля собиралась поехать на соревнования; если собеседник не обладает данной информацией, использовать *уже* нельзя. Соответственно у собеседника могли быть некоторые ожидания относительно того, дома ли Оля — ведь он знал об её отъезде на соревнования. Наличие сведений о ситуации и контрастность приводят к тому, что возникает интерпретация именно нарушения ожидания.

(25) *Оли нет дома, она уже на соревнованиях.*

Показать, что нарушение ожидания — это импликатура, а не центральный компонент семантики *уже*, можно отменив её контекстом. Так, не очень понятно, какие именно ожидания могли бы быть нарушены в (26), представляется, что контраст в этом примере проявляется имедиатностью:

(26) *Автобус каждый день приходит к вокзалу в 12.00. Как мы и ожидали, в 12.05 он уже стоял на остановке.*

² См. подробнее [17].

С контрастом связано употребление *уже* и в тех контекстах, которые никак нельзя определить через толкование, приведённое в (1). Представляется, что *уже* задаёт набор из нескольких последовательных точек, а потом противопоставляет какую-то точку предыдущим, опять же через контраст³. Так, из (27) следует, что Миша покупал диски последовательно, а не все разом⁴, а также что наличие у Миши пяти дисков либо нарушает ожидание, либо произошло очень быстро; оба эти эффекта исчезают, если убрать *уже* из (27).

(27) *Миша купил уже пять дисков.*

Кажется, что анализ через контраст возможен и в остальных случаях. Так, в (6) *уже* противопоставляет дорогие картины дешёвым. В (8) оно показывает, что признаков того, что что-то случилось, будет много, а не только походка; таким образом, *уже* создаёт шкалу, а походка — самый малый показатель того, что что-то произошло, “кульминация” (граница между “видно, что что-то произошло” и “вроде бы ничего не произошло”) на шкале находится перед ней.

То, где именно находится кульминация, зависит от конкретной ситуации; так, без контекста (28) звучит хуже, чем (29), однако если мы знаем, что Иван уже десять лет не может приняться за работу, то (28) звучит вполне приемлемо. Контекст, в котором приемлемым будет (30), найти сложно (разве что Иван давно не говорил по-фински и разучился), в отличие от (31) — именно потому, что перед (30) сложно усмотреть какое-то значимое изменение, точку кульминации.

(28) *Иван написал уже две строчки диссертации.*

(29) *Иван написал уже три главы диссертации.*

(30) *Иван уже совсем плохо говорит по-фински.*

(31) *Иван уже совсем хорошо говорит по-фински.*

Таким образом, мы попытались показать, что контрастность, возникающая из фазовой полярности, является инвариантом семантики *уже*, к которому сводятся многочисленные контекстуальные интерпретации этой частицы, в том числе и нарушенное ожидание.

Интересно, что фазовые частицы в языках мира возникают только в тех комбинациях на оси

времени, где сочетаются плюс и минус. Частиц, соответствующих кунктативу и континуативу, кажется, не существует, а семантика частицы *still* не равна семантике глагола *продолжить*; набор из четырёх частиц возникает за счёт того, что расположение t_0 и t_i изначально не задано. Так, для *already* и *no longer* t_i предшествует t_0 (комбинация знаков в них — минус плюс и плюс минус соответственно), для *not yet* и *still* t_i следует за t_0 (комбинация знаков такая же; см. таблицу 1). Таким образом, частицы возникают только в тех случаях, где знаки подразумевают контрастность.

Таблица 1. Английские фазовые частицы.

	t_i	t_0	t_i
<i>already</i>	—	+	
<i>still</i>		+	—
<i>no longer</i>	+	—	
<i>not yet</i>		—	+

На первый взгляд кажется, что число фазовых частиц в языке может превышать четыре; так, русское *пока* в некоторых употреблениях может быть синонимично частице *ещё*. Представляется, однако, что все частицы, за исключением четырёх, входящих в таблицу 1, устроены более сложно; так, *пока*, видимо, не имеет в семантике точного указания на то, что в t_i ситуация не будет существовать — в отличие от *ещё*, ср. (32) и (33):

(32) *Я пока тут живу и надеюсь отсюда уже не съезжать.*

(33) *Я ещё тут живу и надеюсь отсюда уже не съезжать.*

В заключение отметим, что контраст может сопутствовать не только фазовым частицам, но и фазовым глаголам и аффиксам, см., например, [18] про глагол *стать*.

2. Контраст и ямитив

Употребления *уже*, при которых t_0 находится в постэффекте ситуации, ведут к тому, что частица начинает функционировать схоже с перфектными показателями — это достигается за счёт того, что контраст, привносимый частицей в семантику высказывания, подчёркивает текущую релевантность ситуации. Кажется, что именно по такому сценарию в языках мира может возникать граммема ямитива. Данный термин был введён в употребление в [19]; до этого подобные показатели описывались дескриптивными лингвистами по-разному.

³ См. схожий анализ в [16]; автор называет *already* “scale alignment particle” (“частица, задающая шкалу”) и описывает её как фокальную частицу, которая задаёт множество пропозиций и выбирает из них определённую по некоторым правилам. Для нас, однако, существенно, что шкала эта возникает из-за контраста, вызванного фазовой полярностью.

⁴ Мы благодарны за это замечание Н.А. Слюсарь.

Так, Н. Бенье в грамматике языка тувалу [20] рассматривает частицу *koo*, имеющую широкий спектр различных значений, и называет данный показатель “перфектом” (“perfect”). Он утверждает, что одна из основных его функций — “обозначать, что ситуация, описываемая предложением, началась в прошлом (отдалённом или недавнем) и всё ещё релевантна к настоящему или к точке отсчёта”⁵ (сам Н. Бенье называет эту функцию “перфекта” инхоативной, показатель *koo* в таких контекстах глоссируется им как “Inc”). *Koo* в презентных контекстах конкурирует с показателем настоящего времени и отличается от него отсылкой к началу ситуации. Так, в примере (34) текущая ситуация сравнивается с более ранним отрезком времени, в котором она ещё не имеет места, в “нейтральном” же примере (35) такого сравнения не происходит.

- (34)
Koo uke ttou ika.
 Inc much our-3-i fish
 ‘We [now] have a lot of fish [and we didn’t before].’

- (35)
 E uke ttou ika.
 Nps much our-3-i fish
 ‘We have a lot of fish’.
 [20, с. 480]

Заметим, однако, что в примерах (34) и (35) мы не наблюдаем собственно глагольной лексемы. Между тем, в зависимости от лексемы показатель *koo* в (34) можно было бы считать либо инхоативным (при лексемах типа *иметь*), либо перфектным (при лексемах типа *поймать*).

Термины “инхоатив” и “перфект” зачастую употребляются в литературе по полинезийским языкам применительно к одним и тем же показателям (см., помимо вышеназванной работы, например, грамматику языка токелау [21, с. 18], грамматику языка маори [22, с. 432], грамматику языка самоа [23, с. 350–353], а также статьи, посвящённые организации полинезийских нарративов [24] и [25]). Так, описывая семантику частицы *kua*⁶ в языке токелау, Р. Хупер говорит, что её базовая функция — “выражать инхоативный аспект, то есть обозначать начальную стадию ситуации и результирующее положение дел”⁷:

⁵ Букв. “...To indicate that the situation denoted by the clause began in the past (be it remote or recent) and is still of relevance at the present time or at the temporal point of reference of the discourse”, см. [20, с. 479].

⁶ Детальный анализ когнатной частицы в языке ниуэ см. в [26].

⁷ Букв. “It marks inchoative viewpoint aspect, making reference to the starting point of a situation and to the resulting state of affairs...”, см. [21, с. 18].

- (36)
 E tutū loa ki mātou ki luga
 T/A stand MAN 1PL. EXCL TO above
kua hihiva, gaholo
 T/A dance.PL rush
 mai loa.
 DIR MAN
 ‘When we stood up and began to dance, they rushed towards us’
 [21, с. 18]

Однако Р. Хупер далее замечает, что, помимо инхоативного значения, частица *kua* может выражать класс значений, характерный для эволюционирующего перфекта, в том числе экспериенциальное значение (см. (37); см. также [20, с. 481], где постулируется способность показателя “перфекта-инхоатива” в языке тувалу выражать в некоторых контекстах эвиденциальные значения, также характерные для семантической зоны перфекта).

- (37)
 Ko Mativa *kua* pā ki Nukunonu
 R M. T/A arrive TO N.
 ma Fakafo. Na fano
 P and F. T/A go
 lā koi tamaiti lele.
 INT N/A be.a.child INT
 ‘Mativa has been to N. And F., but he went when he was still very young’.
 [21, с. 18]

Заметим, что во всех вышеописанных случаях мы имеем дело с частицами — в то время как перфект в языках мира может выражаться различными способами, из которых частица не самый частотный; в [19] также рассматриваются в основном частицы. Учитывая то, что показатели фазовой полярности по данным [1] тоже почти всегда являются частицами, можно предположить, что в основе ямитивной семантики лежит поляризация.

3. Выводы

Мы показали, что инвариант семантики частицы *уже* в русском языке заключается в контрастивности; предполагается, что контрастивность развивается из фазовой полярности, а также что контрастивность определяет функционирование фазовых частиц не только в русском, но и в других языках. Семантика фазовых частиц схематично изображена в таблице 1; обратим внимание, что контрастивность при фазовой полярности подразумевает сочетание разных знаков, четыре значения при этом возникают за счёт того, что t_0 и t_1 могут быть расположены в любом порядке. Также мы обратили внимание, что контрастивность

может лежать в основе семантики грамме-мы ямитива, который обычно развивается в языках мира из частиц типа *уже*. Строго говоря, не очень ясно, нельзя ли и русское *уже* назвать ямитивом — представляется, что тут решающую роль играет то, лексическим или грамматическим элементом мы считаем эту частицу; заметим при этом, что ямитив обычно выделяется в аналитических языках, где большое количество грамматических значений выражается частицами — кажется, что его называют отдельной граммемой только исходя из структурно-языковых соображений, а не из семантики.

Заметим, что семантика частиц типа *уже* в некотором смысле оказывается симметрична семантике кластера инкомплетива (см. [27, с. 301–302]): если в кластере инкомплетива сочетаются обозначения срединной и результирующей стадии ситуации, то частицы типа “уже” также каким-то образом взаимодействуют либо с срединной стадией, либо с постэффектом ситуации; распределение зависит от акционального класса предиката и видовременной формы, такое же распределение может определять и интерпретацию инкомплетива (подробнее см. [28]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Van Baar T.M. Phasal Polarity. Amsterdam: IFOTT. 1997.
2. Van der Auwera J. Phasal adverbials in the languages of Europe. J. van der Auwera, D. Ó Baoill (eds). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998, pp. 25–145.
3. Plungian V.A. A typology of phasal meanings. Abraham W., Kulikov L. *Tense-aspect, transitivity, and causativity: Essays in honor of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam: John Benjamins, 1999, pp. 311–321.
4. Givón T. Forward Implications, Backward Presuppositions, and the Time Axis of Verbs. John P. Kimball (ed.). *Syntax and Semantics*. New York and London: Seminar Press, 1972, pp. 29–50.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука, 1985.
6. Мустайоки А. О семантике русского темпорального *ещё*. *Studia Slavic Finlandesica* (Доклады финской делегации на X Съезде славистов), 5. 1988. С. 99–142.
7. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
8. Богуславский И.М. “Сандхи” в синтаксисе: загадка *уже не* // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 19–37.
9. Перцов Н.В. О возможном семантическом инварианте русских фразовых частиц *уже* и *ещё* // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 137–144.
10. Труб В.М. Темпоральные частицы как знаки начала и конца ситуации // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 334–447.
11. Труб В.М. Особенности интерпретации высказываний с заполненными темпоральными валентностями частиц *ещё* и *уже* // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2004. С. 333–343.
12. Israeli A. The expression of temporal still in Russian. *Studies in Polish Linguistics*, 3, 2006, pp. 113–125.
13. Урысон Е.В. Уже и уж: вариативность, полисемия, омонимия? // Труды международной конференции “Диалог 2007”, 2007. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/81.htm>
14. Левонтина И.Б. Загадки частицы *уж* // Труды международной конференции “Диалог 2008”, 2008. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/47.htm>
15. Рахилина Е.В. К аспектуальным свойствам русского *уже* // М. Китадзё (сост.). Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития. Сб. статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото: Университет Киото Сангё, 2015. С. 214–220.
16. Krifka M. Alternatives for aspectual particles: Semantics of still and already. Paper presented at the Berkeley Linguistics Society, 2000.
17. Plungian V.A., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006, 59, № 4, pp. 317–349.
18. Стойнова Н.М. Буду делать vs. стану делать: корпусные данные. Конференция “Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы”. СПб., ИЛИ РАН, 12–14 сентября 2013.
19. Olsson B. Iamitives: Perfects in Southeast Asia and beyond. MA Thesis, University of Stockholm, 2013.
20. Besnier N. Tuvaluan. London and New York: Routledge, 2000.
21. Hooper R. Tokelauan. Lincom Europa, 1996.
22. Bauer W. Maori. London and New York: Routledge, 1993.
23. Mosel U., Hovdhaugen E. Samoan Reference Grammar. Oslo: Scandinavian University Press, 1992.
24. Vonen A.M. The expression of temporal and aspectual relations in Tokelau narratives. Bache, Basbøll, Lindberg (eds). *Tense, Aspect and Action*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1994, pp. 371–397.

25. Hooper R. Universals of narrative pragmatics: A Polynesian case study. *Linguistics*, 1998. 36. 119–160.
26. Matthewson L., Quinn H., Talagi L. Inchoativity meets the perfect time span: The Niuean perfect. *Lingua*. 2015, No. 168 (1), pp. 1–36.
27. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
28. Михайлов С.К. Фантастические аспектуальные твари и откуда они возникают: инкомплетив // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна. 2020. С. 415–420.
11. Trub, V.M. *Osobennosti interpretacii vyskazyvanij s zapolnennymi temporalnymi valentnostjami chastic eshhjo I uzhe* [Peculiarities of Interpretation of Particles *eshhjo* and *uzhe* with Temporal and Polar Dependents]. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kultura. Sbornik statej v chest N. D. Arutjunovoj* [Sacred Meanings. Word. Text. Culture. Collected Paper in Honour of N.D. Arutjunova]. Moscow, 2004, pp. 333–343. (In Russ.)
12. Israeli, A. The expression of temporal still in Russian // *Studies in Polish Linguistics*, 3, 2006, pp. 113–125.
13. Uryson, E.V. *Uzhe i uzhe: variativnost, polisemija, omonimija?* [Russian Particles *uzhe* and *uzhe*: Variants, Homonyms, or Related Words?]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Dialog 2007"* [Proceedings of the International Conference "Dialog 2007"]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/81.htm> (In Russ.)
14. Levontina, I.B. *Zagadki chasticy uzhe* [The Riddles of Russian Particle *uzhe*]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Dialog 2008"* [Proceedings of the International Conference "Dialog 2008"], 2008. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/47.htm> (In Russ.)
15. Rakhilina, E.V. *K aspektualnym svojstvam russkogo uzhe* [Towards Aspectual Characteristics of Russian *uzhe*]. *Aspektualnaja semanticheskaja zona: Tipologija system I scenario diahronicheskogo razvitija. Sb. statej V Mezhdunarodnoj konferencii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* [Aspectual Semantic Zone: Typology and Diachronic Scenarios]. Kyoto, University Kyoto Sangyo, 2015, pp. 214–220. (In Russ.)
16. Krifka, M. Alternatives for aspectual particles: Semantics of still and already. Paper presented at the Berkeley Linguistics Society, 2000.
17. Plungian, V.A., Van der Auwera, J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006, 59, No. 4, pp. 317–349.
18. Stojnova, N.M. *Budu delat vs. stanu delat: korpusnye dannye* [*Budu delat* and *stanu delat*: Corpus Data]. Paper presented at the conference "Approaches to Russian Language: Constructions and Lexico-Semantics", ILI RAN, St. Petersburg, 2013. (In Russ.)
19. Olsson, B. Imitives: Perfects in Southeast Asia and beyond. MA Thesis, University of Stockholm, 2013.
20. Besnier, N. Tuvaluan. London and New York: Routledge, 2000.
21. Hooper, R. Tokelauan. *Lincom Europa*, 1996.
22. Bauer, W. Maori. London and New York: Routledge, 1993.
23. Mosel, U., Hovdhaugen, E. Samoan Reference Grammar. Oslo, Scandinavian University Press. 1992.
24. Vonen, A.M. The expression of temporal and aspectual relations in Tokelau narratives. Bache, Basbøll,

REFERENCES

1. Van Baar, T.M. *Phasal Polarity*. Amsterdam: IFOTT. 1997.
2. Van der Auwera, J. *Phasal adverbials in the languages of Europe* J. van der Auwera, D. Ó Baoill (Eds). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.
3. Plungian, V.A. *A typology of phasal meanings*. Abraham W., Kulikov L. (Eds). *Tense-aspect, transitivity, and causativity: Essays in honor of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
4. Givón, T. Forward Implications, Backward Presuppositions, and the Time Axis of Verbs. John P. Kimball (Ed). *Syntax and Semantics*. New York and London: Seminar Press, 1972, pp. 29–50.
5. Paducheva, E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesjonnost s dejstviteľnostju* [Statement and Its Correlation with Reality]. Moscow, Nauka, 1985. (In Russ.)
6. Mustajoki, A. *O semantike russkogo temporalnogo ešče* [On the Semantics of Russian Temporal *Ešče*]. *Studia Slavica Finlandesica*, 5. 1988, pp. 99–142. (In Russ.)
7. Boguslavskiy, I.M. *Sfera dejstvija leksicheskikh edinic* [Scope of Lexical Items]. Moscow, 1996. (In Russ.)
8. Boguslavskiy, I.M. "Sandhi" v sintaksise: zagadka *uzhe ne*. [Sandhi in Syntax: The Puzzle of the Russian Phrase *uzhe ne*]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2002. No. 5, pp. 19–37. (In Russ.)
9. Pertsov, N.V. *O vozmozhnom semanticheskom invariante russkikh frazovykh chastic uzhe I eshhjo* [On the Hypothetical Semantic Invariant of Russian Phrasal Particles *uzhe* and *eshhjo*]. *Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala I konca* [Logical Analysis of Language. Semantics of Beginnings and Ends]. Moscow, 2002, pp. 137–144. (In Russ.)
10. Trub, V.M. *Temporalnye chasticy kak znaki nachala i konca situacii* [Temporal Particles as Indicators for Beginnings and Endings of Situations]. *Logicheskij analiz jazyka. Semantika nachala I konca* [Logical Analysis of Language. Semantics of Beginnings and Ends]. Moscow, 2002, pp. 334–447. (In Russ.)

- Lindberg (Eds). *Tense, Aspect and Action*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1994, pp. 371–397.
25. Hooper, R. Universals of narrative pragmatics: A Polynesian case study. *Linguistics*, 1998, 36, pp. 119–160.
26. Matthewson, L., Quinn, H., Talagi, L. Inchoativity meets the perfect time span: The Niuean perfect. *Lingua*. 2015, No. 168 (1), pp. 1–36.
27. Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku. Grammaticheskie znachenija i grammaticheskie sistemy jazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems in the Languages of the World]. Moscow, Izdatelstvo RGGU Publ., 2011. (In Russ.)
28. Mikhaylov, S.K. *Fantasticheskie aspektualnye tvori i otkuda oni vznikajut: inkompletiv* [Fantastic Aspectual Beasts and Where They Come from: The Case of Incompletive]. *VAProsy jazykoznanija: Megasbornik nanostatej. Sb. st. k jubileju V.A. Plungiana* [Collected Papers for the Anniversary of V.A. Plungian]. 2020, pp. 415–420. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 31 мая 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 июня 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.

Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on May 31, 2023

Revised on June 10, 2023

Accepted on June 15, 2023

Date of publication: August 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027394-9

Синестетические словосочетания в параллельном мультязычном корпусе

© 2023 г. П. В. Ярошенко

Соискатель Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
polina.iaroshenko@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается особый тип словосочетаний — синестетические, где оба слова включают сенсорный семантический компонент, при этом компоненты относятся к различным перцептивным модальностям (например, *зелёное эхо* = зрение + слух). Исследование проведено на материале параллельного мультязычного корпуса, состоящего из оригинального текста романа В. Набокова “Лолита” на английском языке (1955) и его переводов на русский (1967) и французский (1959, 2001) языки. Цель работы — описать классы сенсорной лексики, на базе которой формируются синестетические словосочетания, а также дать количественную оценку словосочетаниям, обнаруженным в корпусе. Синестетические словосочетания характеризуются по частотности семантических компонентов той или иной сенсорной модальности и сочетаемости слов с компонентами различных модальностей. Было установлено, что при формировании синестетических словосочетаний во всех текстах корпуса наиболее частотны лексические единицы с компонентами зрения (усреднённый процент по корпусу — 35%), далее следуют осязание (29%) и слух (22%). Наименее частотны слова с компонентами вкуса (8%) и обоняния (6%). С позиции сочетаемости комбинация зрение-слух оказалась доминантной для оригинального английского текста, а зрение-осязание для переводной части корпуса. Реже всего встречались словосочетания со структурой зрение-обоняние (исключительно в переводной части корпуса) и обоняние-слух (исключительно во французской части корпуса).

Ключевые слова: семантика, сенсорная лингвистика, синестезия, параллельный корпус.

Для цитирования: Ярошенко П.В. Синестетические словосочетания в параллельном мультязычном корпусе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 91–99. DOI: 10.31857/S160578800027394-9

Synesthetic Word Combinations in a Parallel Multilingual Corpus

© 2023 Polina V. Iaroshenko

Postgraduate at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 Bld. 1 Bolshoy Kislovskiy Lane, Moscow, 125009, Russia
polina.iaroshenko@yandex.ru

Abstract. The article focuses on synesthetic word combinations, defined by the author as a phrase, in which both words have a sensory semantic component and refer to different perceptual modalities (for example, “green echo” refers to vision and hearing). A parallel multilingual corpus has been designed to become the material for the study. The corpus includes the novel “Lolita” by V. Nabokov in English — the original language of the novel — (1955), and its translations into Russian (1967) and French (1959, 2001). The study aims to classify sensory lexical units, which form synesthetic word combinations, and to quantify the size of each class presented in the corpus. The study reveals that the frequency, with which semantic components refer to sensory modalities, tend to differ. Another conclusion to be drawn is that a stable collocability between semantic components referring to certain sensory modalities can be observed. Thus, the analysis of synesthetic word combinations shows that the following senses appear to be most frequently manifested in

sensory lexical units: vision (35%), touch (29%), hearing (22%). The words with the components of taste (8%) and smell (6%) are the least frequent. As for collocability, in the original text the vision-hearing combination is revealed to be most frequent, while in the translated version most sensory collocations tend to include vision-touch components. Collocations whose components refer to vision-olfaction and olfaction-hearing appeared to be least numerous.

Key words: semantics, sensory linguistics, synaesthesia, parallel corpora.

For citation: Iaroshenko, P.V. *Sinesteticheskie slovosochetaniya v parallelnom multiyazychnom korpusе* [Synesthetic Word Combinations in a Parallel Multilingual Corpus]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 91–99. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027394-9

Введение

В настоящее время большой интерес представляют исследования языковой синестезии (linguistic synaesthesia)¹. При этом под языковой синестезией может пониматься широкий спектр явлений, относящихся к различным уровням языковой системы.

Одно из наиболее значительных направлений в этой области — исследования, посвящённые рассмотрению синестезии как особого типа метафоры, основанной на межсенсорном переносе ([1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6] и др.). Как правило, наряду с классическими синестетическими метафорами (где слова содержат сенсорные компоненты различных модальностей² — *сладкая мелодия*, вкус + слух) рассматривают и такие словосочетания, где слова содержат сенсорные компоненты одинаковой модальности (*сладкая горечь*), а также где лишь одно из слов содержит сенсорный компонент, а второе не относится к сенсорной лексике (*сладкая любовь*) — все перечисленные типы словосочетаний, как правило, обозначаются термином “синестетическая метафора” (synaesthetic metaphor).

В нашей работе для обозначения описанных типов используется более нейтральный термин — “словосочетания с сенсорными компонентами”³. Под

синестетическими словосочетаниями понимаются исключительно такие, где оба слова включают сенсорный компонент, при этом компоненты относятся к различным модальностям (*сладкая мелодия*). Словосочетания типа *сладкая горечь* и *сладкая любовь* выносятся в отдельные категории, обозначенные как моностетические и идеастетические словосочетания соответственно.

В статье в качестве **предмета исследования** будут рассматриваться именно синестетические словосочетания.

Исследование проводилось на **материале** параллельного корпуса, состоящего из оригинального текста романа В. Набокова “Лолита” на английском языке (1955) (далее — EN), автоперевода на русский язык (1967) (далее — RU), двух переводов на французский язык — Эрика Каана (1959) (далее — FR1) и Мориса Кутюрье (2001) (далее — FR2). Выравнивание текстов было выполнено с использованием программы HunAlign [7] и интерфейса LF Alignment Editor. Объем корпуса — 475 732 словоупотребления.

Цель работы — описать классы сенсорной лексики, на базе которой формируются синестетические словосочетания (раздел 1), а также дать количественную оценку словосочетаниям, обнаруженным в корпусе (раздел 2).

1. Сенсорная лексика: к проблеме описания семантического класса

В ранних работах, посвящённых языковой синестезии, для описания структуры синестетических метафор исследователи оперировали несколько абстрактными понятийными категориями сенсорных модальностей⁴. Так, в работе Ш. Дзя [3] выделяются шесть типов ощущений: зрение, слух, обоняние, осязание и температура. При характеристике перцептивных модальностей внимание сосредоточено скорее

¹ Синестезия — физиологически обусловленная особенность восприятия, когда при стимуле одного органа чувств возникает дополнительное ощущение, относящееся к другому органу чувств (например, цветной слух). В лингвистике исследуется не собственно физиологический феномен, а его отображение на языковом материале.

² Здесь и далее в статье понятие “модальность” используется исключительно в значении модальности восприятия, то есть соотносённости с тем или иным перцептивным каналом (зрение, слух, вкус, осязание, обоняние).

³ Под словосочетанием с сенсорными семантическими компонентами в работе понимается особый класс словосочетаний, где как минимум одно из слов содержит сенсорный компонент, при этом сенсорное слово не служит для обозначения объективно присущих свойств. Более детально о классификации словосочетаний с сенсорными компонентами см. [8].

⁴ Такой подход во многом основывался на работах С. Ульманна [1] и Дж. Лакоффа и М. Джонсона [9].

на физиологическом аспекте, нежели на лингвистическом: например, при описании обоняния [3, с. 32–38] приводятся различные подходы к классификации запахов (приятные / неприятные, сладкие / кислые / горькие и др.), но вопрос о том, какие именно лексические единицы будут включены в ту или иную сенсорную модальность, детально не рассматривается, хотя предметом исследования являются синестетические метафоры, извлечённые из художественных текстов.

Проблема формального ограничения тематического класса сенсорной лексики стала особенно актуальна с появлением исследований на корпусном материале (UKWaC, ItWaC [10], Korean National Corpus [11], Sinica Corpus [12], Turkish National Corpus [13]). В этом случае авторы, как правило, ограничивались списками единиц (lexicon of perception [10]) без глубокого анализа выбранных лексем.

Однако следует подчеркнуть, что сенсорная лексика рассматривалась в работах по лексикологии и семантике, не связанных непосредственно с изучением языковой синестезии (Ю.Д. Апресян [14, с. 355–363], Н.К. Рябцева [15], Е.В. Падучева [16, с. 197–253], И.М. Кобозева [17], О. Вибберг [18], [19] и др.). Тем не менее, этот тематический класс до сих пор представляется проблемным для исчерпывающего описания. Комплексность, присущая перцепции, делает затруднительной любую попытку классификации связанных с ней единиц. Как отмечено в [16, с. 217–218], восприятие лежит в основе физической и ментальной деятельности человека, следовательно, рамки этой лексической группы размыты.

Таким образом, прежде чем приступать к отбору синестетических словосочетаний из корпуса и их последующему анализу, следует определить, что именно понимается под сенсорной лексикой и какие лексические единицы будут включены в эту категорию⁵.

В качестве основного критерия для описания сенсорной лексики была выбрана модель пяти ощущений⁶ (five senses model [20, с. 25–28]): то есть лексические единицы распределяются на пять классов — зрение, слух, вкус, осязание, обоняние.

⁵ Ранее в статье [21] была представлена характеристика сенсорной лексики, основанная на корпусе значительно меньшего объёма, куда вошли тексты исключительно на русском и французском языках.

⁶ Здесь и далее вместо англоязычного термина “five senses model” будет использоваться наш перевод — “модель пяти ощущений”.

Отметим, что использование модели пяти ощущений не является самоочевидным или единственно возможным выбором. Более того, для этой системы свойственна достаточно высокая степень упрощения, это отмечает в частности [22, с. 31], не отрицая, однако, её эффективности на текущем этапе.

Согласно обзору Б. Винтера [20, с. 12–13], альтернативой для пяти чувств могло бы послужить разделение на основе типа потребляемой энергии (energy-based criterion): молекулярная (вкус и обоняние), механическая (осязание, слух) и световая (зрение). Также можно делить ощущения в зависимости от того, какие рецепторы задействованы при восприятии того или иного стимула (receptor-based criterion). В таком случае следовало бы выделить из категории осязания восприятие температуры объектов⁷, поскольку в процессах задействованы разные типы рецепторов. Однако эти способы уводят в сторону от лингвистики в область иных дисциплин. Такой подход противоречит задачам нашего исследования, где в приоритете описание сенсорной лексики прежде всего с лингвистических позиций.

Для модели пяти ощущений основополагающим является понятие органа чувств, задействованного в восприятии стимула. В этом аспекте могут также присутствовать разночтения: например, что именно мы будем считать органом чувств, стоит ли включать в это понятие внутренние системы и др. Тем не менее, чаще всего исследователи (например, [23]; [14, с. 355]) ориентируются на следующий тип распределения: глаза — орган зрения, уши — орган слуха, кожа — орган осязания, язык — орган вкуса, нос — орган обоняния.

Рассмотрим более подробно характеристику каждой сенсорной модальности. Всего в корпусе было выявлено 1428 вхождений сенсорных слов, которые в дальнейшем послужили основой для формирования словосочетаний с сенсорными компонентами. Отметим, что была проанализирована не общая совокупность сенсорных слов в корпусе, а именно те лексические единицы, которые задействованы в формировании синестетических, а также идеастетических и моностетических словосочетаний. Ниже представлено описание с примерами из корпуса.

Зрение:

1. цвет: *green* (EN), *чёрный* (RU), *bleu* (FR1, FR2);
2. характеристики цвета: *vivid* (EN), *красочный* (RU), *pâleur* (FR1);

⁷ В упомянутом выше исследовании Ш. Дзя [3] температура была выделена в самостоятельную категорию.

3. аналоговые цветообозначения: *smagdine* (EN), *хрустальный* (RU), *doré* (FR1);
4. свет: *radianse* (EN), *мерцающий* (RU), *lumière* (FR1, FR2);
5. зрительно воспринимаемые свойства предметов окружающей действительности: *big* (EN), *округлость* (RU), *étroit* (FR1);
6. процесс зрительного восприятия: *to see* (EN), *смотреть* (RU), *regard, voir* (FR1, FR2).

Слух:

1. звук: *echo* (EN), *звук* (RU), *mélodie* (FR2);
2. характеристики звука: *loud* (EN), *громкий* (RU);
3. аналоговые звукообозначения: *roaring* (EN), *жуужжащий* (RU), *mugissant* (FR2);
4. процесс слухового восприятия: *hear* (EN), *слух* (RU).

Осязание⁸:

1. температура: *sharp, warm* (EN), *холодный, горячо* (RU), *froideur, tiède* (FR1, FR2);
2. консистенция: *sticky* (EN);
3. вес: *light* (EN), *тяжёлый* (RU), *pesant* (FR1, FR2);
4. аналоговые обозначения тактильных свойств: *furry* (EN), *ледяной* (RU);
5. процесс тактильного восприятия: *to touch* (EN), *касаться* (RU), *toucher* (FR1, FR2);
6. обозначения прочих свойств объекта, воспринимаемые посредством осязания: *wet, soft* (EN), *влажный* (RU), *lisse* (FR2).

Вкус:

1. вкус: *sour* (EN), *сладкий* (RU), *amer* (FR1);
2. характеристики вкуса: *вкусный* (RU);
3. аналоговые обозначения вкуса: *honey* (EN), *медовый* (RU), *amande* (FR2);
4. процесс вкусового восприятия: *to taste* (EN).

Обоняние:

1. запах: *perfume* (EN), *душок* (RU), *parfum* (FR1, FR2);
2. характеристики запаха: *smelly* (EN), *fragrant* (FR2);
3. аналоговые обозначения запаха: *musk* (EN);
4. процесс ольфакторного восприятия: *to smell* (EN), *чуять* (RU).

Далее приведём пояснения для ряда наиболее проблемных пунктов.

Аналоговые обозначения были введены для каждой сенсорной модальности, туда вошли слова, характеризующие цвет, вкус, запах и др. посредством аналогии с тем или иным объектом окружающей действительности (*золото — золотой, золотистый*). Для категорий вкуса и обоняния аналоговые группы могут достаточно сильно

⁸ Отметим, что в модальность осязания в нашем исследовании не были вписаны слова, обозначающие болевые ощущения: *боль, pain, aching, douleur* и пр., в то время как в работе Б. Винтера [20, с. 14–15] этот семантический класс вошёл в категорию осязания.

пересекаться, поскольку характеристика запахов через вкусовую модальность — частотная модель⁹. Сравним *красный* и *вишнёвый* — первое прилагательное является цветообозначением, а второе может входить сразу в несколько категорий — аналоговое цветообозначение (имеет цвет вишни), аналоговое обозначение вкуса (имеет вкус вишни), аналоговое обозначение запаха (имеет аромат вишни). Вхождение лексической единицы в несколько категорий может свидетельствовать о неверном выборе основания классификации, однако в случае с аналоговыми обозначениями такая ситуация объясняется скорее спецификой анализируемой единицы. Аналоговые группы являются, вероятно, одним из наиболее проблемных для изучения классов сенсорной лексики.

Процесс восприятия. Под этим пунктом понимается как непосредственно восприятие субъектом объекта (активное и пассивное — например, *видеть, смотреть*), так и возможность объекта быть воспринятым субъектом. В данном случае мы ориентируемся на [14, с. 355–356], где тернарная система предлагается как модель для описания глаголов восприятия, и на [16], где отмечается роль воспринимающего субъекта в процессе перцепции.

Невозможность восприятия. В корпусе были обнаружены примеры слов, которые маркируют затруднённость или невозможность сенсорного восприятия либо отсутствие чувственного воспринимаемого свойства. Такие слова в рамках нашего корпуса встретились только в зрительной, слуховой и вкусовой модальностях (*blind, мутный; sourd 'глухой', глухой, беззвучный; пресный*). Тем не менее, потенциально такие слова есть и для категорий осязания и обоняния, например, русское прилагательное *неосязаемый* или английское *odourless*. Подобные единицы будут приобщены к материалу. Отметим, что Е.В. Падучева [16] также рассматривала глаголы подобного типа (*ослепнуть* и др.) как глаголы перцепции.

Представленные описания групп сенсорной лексики не носят абсолютного характера. В дальнейшем понимание каждой модальности может быть уточнено.

2. Синестетические словосочетания в исследуемом корпусе

Всего в корпусе было обнаружено 1185 словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами. Интересующий нас тип словосочетаний —

⁹ Подробнее о близости обоняния и вкуса с лингвистической точки зрения см. [20, с. 12], а также работы М. Auvrey, С. Spence и др.

синестетические — составил 18% от этого количества, таким образом, было проанализировано 209 словосочетаний.

По количественному показателю оригинал и переводная часть корпуса характеризуются высокой степенью изоморфизма¹⁰: количество синестетических словосочетаний в оригинале EN — 52, в RU — 59, в FR1 и FR2 — 47 и 51 соответственно.

Примечательно также, что в 73% случаев при переводе синестетическое словосочетание сохраняет свой тип, то есть синестетическому словосочетанию соответствует аналогичная структура в переводе (структуру словосочетания синестетического типа можно описать как “слово с сенсорным компонентом модальности А + слово с сенсорным компонентом модальности В”). Например, *sweetish perfume* (EN), *parfum douceâtre* ‘аромат сладковатый’ (FR1, FR2) и *сладковатый душок* (RU) имеют одинаковую компонентную структуру “вкус + обоняние”.

При анализе сенсорной лексики, задействованной в формировании синестетических словосочетаний, было выявлено, что наиболее частотны лексические единицы с компонентами зрения (35%), далее следуют осязание (29%) и слух (22%). Наименее частотны слова с компонентами вкуса (8%) и обоняния (6%). Ранжирование по модальностям одинаково для английской, русской и французской частей корпуса. Высокий показатель для модальности зрения — вполне ожидаемый результат, подтверждающий более общую тенденцию: многие лингвисты (например, [15]; [14, с. 363–364]) характеризуют зрение как доминантный канал восприятия, оказывающий максимальное влияние на язык. В таблице 1 представлено количество лексических единиц для каждого текста в отдельности и усреднённый процент по корпусу.

Таблица 1

Сенсорная модальность	EN	RU	FR1	FR2	Общий процент
Зрение	37	39	33	34	35%
Осязание	29	34	29	30	29%
Слух	24	27	20	22	22%
Вкус	10	8	7	10	8%
Обоняние	4	6	7	8	6%

¹⁰ Термин “изоморфизм” в отношении перевода характеризует степень подобия оригинального и переводного текстов по различным параметрам. Применяется, в частности, в работах Е.Э. Разлоговой (например, [24]).

Далее рассмотрим, какие комбинации сенсорных модальностей являются наиболее распространёнными в синестетических словосочетаниях, обнаруженных в корпусе.

Важно подчеркнуть, что такие параметры, как порядок слов и их частеречная принадлежность¹¹, в исследуемых словосочетаниях не были учтены: то есть *hot whisper* (EN), *murmure chaud* ‘шепот горячий’ (FR2) и *горячо шептала* (RU) попадут в одну категорию — “зрение-осязание”, несмотря на изменение частеречной структуры в русском примере и различия в порядке слов. Таким образом, потенциально возможны десять вариантов комбинаций сенсорных слов. Все они в той или иной мере представлены в текстах корпуса. Рассмотрим количественные данные и примеры из корпуса. В таблице 2 представлены процентные показатели для каждого текста в отдельности и усреднённый процент по корпусу.

Таблица 2

Комбинации лексических единиц	EN	RU	FR1	FR2	Общий процент	Примеры
зрение-осязание	32%	33%	38%	36%	34%	<i>glowing tingle</i> (EN), <i>бархатный мрак</i> (RU), <i>pâleur tiède</i> ‘бледность тёплая’ (FR1)
зрение-слух	34%	29%	28%	24%	29%	<i>golden giggle</i> (EN), <i>светлый смех</i> (RU), <i>musique noire</i> ‘музыка чёрная’ (FR1)
зрение-вкус	6%	2%	3%	4%	4%	<i>sweet radiance</i> (EN), <i>абрикосовая мгла</i> (RU)
зрение-обоняние	-	2%	-	2%	1%	<i>душистая тень</i> (RU)
осязание-слух	13%	17%	18%	13%	15%	<i>velvety voice</i> (EN), <i>поллированный звук</i> (RU), <i>ton glacial</i> ‘тон ледяной’ (FR2)

¹¹ Подобные характеристики целесообразно рассматривать на монопольном материале.

вкус-осознание	4%	2%	-	2%	2%	<i>délicieuse moiteur</i> 'вкусная влажност' (FR2)
вкус-обоняние	4%	4%	5%	4%	4%	<i>biscuity odor</i> (EN), <i>parfum douceâtre</i> 'запах сладковатый' (FR1, FR2)
вкус-слух	4%	6%	3%	4%	4%	<i>сладкая какофония</i> (RU), <i>délicieux gloussement</i> 'вкусный смешок' (FR2)
обоняние-осознание	2%	6%	5%	4%	4%	<i>горячий душок</i> (RU), <i>exhalaisons chaudes</i> 'запах тела горячие' (FR1, FR2)
обоняние-слух	-	-	3%	4%	2%	<i>parfum avec des harmoniques</i> 'аромат с гармониками' (FR2)

Примечательно, что для английского оригинального текста наиболее распространённым является сочетание зрение-слух (34%), в то время как для переводной части корпуса — зрение-осознание, особенно явно это прослеживается в тексте FR1 (38%). Реже всего в корпусе встречались комбинации зрение-обоняние (встречаются только в переводной части корпуса) и обоняние-слух (встречаются только во французской части корпуса).

Выявленные тенденции не являются абсолютными и могут быть обусловлены особенностями идиостиля В. Набокова и отчасти стратегиями переводчиков. Результаты исследования требуют дальнейшей проверки на более обширном, сбалансированном и репрезентативном материале.

Так, полученные нами количественные данные отличаются от результатов исследования Ш. Дзя [25], где в качестве материала также послужили именно художественные тексты на английском языке и текст романа Т. Манна "Будденброки. История гибели одного семейства" на немецком: доминантным оказался переход слух-осознание (например, *harsh sound, soft word*) — 43% от общего

количества проанализированных метафор для английского и 66% для немецкого. В статье [4] на материале текстов китайского современного писателя Мо Янь наиболее частотный тип метафоры — зрение-слух (например, *brightly shining hubbub, dark red sounds*). В работе [26], выполненной на корпусном материале, для итальянского и английского языков наиболее характерны комбинации осознание-зрение и осознание-слух (например, *una luce calda* 'свет тёплый', *sharp voice*).

Важно подчеркнуть, что непосредственное сравнение результатов этих исследований с данными, полученными из нашего корпуса, затруднительно из-за значительных методологических различий. Так, определение синестетических словосочетаний отличается от понятия синестетической метафоры, используемого в обозначенных работах. Кроме того, в этих работах учитывалось направление синестетического перехода¹², в нашем же исследовании эта проблема не рассматривалась (то есть в нашу категорию зрение-осознание включены словосочетания с сенсорными компонентами этих модальностей вне зависимости от направления перехода).

Заключение

Всё больше исследований языковой синестезии в различных её проявлениях проводятся на материале специальных корпусов или корпусов общего назначения, поэтому задать формальные рамки для сенсорной лексики — необходимый шаг, особенно в том случае, когда речь идёт о данных значительного объёма. Создание исчерпывающего списка сенсорных слов с учётом онтологических синонимов могло бы способствовать улучшению процесса автоматического извлечения синестетических словосочетаний из корпуса. Глубокий анализ отдельных групп лексики важен также в контексте направления лексико-семантической типологии¹³. В статье было представлено описание сенсорной лексики, которая служит основой для формирования синестетических словосочетаний в текстах на английском, русском и французском языках. В качестве основания классификации сенсорной лексики была использована модель пяти ощущений, включающая

¹² На наш взгляд, определение направления перехода в синестетическом словосочетании — сложная задача, не имеющая однозначного решения. Как правило, в описанных выше работах рассматривались в основном синестетические метафоры со структурой "прилагательное + существительное", где существительное выступает в качестве цели (target), а прилагательное — источника (source).

¹³ Подробнее об этом направлении см., например, [27]; [28].

модальности зрения, слуха, вкуса, осязания и обоняния. Предложенная характеристика может быть расширена и дополнена в дальнейшем.

В корпусе было обнаружено 209 синестетических словосочетаний, они составили 18% от общего количества в 1185 словосочетаний с сенсорными семантическими компонентами. Синестетические словосочетания были охарактеризованы в двух аспектах: во-первых, по частотности семантических компонентов той или иной сенсорной модальности; во-вторых, по сочетаемости слов с сенсорными компонентами различных модальностей. Было установлено, что при формировании синестетических словосочетаний во всех текстах корпуса наиболее частотны лексические единицы с компонентами зрения (усреднённый процент по корпусу – 35%), далее следуют осязание (29%) и слух (22%). Наименее частотны слова с компонентами вкуса (8%) и обоняния (6%). С позиции сочетаемости комбинация зрение-слух оказалась доминантной для оригинального английского текста, а зрение-осязание для переводной части корпуса. Реже всего встречались словосочетания со структурой зрение-обоняние (исключительно в переводной части корпуса) и обоняние-слух (исключительно во французской части корпуса).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ullmann S. The Principles of Semantics. Oxford: Basil Blackwell, 1957. 352 p.
2. Ricoeur P. La métaphore vive. Paris: Seuil, 1975. 414 p.
3. Day S.A. Synaesthetic metaphors. Doctoral dissertation in Linguistics, Purdue University. 1995. URL: http://www.daysyn.com/Day_1995_-_Synaesthetic_metaphors_in_English_-_part_1.pdf
4. Yu N. Synesthetic metaphor: A cognitive perspective // Journal of Literary Semantics. 2003. 32 (1). P. 19–34.
5. Geary J. I Is an Other: The Secret Life of Metaphor and How It Shapes the Way We See the World. New York: Harper Collins Publishings, 2011. 652 p.
6. Zawistawska M., Falkowska M., Ogródniczuk M. Verbal synaesthesia in the Polish corpus of synaesthetic metaphors // LaMiCuS. 2018. Vol. 2. P. 226–253.
7. Varga D., Németh L., Halácsy P., Kornai A., Trón A., Nagy V. Parallel Corpora for Medium Density Languages // Recent Advances in Natural Language Processing IV. Nicolov N., Bontcheva K., Angelova G., Mitkov R. (ed.). Series: Current Issues in Linguistic Theory. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 247–258.
8. Ярошенко П.В. К проблеме лингвистического понимания идеастезии (на материале мультязычного параллельного корпуса) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 1. С. 156–169.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
10. Strik Lievers F., Huang Ch. A Lexicon of Perception for the Identification of Synaesthetic Metaphors in Corpora // Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16). N. Calzolari (ed.). Portorož: European Language Resources Association Publ., 2016. P. 2270–2277.
11. Jo C. A corpus-based analysis of synesthetic metaphors in Korean // Linguistic Research. 2019. Vol. 36. № 3. P. 459–483.
12. Zhao Q., Huang Ch.-R., Ahrens K. Directionality of linguistic synesthesia in Mandarin: A corpus-based study // Lingua. 2019. Vol. 232. P. 1–15.
13. Kumcu A. Linguistic Synesthesia in Turkish: A Corpus-based Study of Crossmodal Directionality // Metaphor and Symbol. 2021. Vol. 36. № 4. P. 241–255.
14. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1995. 767 с.
15. Рябцева Н.К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка // Труды международного семинара Диалог-2000 по компьютерной лингвистике и её приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. А.С. Нариньяни (ред.). 2000. URL: <https://www.dialog-21.ru/en/digest/2000/articles/ryabtseva/>
16. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
17. Кобозева И.М. Свет, звук и запах в их языковой интерпретации (по данным русских глаголов эмиссии) // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение. Новосибирск: НГПУ, 2013. С. 5–28.
18. Viberg Å. The verbs of perception: a typological study // Linguistics. 1983. Vol. 21 (1). P. 123–162.
19. Viberg Å. Sensation, perception and cognition: Swedish in a typological-contrastive perspective // Functions of Language. 2015. Vol. 22 (1). P. 96–131.
20. Winter B. Sensory Linguistics: Language, perception and metaphor. Amsterdam: John Benjamins, 2019. 305 p.
21. Ярошенко П.В. Сенсорный семантический компонент как основа для формирования синестезии в тексте (на материале стихотворения А. Рембо “Пьяный корабль” и его русских переводов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 1. С. 144–156.

22. *Dennett D.C.* Intuition pumps and other tools for thinking. London: Penguin Books, 2013. 512 p.
23. *Macpherson F.* The senses: Classic and contemporary philosophical perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2011. 432 p.
24. *Разлогова Е.Э.* Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 52–73.
25. *Day S.A.* Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors // *Psyche*. 1996. Vol. 2. P. 2–32.
26. *Strik Lievers F.* Synaesthesia: A corpus-based study of cross-modal directionality // *Functions of language*. 2015. № 22. С. 69–94.
27. *Рахилина Е.В., Плунгян В.А.* О лексико-семантической типологии // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. С. 9–26.
28. *Рахилина Е.В., Резникова Т.И.* Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
- Processing IV. Nicolov, N., Bontcheva, K., Angelova, G., Mitkov, R. (ed.). Series: Current Issues in Linguistic Theory. Amsterdam, John Benjamins, 2007, pp. 247–258.
8. Iaroshenko, P.V. *K probleme lingvisticheskogo ponimaniya ideastezii (na materiale multiyazychnogo parallel'nogo korpusa)* [Towards the Linguistic Approach to Ideasthesia (Case Study of the Multilingual Parallel Corpus)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Language and Literature]. 2023, 20 (1), pp. 156–169. (In Russ.)
9. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live by*. Chicago, The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
10. Strik Lievers, F., Huang, Ch. A Lexicon of Perception for the Identification of Synaesthetic Metaphors in Corpora. Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16). N. Calzolari (ed.). Portorož, European Language Resources Association Publ., 2016, pp. 2270–2277.
11. Jo, C. A corpus-based analysis of synesthetic metaphors in Korean. *Linguistic Research*. 2019, Vol. 36, No. 3, pp. 459–483.
12. Zhao, Q., Huang, Ch.-R., Ahrens, K. Directionality of linguistic synesthesia in Mandarin: A corpus-based study. *Lingua*. 2019, Vol. 232, pp. 1–15.
13. Kumcu, A. Linguistic Synesthesia in Turkish: A Corpus-based Study of Crossmodal Directionality. *Metaphor and Symbol*. 2021, Vol. 36, No. 4, pp. 241–255.
14. Apresian, Iu.D. *Izbrannyye trudy, tom II. Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral Description of a Language and Systematic Lexicography. Selected Works. Vol. 2]. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kultury" Publ., 1995, p. 767. (In Russ.)
15. Riabtseva, N.K. *Mentalnaya leksika, kognitivnaya lingvistika i antropocentriznost yazyka* [Mental lexicon, cognitive linguistics and linguistic anthropocentrism]. *Trudy mezhdunarodnogo seminara Dialog-2000 po kompyuternoy lingvistike i eyo prilozheniyam. T. 1. Teoreticheskie problemy. A.S. Narinyani (red.)* [Conference Proceedings "Computational Linguistics and Intellectual Technologies" Dialogue-2000 V. 1. Theoretical Issues. A.S. Narinyani (Ed.)]. 2000. URL: <https://www.dialog-21.ru/en/digest/2000/articles/ryabtseva/> (In Russ.)
16. Paducheva, E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of the Lexicon]. Moscow, Iazyki Slavyanskoi kultury Publ., 2004. 608 p. (In Russ.)
17. Kobozeva, I.M. *Svet, zvuk i zapah v ih yazykovoy interpretacii (po dannym russkikh glagolov emissii)* [Light, Sound and Smell in their Linguistic Interpretation (Evidence from Emission Verbs)]. *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: tipy vospriyatiya i ih yazykovoe voploshchenie* [Issues of Interpretational

ИСТОЧНИКИ

1. RU – Набоков В.В. *Лолита*. М.: Прометей, 1991.
2. EN – Nabokov V. *Lolita*. London: Penguin Modern Classics, 2000.
3. FR1 – Nabokov V. *Lolita*. Kahane E. (transl. from English). Paris: Gallimard, 1976.
4. FR2 – Nabokov V. *Lolita*. Couturier M. (transl. from English). Paris: Gallimard, 2001.

REFERENCES

1. Ullmann, S. *The Principles of Semantics*. Oxford: Basil Blackwell, 1957. 352 p.
2. Ricoeur, P. *La métaphore vive*. Paris, Seuil, 1975. 414 p. (In French)
3. Day, S.A. Synaesthetic metaphors. Doctoral dissertation in Linguistics, Purdue University. URL: http://www.daysyn.com/Day_1995_-_Synaesthetic_metaphors_in_English_-_part_1.pdf
4. Yu, N. Synesthetic metaphor: A cognitive perspective. *Journal of Literary Semantics*. 2003, 32 (1), pp. 19–34.
5. Geary, J. *I Is an Other: The Secret Life of Metaphor and How It Shapes the Way We See the World*. New York, Harper Collins Publishings, 2011. 652 p.
6. Zawisławska, M., Falkowska, M., Ogrodniczuk, M. Verbal synaesthesia in the Polish corpus of synaesthetic metaphors. *LaMiCuS*. 2018, Vol. 2, pp. 226–253.
7. Varga, D., Németh, L., Halácsy, P., Kornai, A., Trón, A., Nagy, V. Parallel Corpora for Medium Density Languages. *Recent Advances in Natural Language*

- Linguistics: Types of Perception and its Linguistic Manifestations]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2013, pp. 5–28. (In Russ.)
18. Viberg, Å. The verbs of perception: a typological study. *Linguistics*. 1983, Vol. 21 (1), pp. 123–162.
 19. Viberg, Å. Sensation, perception and cognition: Swedish in a typological-contrastive perspective. *Functions of Language*. 2015, Vol. 22 (1), pp. 96–131.
 20. Winter, B. *Sensory Linguistics: Language, perception and metaphor*. Amsterdam, John Benjamins, 2019. 305 p.
 21. Iaroshenko, P.V. *Sensornyj semanticheskij komponent kak osnova dlya formirovaniya sinestezii v tekste (na materiale stihotvoreniya A. Rembo "Pyanyj korabl" i ego russkikh perevodov)* [Sensory Semantic Component as the Basis for Synaesthesia Formation in Language: A Case Study of Arthur Rimbaud's Poem "Le Bateau ivre" ("The Drunken Boat") and its Russian Translations]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya* [Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2020, Vol. 18, No. 1, pp. 144–156. (In Russ.)
 22. Dennett, D.C. *Intuition pumps and other tools for thinking*. London, Penguin Books, 2013. 512 p.
 23. Macpherson, F. *The senses: Classic and contemporary philosophical perspectives*. Oxford, Oxford University Press, 2011. 432 p.
 24. Razlogova, E.E. *Standartnye i nestandartnye varianty perevoda* [Standard and Non-standard Versions of Translation]. *Voprosy Yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2017, No. 4, pp. 52–73. (In Russ.)
 25. Day, S.A. *Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors*. *Psyche*. 1996, Vol. 2, pp. 2–32.
 26. Strik Lievers, F. *Synaesthesia: A corpus-based study of cross-modal directionality*. *Functions of Language*. 2015, No. 22, pp. 69–94.
 27. Rakhilina, E.V., Plungian, V.A. *O leksiko-semanticheskoy tipologii* [On Lexical Semantic Typology]. T.A. Majsak, E.V. Rakhilina (red.). *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Maisak, T.A., Rakhilina, E.V. (eds.) *Verbs of AQUA Motion: Lexical Typology*]. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 9–26. (In Russ.)
 28. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I. *Frejmovyj podhod k leksicheskoy tipologii* [Frame-Based Approach to Lexical Typology]. *Voprosy Yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2013, No. 2, pp. 3–31. (In Russ.)

SOURCES

1. RU – Nabokov V.V. *Lolita*. Moscow, Prometej Publ., 1991. (In Russian).
2. EN – Nabokov V. *Lolita*. London, Penguin Modern Classics, 2000.
3. FR1 – Nabokov V. *Lolita*. Kahane E. (transl. from English). Paris, Gallimard, 1976.
4. FR2 – Nabokov V. *Lolita*. Couturier M. (transl. from English). Paris, Gallimard, 2001.

Дата поступления материала в редакцию: 22 марта 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 26 мая 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
 Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on March 22, 2023
Revised on May 26, 2023
Accepted on June 15, 2023
Date of publication: August 31, 2023

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800027395-0

**Савкина И. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы.
М.: Новое литературное обозрение, 2023. 472 с.
(Серия “Гендерные исследования”)**

**[Review:] Savkina, I. Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Female
Literature. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023, 472 p.
 (“Gender Studies” Series) [In Russ.]**

И.Л. Савкина, одна из основоположниц литературоведческой гендеристики в России, среди первых исследовавшая женские эго-документы и жанр женской автобиографии, выпустила новую книгу. Точнее, книга не совсем новая, поскольку в нее вошли написанные ранее статьи, однако, собранные в один том, они стали читаться иначе, образовав единый мыслительный континуум, единый текст, по прочтении которого выстраивается образ русской *женской* литературы — понятие, которое до сих пор едва ли приобрело полные “права гражданства” в критическом и литературоведческом дискурсе, да и шире — в сознании публики. Однако именно такая книга — высокопрофессиональная и при этом написанная легко, старающаяся держаться объективности (т.е. дающая право голоса и скептикам, и адептам других “лагерей”), но не отрекающаяся от авторского “голоса” и авторской позиции, — и способна хоть отчасти изменить ситуацию.

В томе пять разделов: “О женской прозе без кавычек”, “Книги, всем понятные”: писательницы в современной российской массовой литературе”, “Гендер по-русски: преграды и пределы. Российская критика XIX–XXI веков о женской литературе и гендерных исследованиях”, “Девочки, барышни, бабушки, старухи (женские образы в русской литературе)” и «“Пишу себя...”: о женских автодокументальных текстах». Названия разделов говорят сами за себя: в первом обсуждаются особенности русской женской литературы с первой половины XIX по конец XX столетия, те пределы и ограничения, которые испытывали на себе пишущие женщины, во втором — массовая женская литература, ее неписанные законы и отличия от соответствующей литературной продукции в Западной Европе, в третьем — критическая рецепция как произведений

писательниц, так и гендерной оптики в литературоведении вообще. Четвертый раздел посвящен тому, как конструируются женские образы, принадлежащие к разным социальным группам, прежде всего возрастным, в литературных текстах, написанных как женщинами, так и мужчинами, а пятый — женским автодокументальным текстам.

Надо сказать, что такая структура книги не бесспорна — хоть и имеет свои достоинства. Так, читатель порой может почувствовать себя несколько сбитым с толку, “скача” зигзагами по хронологии — начинается всё с Карамзина, а потом вдруг читаем про “Кысь” Т. Толстой и про Д. Донцову, а затем опять возникает первая половина XIX в., а потом вновь современность, и вдруг снова XIX столетие, и так далее, по кругу... Зато не приходится скучать — впечатления сменяются впечатлениями, как пейзажи в окне — то ли кареты, то ли автомобиля. Да и сами статьи внутри названных разделов, кажется, легко могли бы поменяться местами: скажем, глава «“А старость вот она, рядом”: репрезентации старости и старения в дневниках советского времени» просится встать рядом с двумя статьями о женской старости из предыдущего, четвертого, раздела. А глава «“Прехорошенький городок”: женские путевые заметки первой половины XIX века о Тверском крае» логично смотрелась бы в первом разделе, где речь идет о специфике женского взгляда и “правилах” женского письма. Вообще, построение книги обнаруживает некоторую искусственность, необязательность — хотя это и не влияет на общее впечатление: в итоге прочтения, как уже говорилось выше, возникает целостный взгляд на русскую женскую литературу в ее константах и ее эволюции. Но этот целостный взгляд выстраивается в сознании всё равно

в хронологической перспективе и вне зависимости от очередности расположения и прочтения статей — как бы автор и, возможно, редакторы книги ни пытались уйти от “надоевшего” и, вероятно, мыслящегося недостаточно концептуальным хронологического построения тома.

Однако никто, конечно, не посмеет сказать, что финальный аккорд тома неудачен или недостаточно эффектен, — в конечном счете, книга оказывается отчетливо автоматарефлексивной (элементы самонаблюдения в “Путях, перепутьях и тупиках...” чутким читателем ощущаются на протяжении всей книги, да и начинается она предисловием о том, как И.Л. Савкина “пришла” к гендерным исследованиям, т.е. неким личным сюжетом) и выстраивается по законам художественного текста с его сюжетным “твистом”.

В книге охвачены разные жанры и “этажи” литературы — от жанров фикциональных до документальных, от литературы классической, вполне “канонной” (которая, что примечательно, представлена в основном мужскими произведениями, в частности, В. Одоевского и Ф. Достоевского), до массовой, от поэзии до прозы. При этом фокус отчетливо смещен на тексты “маргинальные”, или периферийные, — что закономерно, поскольку сама женская литература как таковая периферийна по отношению к по большей части маскулинному “большому канону”. И.Л. Савкину интересуют в первую очередь забытые авторы вроде С. Закревской, Н. Венкстерн, В. Киселева, критика А. Зражевской и тексты либо массовой литературы, либо литературы автодокументальной, т.е. расположившиеся вне литературной магистрали. Более того, и в этих рамках самые любопытные и удачные главы посвящены тем текстам и явлениям, что обычно остаются вне рецепции, вне любопытствующего взгляда. Если обычно писатели и читатели склонны фокусироваться на женщинах репродуктивного возраста (поскольку любовная интрига остается в литературе интригой центральной), то И.Л. Савкина пишет, можно сказать, целый “цикл” статей, посвященных образу старости, и прежде всего женской старости, оставляющих весьма сильное впечатление. Лихо и увлекательно — хотя и с большой научной точностью, с привлечением солидного академического инструментария — написаны главы второго раздела, посвященные Марининой и Донцовой.

Одно из несомненных достижений книги “Пути, перепутья и тупики русской женской литературы” состоит, конечно, в том, что она возвращает читателю целый ряд забытых, не замеченных авторов и текстов. Другое — в “реабилитации” массовой литературы для литературоведческой науки: хотя

исследования, скажем, детективной и фантастической литературы множатся, на них все-таки принято смотреть с некоторым сомнением, с “понижением в ранге” самого исследователя. Более того, от Агаты Кристи и братьев Стругацких до Донцовой все-таки “дистанция огромного размера”. Однако работа И.Л. Савкиной в очередной раз доказывает, что массовая литература, будь она даже ничтожна в художественном отношении, может и должна исследоваться серьезными литературоведами, поскольку скрывает в себе множество социальных, этических и даже эстетических паттернов, которые важны для понимания литературы в разных ее измерениях, от структурного до социологического. Наконец, книга вызывает отчетливое *желание* прочесть многие из разбираемых текстов, читательское любопытство — и самого простого, чисто человеческого толка (чем же дело — сюжет — закончилось, что осталось в исследовательских умолчаниях, лакунах, возникающих в результате отбора материала, — каждая глава довольно лаконична и многое оставляет “за пределами” сложившегося текста) и любопытство исследовательское, побуждающее соотнести анализируемые Савкиной тексты с теми, что остались вне ее, но чем-либо напоминают их или связаны с ними.

Все главы книги теоретически фундированы и в то же время глубоко погружены в материал. Но именно некоторые теоретические предпосылки, избранные автором, вызывают полемический импульс; особенно проблематична теория женского письма, с которой, как кажется, в большой степени солидаризуется И.Л. Савкина. Это идущее от французской феминистской критики, в частности, от Люс Иригарэй, представление о женском тексте как об «аффектированном, децентрированном повествовании, “тексте боли и травматизации”» (с. 83), тексте, написанном на “табуированном языке”, проявляющем себя через “телесный жест, через симптомы болезни и молчание” (с. 415). Вообще говоря, довольно страшно представить себе литературу, которая бы строилась на этих предпосылках — у этой литературы не было бы ни эстетической, ни коммуникативной ценности: человек замкнут в своем страдании и в своем молчании. Это уже антилитература. И представлять женскую литературу как антилитературу, значит, оказывать ей медвежью услугу. К счастью, эти очень радикальные концепции, в высшей степени связанные с постструктуралистской парадигмой вообще (которая тоже есть не вневременная истина, а всего лишь этап, и этап по большому счету пройденный), в книге прочитываются лишь “точечно”, а порой возникает ощущение, что самой И.Л. Савкиной

с ними не очень “уютно” — хотя прямо исследовательница никогда их не оспаривает.

В этом отношении показательна наиболее “теоретическая” глава книги — “Факторы раздражения: о восприятии и обсуждении феминистской критики и гендерных исследований в русском контексте”, которая если и не оказалась “задвинута” куда-то на “задворки” книги, то, во всяком случае, не заняла подобающее ей место концептуального введения. В этой главе И.Л. Савкина не только рассуждает о типичных проблемах рецепции гендерных исследований и их методологии в российском контексте, но и высказывает собственные исследовательские сомнения и сложности. Так, она фиксирует принципиальнейшую контрверзу литературоведческой гендеристики: «...в рамках метаподхода чрезвычайно важна проблематизация, но если ставить собственно филологические задачи, то оказывается “потерян” предмет изучения <...>. Литературоведение как наука с собственным предметом в определенном смысле исчезает — оно становится одним из учебных полигонов, в данном случае — зоной феминистского фило-софствования» (с. 215). Этот момент “навязывания”

литературным текстам заранее определенного гендерными теориями смысла, несомненно, в сильной степени присутствует в филологических работах, использующих гендерную методологию, что делает их монотонными, в конечном счете — едва ли не одинаковыми: доказывається всегда примерно одно и то же. К счастью, И.Л. Савкиной в большой степени удается “обойти” это методологическое препятствие — что свидетельствует не столько о малосущественности оно-го, сколько о личном таланте исследовательницы. И в максимальной степени происходит это в главах, посвященных не художественным текстам (как раз в этих частях книги, особенно рефлексирующих литературу XIX в., названная методологическая контрверза дает о себе знать), а текстам изначально внелитературным, автодокументальным, согретым теплом личного опыта дайаристок. Конечно, как показывает И.Л. Савкина, не только “я пишу”, но и “мною пишут” — господствующие в обществе дискурсы, стереотипы, топосы. Но все-таки — интерес к данному индивидуальному “я”, к конкретному жизненному пути и внутреннему содержанию личности, не исчерпываемый тезисами гендерной теории, здесь побеждает.

В. Б. Зусева-Озкан
Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
v.zuseva.ozkan@gmail.com

Veronika B. Zuseva-Özkan
Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25 a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
v.zuseva.ozkan@gmail.com

Благодарность. Рецензия написана при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) в ИМЛИ РАН.

Для цитирования: Зусева-Озкан В.Б. <Рец.> Савкина И. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 472 с. (Серия “Гендерные исследования”) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 100–102. DOI: 10.31857/S160578800027395-0

Acknowledgements. This review was carried out with support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) at the IWL RAS.

For citation: Zuseva-Özkan, V.B. <Rev.> Savkina I. *Puti, pereputya i tupiki russkoj zhenskoj literatury*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 472 s. (Seriya “Gendernye issledovaniya”) [Review:] Savkina, I. Paths, Crossroads and Dead Ends of Russian Female Literature. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023, 472 p. (“Gender Studies” Series) [In Russ.]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 100–102. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027395-0

Дата поступления материала в редакцию: 17 марта 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 9 мая 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on March 17, 2023

Revised on May 9, 2023

Accepted on June 15, 2023

Date of publication: August 31, 2023

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800027396-1

Вишневская Г. М., Левина Т. В. Фонетическая рапсодия (краткий энциклопедический словарь биографий ученых-фонетистов). М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2021. 296 с.

[Review:] Vishnevskaja, G. M., Levina, T. V. Phonetic Rhapsody (A Brief Encyclopaedic Dictionary of Biographies of Phoneticians). Moscow: Izdatelskij dom Akademii Estestvoznaniija Publ., 2021. 296 p. [In Russ.]

Рецензируемый биографический словарь — первый из посвященных именно фонетистам (речь идет о русскоязычных работах)¹. Известно, что история фонетических наук в целом освещена весьма скудно в отечественных источниках по истории лингвистики [2, с. 3]. Единственным трудом, подробно описывающим становление фонетики, является монография М.В. Гординой “История фонетических исследований” [ibid.], тогда как работ по общей истории языкознания существенно больше (одним из наиболее известных является учебник В.М. Алпатов “История лингвистических учений” [3]). Среди англоязычных трудов по истории фонетики можно выделить лишь работы по частным вопросам, см. обширную библиографию в [4]. Известный сборник [5] посвящен скорее явлениям, нежели персоналиям; книга Элберта Мозеса-младшего с актуальным, казалось бы, названием “Phonetics: History and Interpretation” была подвергнута разгромной критике, см. [6]. Говоря же об истории фонологии, нельзя не упомянуть монографии [7]; [8].

Что касается русскоязычных изданий, посвященных именно биографиям лингвистов, то они весьма разнообразны: это, среди прочих, и трехтомный биобиблиографический словарь М.Г. Булахова “Восточнославянские языковеды” [9], и трехчастный сборник статей “Отечественные лингвисты XX века” под ред. Ф.М. Березина и др. [10], и одноименный справочник [11]². Имеются также более частные работы, где в центре

внимания находятся конкретные персоны [13]–[19] и/или периоды из истории языкознания [20]–[23].

Рассматриваемый словарь был составлен Г.М. Вишневской (профессор Ивановского государственного университета) и Т.В. Левиной (профессор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации) с целью “расширить научный кругозор молодых исследователей и пробудить интерес к самостоятельному теоретическому и экспериментальному исследованию одного из многочисленных аспектов звучащей... речи” [24, с. 20], а также “показать многообразие актуальных вопросов фонетики прошлого и настоящего” [с. 266]. Название “Фонетическая рапсодия”, как поясняют авторы в предисловии, “проистекает из самой музыкальной природы языка и речи” [с. 19]. Структура словаря такова: он начинается с посвящения (автор — Е.Л. Фрейдина), затем следуют предисловие, список персоналий, собственно словарный блок, заключение, список литературы и источников; завершает книгу приложение с текстом песни, исполненной британским фонетистом Гарольдом Пальмером на торжественном обеде по случаю Второго международного фонетического конгресса в 1935 г. Статьи расположены в алфавитном порядке и включают Ф. И. О. (для зарубежных исследователей дается также написание на языке оригинала), даты жизни, фотографию (нередко не самого исследователя, а обложки одной из работ), избранную цитату, а также краткий очерк научной биографии, сферу интересов и список основных трудов. В словаре описано более

исследователей из области педагогики и преподавания языков.

¹ В качестве англоязычного аналога можно было бы упомянуть “Biographical Dictionary of the Phonetic Sciences” под ред. А.Дж. Бронштейна и др., однако это издание резко критиковалось, см. [1].

² Стоит упомянуть и “Лингводидактический биографический словарь” [12] с более широкой тематикой, включающей

200 персоналий, в их числе не только отечественные исследователи, но и представители ряда зарубежных стран.

Говоря о достоинствах рецензируемой книги, стоит отметить широкий перечень отобранных исследователей: это и видные фонетисты прошлого (В.А. Богородицкий, Л.В. Щерба, Д. Джоунз, Э. Зиверс), и современные специалисты (С.В. Князев, О.Ф. Кривнова, И. Лехисте, Дж. Уэлз). Периодически приводятся сведения о произношении (например, ударение в фамилии А.Н. Гвóздева) и нетривиальные замечания наподобие того, что представлено в статье про Л.В. Бондарко (где отмечено, что ее официальное имя было Лия, а предпочитаемое — Лидия). Приведенные в статьях цитаты иногда весьма удачно отражают взгляды того или иного исследователя (как, например, в статье про С. Джонсона), а список научных интересов и трудов (в том числе темы диссертаций) позволяют получить сведения об основных направлениях их исследований. В конце книги приведены списки источников, в том числе с удобной разбивкой по биографиям конкретных ученых.

Ознакомившись со словарем, читатель действительно может получить представление о фонетической науке прошлого и настоящего, особенно при изучении дополнительных источников. Фиксация ряда имен зарубежных исследователей, которые еще не вполне освоены в русскоязычной литературе, может быть полезна при подготовке академических текстов: выбор способа записи имен и фамилий не всегда очевиден³. Наконец, собранный список персоналий пригодится при подготовке новых изданий по истории фонетических наук и лингвистике в целом.

Будучи полезным источником уже в текущем состоянии, рассматриваемый словарь, однако, может быть существенно улучшен (это, кстати, вполне согласуется с заявлением авторов в аннотации⁴). Далее будут сделаны конкретные предложения, которые, как надеется автор рецензии, помогут при подготовке новых изданий “Фонетической рапсодии”.

Для начала приведем несколько технических соображений. Для ряда исследователей, чьи точные даты рождения и/или смерти не указаны, все

же можно получить более конкретную информацию. Например, для Ф. Либермана они доступны даже в Википедии (со ссылками на дополнительные источники). В случае если их невозможно достоверно установить даже с помощью интернета, нужно определиться с тем, что обозначается с помощью указания века. Если в статье про Э.А. Нушикян указано два века, XX–XXI, а для Джанет Пьерхамберт⁵ указан лишь XXI в., значит ли это, что последняя родилась в XXI в. (что, конечно, неверно)? Аналогичное замечание касается и указания стран: очевидно, они не соответствуют странам происхождения (т.к. их не может быть несколько, ср. “Великобритания, Нидерланды” в статье про А. Арванити, которая по происхождению гречанка⁶); но часто они не соответствуют и странам деятельности (ср. “Великобритания” в статье про П. Ладефогед, который дольше всего, ок. 30 лет, проработал в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, США). Наконец, крайне полезным было бы включение в книгу не только указателя имен, но и указателя научных интересов, который позволил бы легко искать исследователей по конкретному направлению.

Местами встречаются весьма странные формулировки типа *известный лингвист классических и германских языков, один из юнграмматиков так называемой “лейпцигской школы”*⁷, как в статье про Э. Зиверса; более корректным было бы сказать, что Зиверс был известным специалистом по классическим и германским языкам, одним из младограмматиков. Недостаточная редакторская работа ощущается и в анахронистических формулировках типа *ученому принадлежит формулировка закона Зиверса — Эджертона* (в той же статье): Зиверс был мертв к тому моменту, когда Ф. Эджертон опубликовал свои предложения по расширению этого “закона”.

Выбор цитат в ряде статей кажется слишком техническим и неперсональным. Например,

⁵ В словаре статья озаглавлена “ПЬЕРХУМБОРДТ, Джейн”, что некорректно: во-первых, имя читается (собственно, и пишется) именно как Джанет; во-вторых, и фонетически, и даже с точки зрения принципов транслитерации *Пьерхумбордт* не соответствует действительности, о чем свидетельствует ряд видеозаписей [25 среди прочих], а также академический узус [26].

⁶ См. ее личный сайт: <https://www.amaliaarvaniti.info/personal>

⁷ Вероятно, эта формулировка полностью скалькирована с англоязычной Википедии: «Eduard Sievers... was a philologist of the classical and Germanic languages. Sievers was one of the Junggrammatiker of the so-called “Leipzig School”» (https://en.wikipedia.org/wiki/Eduard_Sievers). Замена оригинального *philologist* на *лингвист* представляется не вполне оправданной.

³ Впрочем, в словаре в связи с русскоязычной записью иностранных имен собственных имеется ряд проблем, о чем см. ниже.

⁴ “Список персоналий, выбранных авторами настоящего издания, не может претендовать на полный охват ученых в избранной области науки и, безусловно, может быть расширен”.

в статье для А.В. Венцова избранный отрывок сообщает о том, что “частота основного тона является функцией нескольких переменных”; не очень понятно, в чем его функциональная нагрузка (что такое частота основного тона, так и не становится ясно; не раскрывается и личность автора). Вероятно, в некоторых случаях подобные фрагменты необязательны. Нужно обратить внимание и на то, что для всех цитат не приводятся источники, а иноязычные цитаты не переводятся на русский: едва ли владение французским (Ж.-П. Руссло⁸), немецким (Э. Зиверс), украинским (Т.А. Бровченко) является базовой компетенцией молодых специалистов, к которым прежде всего обращено издание.

Как видно из примечаний 5 и 8, в словаре имеются некоторые проблемы с записью иностранных имен собственных. К уже упомянутым можно добавить фамилию Ильзе Лехисте, которая записана как *Леисте* (с указанием варианта *Лехисте*) в словаре, что не соответствует оригинальному⁹ произношению и орфографической записи, а также фамилию Джона Лейвера (англ. *Laver*), переданную транслитерацией как *Лавер*, хотя, например, заглавия статей про *Дэниэла Джоунза* (англ. *Daniel Jones*) и *Эдуарда Зиверса* (нем. *Eduard Sievers*), очевидно, чистыми примерами транслитерации не являются. В следующих изданиях было бы полезно использовать единый способ передачи иностранных имен, привлечь дополнительные источники для верификации трудных случаев, а также в целом привести больше орфоэпических сведений (например, указав ударения во всех именах или хотя бы в менее распространенных типа *Сандро Васильевич Кодзасов*).

Согласно предисловию, “выбор персоналий определялся авторами, прежде всего, на основе имеющихся в специальной литературе ссылок, а также высокой частотности имен ученых в современных текстах научных трудов по фонетике” [24, с. 20]. Безусловно, ни в каком случае составление списка персоналий для словаря не будет полностью лишено субъективности. Для решения вопроса о (не)включении современных исследователей, тем не менее, можно было бы использовать и некоторые более объективные критерии,

⁸ В словаре фамилия некорректно записана как Руссло и Руссо, ср. статьи в Большой советской и ряде других энциклопедий.

⁹ Ср. чтение Ильзе собственной фамилии в записи из Фонетического архива Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (<http://archive.phonetics.ucla.edu/Language/EST/est.html>). В словаре имя записано как *Илзе*, что расходится с академическим узусом, см., например, [27].

например сведения о публикационной активности и цитируемости трудов, как это сделано в [12, с. 5]. В рецензируемом издании ощущается имплицитный уклон в пользу специалистов по преподаванию фонетики английского языка (что подкрепляется и текстом посвящения, открывающим книгу). Иногда дисбаланс очевиден в текстах статей. Так, Питеру Ладефогеду, выдающемуся фонетисту мирового значения, автору классического учебника “*A Course in Phonetics*”, уделено три коротких абзаца. В то же время, специалисту по английской фонетике профессору Пятигорского государственного лингвистического университета Ю.А. Дубовскому посвящена статья, полностью занимающая две страницы¹⁰. Возможно, стоит расширить некоторые имеющиеся статьи, добавив к сведениям о месте работы, должности, ученой степени, наградах и членствах в обществах комментарии о научных достижениях и роли в современной науке. Образцовая в этом плане статья о Ю.А. Дубовском, в которой абзац с техническими сведениями (должности, степени и т.п.) продолжается ярким описанием таланта и тонкой наблюдательности Юрия Александровича, резко контрастирует с сухими замечаниями о Дэниэле Джоунзе (учителе целой плеяды английских фонетистов, создателе современного понятия кардинальных гласных), Эдуарде Зиверсе (одном из первых систематизаторов фонетики), уже упомянутой Джанет Пьерхамберт (из чьих работ выросла самая известная система описания интонации, ToBI; Пьерхамберт же стояла у истоков лабораторной фонологии), Генри Суите (по известному выражению, “научившем Европу фонетике”) и др.

Схожая проблема заключается в том, что при прочтении словаря не удастся установить никакой системы в использовании номинаций типа *известный, выдающийся, крупнейший*. В будущих изданиях хотелось бы понять, по каким критериям конкретный исследователь охарактеризован так или иначе: сейчас в словаре Андре Мартине и его ученик А.А. Зализняк обозначены как *выдающиеся* лингвисты, а учитель Мартине, классик сравнительно-исторического языкознания Антуан Мейе — всего лишь как *известный*. Из-за очевидной градуальности этих характеристик кажется некорректным и то, что Уильям Лабов, основатель современной социолингвистики, чьи исследования включены в программы практически всех лингвистических программ мира, назван

¹⁰ Целью этого пассажа, конечно, не является какая-либо оценка деятельности Ю.А. Дубовского.

просто *известным*¹¹. Вероятно, эта проблема решится сама собой, если убрать эти оценочные характеристики вовсе: сам факт включения в словарь уже свидетельствует о научных заслугах исследователя.

Стоит также отметить, что подзаголовок “Краткий энциклопедический словарь биографий ученых-фонетистов” в сочетании с некоторыми персоналиями, включенными в словарь, порождает ряд курьезов¹². Например, получается, что Н.С. Трубецкой, про которого написана специальная статья, косвенно назван фонетистом. Трудно представить, какой спектр чувств испытал бы Николай Сергеевич (как и прочие включенные в словарь структуралисты), узнав об этом статусе: его холодное отношение к фонетике (вынесенной им за рамки науки о языке) хорошо известно, равно как и категорическое требование к разграничению фонетики и фонологии, непризнание которого, как известно, “объясняется попросту косностью, ленью ума, упорным отрицанием всякой свежей мысли” [28, с. 14]. Видятся два пути устранения приведенного казуса: либо удаление статей для Н.С. Трубецкого и нек. др. нефонетистов из словаря, либо расширение тематики новых изданий до фонетики и фонологии, что потребует существенного увеличения списка персоналий и частичного пересмотра концепции издания.

В завершение хочется подчеркнуть, что “Фонетическая рапсодия” — уникальный труд по истории фонетики, не имеющий точных аналогов среди существующей русскоязычной литературы. Словарь, безусловно, обладает потенциалом и может стать полезным справочным пособием для фонетистов (и даже не только начинающих) и для всех тех, кто интересуется историей фонетики и лингвистики в целом. Для этого, однако, в будущих изданиях требуется сделать ряд правок и дополнений; автор рецензии надеется, что ему

удалось внести свой скромный вклад в выполнение этой задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Abercrombie D.* Biographical Dictionary of the Phonetic Sciences. Ed. by Arthur J. Bronstein, Lawrence J. Raphael, Cj Stevens // *Historiographia Linguistica*. 1978. Vol. 5, № 3. P. 313–318.
2. *Гордина М.В.* История фонетических исследований (от античности до возникновения фонологической теории). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 538 с.
3. *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.
4. *Koerner E.F.K.* Historiography of Phonetics: The State of the Art // *Journal of the International Phonetic Association*. 1993. Vol. 23, № 1. P. 1–12.
5. Towards a history of phonetics / Abercrombie D., Asher R.E., Henderson E.J.A. (Eds). Edinburgh: University Press, 1981. 317 p.
6. *Ladefoged P.* Phonetics: History and Interpretation. Elbert R. Moses, Jr. // *International Journal of American Linguistics*. 1965. Vol. 31, № 2. P. 182–183.
7. *Anderson S.R.* Phonology in the Twentieth Century: Second edition, revised and expanded. Berlin: Language Science Press, 2021.
8. *The Oxford History of Phonology* / Ed. Dresher B.E., Van Der Hulst H. Oxford: Oxford University Press, 2022.
9. *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. Минск: Издательство БГУ им. В.И. Ленина, 1976. Т. 1.
10. Отечественные лингвисты XX века / под ред. Березина Ф.М. и др. М.: ИНИОН РАН, 2002. Т. 1.
11. Отечественные лингвисты XX века / под ред. Потапова В.В. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 808 с.
12. *Шукин А.Н., Московкин Л.В., Янченко В.Д.* Лингводидактический биографический словарь. М.: Русский язык. Курсы, 2022. 528 с.
13. *Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки русской культуры, 2005. 432 с.
14. *Сичинава Д.В.* [Рец. на:] В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки русской культуры, 2005. 432 с. // *Вопросы языкознания*. 2006. № 5. С. 118–122.
15. *Алпатов В.М.* Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012. 376 с.
16. *Бурас М.М.* Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников. М.: Индивидуум, 2019. 360 с.
17. *Плунгян В.А.* [Рец. на:] М. Бурас. Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее

¹¹ При этом статья про Ю.А. Дубовского (см. выше) начинается со слова *выдающийся*. Очевидно, что статья про У. Лабова заслуживает как минимум того же.

¹² Приведенный далее пример — лишь один из нескольких. Например, Александр Мелвилл Белл назван известным *британским* ученым, хотя на самом деле Белл шотландских корней. В его научных интересах указана фонология, что является анахронизмом: во времена Белла она еще не оформилась как отдельная наука. В интересах же Д. Джоунза упомянута орфоэпия, прескриптивная наука, что расходится с его взглядами, отраженными, например, во введении к известному “An English Pronouncing Dictionary”: “The book is a record of facts, not of theories or personal preferences. No attempt is made to decide how people *ought* to pronounce...” Ср. тж. аналогичное замечание в [1, с. 315].

- участников. М.: Индивидуум, 2019. 360 с. ISBN 978-5-6042627-7-1 // Вопросы языкознания. 2020. № 2. С. 124–127.
18. Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов) / под ред. Горизонтова Л.Е. М.: Индрик, 2004. 432 с.
 19. Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова / под ред. Боруновой С.Н., Плотниковой-Робинсон В.А. М.: Институт русского языка, 2004. 404 с.
 20. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. 3-е изд. М.: УРСС, 2011. 288 с.
 21. Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб.: Нестор-История, 2018. 629 с.
 22. Бурас М.М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: Редакция Елены Шубиной; Издательство АСТ, 2022. 410 с.
 23. Рахилина Е.В. [Рец. на:] Бурас М.М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 410 с., ил. (Великие шестидесятники) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 109–114.
 24. Вишневецкая Г.М., Левина Т.В. Фонетическая рапсодия (краткий энциклопедический словарь биографий ученых-фонетистов). М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2021. 296 с.
 25. 50 years of Linguistics at MIT, Lecture 8. 2011. URL: <https://youtu.be/UvQNKtJ598U>
 26. Янко Т.Е. Интонация речевых действий. Многозначность или диффузность значений? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции “Диалог 2007” (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 618–625.
 27. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Ярцевой В.Н. М.: Советская энциклопедия, 1990.
 28. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / под ред. Кацнельсона С.Д.; пер. Холодовича А.А. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
 - Filologicheskij fakultet SPbGU Publ., 2006. 538 p. (In Russ.)
 3. Alpatov, V.M. *Istorija lingvisticheskikh uchenij* [History of Linguistic Studies]. Moscow, Jazyki slavyanskoj kultury Publ., 2005. 368 p. (In Russ.)
 4. Koerner, E.F.K. Historiography of Phonetics: The State of the Art. Journal of the International Phonetic Association. 1993, Vol. 23, No. 1, pp. 1–12.
 5. Towards a history of phonetics. (Eds.) Abercrombie, D., Asher, R.E., Henderson, E.J.A. Edinburgh, University Press, 1981. 317 p.
 6. Ladefoged, P. Phonetics: History and Interpretation. Elbert R. Moses, Jr. International Journal of American Linguistics. 1965, Vol. 31, No. 2, pp. 182–183.
 7. Anderson S.R. Phonology in the Twentieth Century: Second edition, revised and expanded. Berlin, Language Science Press, 2021.
 8. The Oxford History of Phonology. (Eds.) Dresher, B.E., Van Der Hulst, H. Oxford, Oxford University Press, 2022.
 9. Bulakhov, M.G. *Vostocho-slavjanskije jazykovedy: Bio-bibliograficheskij slovar* [East Slavic Linguists: Bio-bibliographical Dictionary]. Minsk, Izdatelstvo BGU im. V.I. Lenina Publ., 1976, Vol. 1. (In Russ.)
 10. *Otechestvennye lingvisty XX veka* [Russian Linguists of the 20th Century]. (Eds.) Berezin, F.M. et al. Moscow, INION RAN Publ., 2002, Vol. 1. (In Russ.)
 11. *Otechestvennye lingvisty XX veka* [Russian Linguists of the 20th Century]. (Ed.) Potapov, V.V. Moscow, Izdatelskij dom JASK Publ., 2016. 808 p. (In Russ.)
 12. Shchukin, A.N., Moskovkin, L.V., Yanchenko, V.D. *Lingvodidakticheskij biograficheskij slovar* [Linguo-didactic Biographical Dictionary]. Moscow, Russkij jazyk. Kursy Publ., 2022. 528 p. (In Russ.)
 13. Alpatov, V.M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, Jazyki russkoj kultury Publ., 2005. 432 p. (In Russ.)
 14. Sichinava, D.V. [Review:] V.M. Alpatov. Voloshinov, Bakhtin and Linguistics. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2006, No. 5, pp. 118–122. (In Russ.)
 15. Alpatov, V.M. *Jazykovedy, vostoikovedy, istoriki* [Linguists, Orientalists, Historians]. Moscow, Jazyki slavyanskikh kultur Publ., 2012. 376 p. (In Russ.)
 16. Buras, M.M. *Istina sushchestvuet. Zhizn Andreja Zaliznyaka v rasskazakh ee uchastnikov* [The Truth Exists. The Life of Andrey Zaliznyak in the Stories of Its Participants]. Moscow, Individuum Publ., 2019. 360 p. (In Russ.)
 17. Plungian, V.A. [Review:] M. Buras. *Istina sushchestvuet. Zhizn Andreja Zaliznyaka v rasskazakh ee uchastnikov* [The Truth Exists. The Life of Andrey Zaliznyak in the Stories of Its Participants]. Moscow, Individuum Publ., 2019. 360 p. ISBN 978-5-6042627-7-1. *Voprosy*

REFERENCES

1. Abercrombie, D. Biographical Dictionary of the Phonetic Sciences. Ed. by Arthur J. Bronstein, Lawrence J. Raphael, Cj Stevens. *Historiographia Linguistica*. 1978, Vol. 5, No. 3, pp. 313–318.
2. Gordina, M.V. *Istorija foneticheskikh issledovanij (ot antichnosti do vozniknovenija fonologicheskoi teorii)* [History of Phonetic Studies (From Antiquity to the Emergence of Phonological Theory)]. St. Petersburg,

- jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2020, No. 2, pp. 124–127. (In Russ.)
18. Robinson, M.A. *Sudby akademicheskoy elity: otechestvennoye slavyanovedeniye (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [Lives of the Academic Elite: Russian Slavonic Studies (1917 – Early 1930s)]. (Ed.) Gorizontov, L.E. Moscow, Indrik Publ., 2004. 432 p. (In Russ.)
 19. *Ottsy i deti Moskovskoy lingvisticheskoy shkoly: Pamyati Vladimira Nikolaevicha Sidorova* [Fathers and Sons of the Moscow Linguistic School: In Memory of Vladimir Nikolaevich Sidorov]. (Eds.) Borunov, S.N., Plotnikov-Robinson, V.A. Moscow, Institut russkogo yazyka Publ., 2004. 404 p. (In Russ.)
 20. Alpatov, V.M. *Istorija odnogo mifa: Marr i marrizm* [History of a Myth: Marr and Marrism]. 3rd ed. Moscow, URSS Publ., 2011. 288 p. (In Russ.)
 21. Baskhanov, M.K. *Istorija izuchenija vostochnykh jazykov v russkoj imperatorskoj armii* [History of Eastern Language Studies in the Russian Imperial Army]. St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2018. 629 p. (In Russ.)
 22. Buras, M.M. *Lingvisty, prishedshie s kholoda* [Linguists Who Came in from the Cold]. Moscow, Re-daktsiya Eleny Shubinoj; Izdatelstvo AST Publ., 2022. 410 p. (In Russ.)
 23. Rakhilina, E.V. [Review:] Buras, M.M. *Linguists Who Came in from the Cold*. Moscow, AST Publishing House: Editorial of Elena Shubina, 2022. 410 p., ill. (Series The Great Sixties) [in Russ.] *Izvestiya RAN*.
 - Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 109–114. (In Russ.)
 24. Vishnevskaja, G.M., Levina T.V. *Foneticheskaja rapsodija (kratkij entsyklopedicheskij slovar biografij uchenykh-fonetistov)* [Phonetic Rhapsody (A Brief Encyclopaedic Dictionary of Biographies of Phoneticians)]. Moscow, Izdatelskij dom Akademii Estestvoznaniya Publ., 2021. 296 p. (In Russ.)
 25. 50 years of Linguistics at MIT, Lecture 8 [Online]. 2011. URL: <https://youtu.be/UvQNKJT598U>
 26. Yanko, T.E. *Intonatsija rechevykh deystvij. Mnogoznachnost ili diffuznost znacheni?* [Performative Intonation. Is It Polysemantic, or Highly Abstract in Meaning?]. *Kompjuternaja lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog 2007" (Bekasovo, May 30 – June 3, 2007)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog 2007" (Bekasovo, May 30 – June 3, 2007)]. Moscow, Izdatelstvo RGGU Publ., 2007, pp. 618–625. (In Russ.)
 27. *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. (Eds.) Yartseva, V.N. Moscow, Sovetskaja entsiklopedija Publ., 1990. (In Russ.)
 28. Trubetzkoy, N.S. *Osnovy fonologii* [Principles of Phonology]. (Ed.) Katznelson, S.D. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 352 p. (In Russ.)

Ю. Ю. Макаров,
лаборант-исследователь
Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1,
приглашенный исследователь Национального исследовательского
университета "Высшая школа экономики",
Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
yurmak@iling-ran.ru

Yury Y. Makarov,
Research Assistant at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 Bld. 1 Bolshoy Kislovskiy Lane, Moscow, 125009, Russia,
Visiting Researcher at the HSE University
24/1 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066 Russia
yurmak@iling-ran.ru

Благодарность. Я благодарен В.А. Плунгяну и Ю.В. Макарову за ценные комментарии к черновику этой рецензии. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-034 "Полевые и корпусные исследования языков шугнано-рушанской группы") в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики"» (НИУ ВШЭ).

Для цитирования: Макаров Ю.Ю. <Рец.>. Вишневская Г. М., Левина Т. В. Фонетическая рапсодия (краткий энциклопедический словарь биографий ученых-фонетистов). М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2021. 296 с. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 103–109. DOI: 10.31857/S160578800027396-1

Acknowledgements. I am grateful to Vladimir A. Plungian and Yury V. Makarov for their comments on the draft of this review. The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant № 22-00-034 'Field and Corpus Research on the Languages of the Shughni-Rushani Group').

For citation: Makarov, Y. <Rev.> Vishnevskaja G. M., Levina T. V. *Foneticheskaja rapsodija (kratkij entsiklopedicheskij slovar biografij uchenykh-fonetistov)*. M.: Izdatelskij dom Akademii Estestvoznaniya, 2021. 296 s. [[Review:] Vishnevskaja, G. M., Levina, T. V. *Phonetic Rhapsody (A Brief Encyclopaedic Dictionary of Biographies of Phoneticians)*. Moscow: Izdatelskij dom Akademii Estestvoznaniya Publ., 2021. 296 p. [In Russ.]]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 103–109. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027396-1

Дата поступления материала в редакцию: 29 апреля 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 9 июня 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on April 29, 2023

Revised on June 9, 2023

Accepted on June 15, 2023

Date of publication: August 31, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027397-2

Международная научная конференция “Русская разговорная речь начала XXI века” (Четырнадцатые Шмелевские чтения)

An International Scholarly Conference “Russian Colloquial Speech of the Beginning of the 21st Century” (The Fourteenth Shmelev Readings)

23–25 февраля 2023 года в Москве состоялась Международная научная конференция “Русская разговорная речь начала XXI века” (Четырнадцатые Шмелевские чтения). Чтения памяти академика Дмитрия Николаевича Шмелева (1926–1993) проводятся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН с 1994 года. На конференции обсуждались такие темы, как лексикографическое описание разговорной речи, ее функциональное разнообразие и взаимоотношения с другими некодифицированными подсистемами русского языка, а также с кодифицированным литературным языком, активные процессы в разговорной лексике, изменения в социальном и коммуникативном статусе разговорной речи.

В конференции приняли участие российские ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Калуги, Саратова, Красноярска, Перми, Новосибирска, Омска, Воронежа, а также зарубежные исследователи из Минска, Потсдама, Будапешта и Нового Орлеана.

За три дня Чтений было прочитано и обсуждено 76 докладов: 29 — на пленарных заседаниях, 47 — на секционных. Конференция проходила в смешанном формате: офлайн и онлайн (на платформе Zoom).

Краткое приветственное слово произнесла к. ф. н. **Е.Я. Шмелева**, заместитель директора по научной работе Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Утреннее пленарное заседание открылось докладом д. ф. н. **М.Л. Каленчук** (Москва) “Существует ли феномен разговорного ударения?”, в котором рассматривались случаи различения вариантов ударения в речи одного и того же человека в зависимости от ситуации общения. Были представлены результаты опроса образованных носителей языка: им было предложено назвать

слова, которые они произносят по-разному в публичной и непринуждённой речи (*баловáть / бáловать, включйшь / вклю́чишь, свёкла / свекла́*). Анализ ответов респондентов приводит к выводу, что распределение подобных вариантов выглядит как реализация противопоставления кодифицированный vs разговорный.

В докладе д. ф. н. **Н.Г. Брагиной** (Москва) “Прагматика и культурная семантика речевых клише в словаре” речь шла о принципах построения комментария в словаре речевых клише, в частности соотношении прагматической и социокультурной информации. На примере фрагментов лингвопрагматических и социокультурных комментариев обсуждались причины, по которым прагматическая информация может дополняться социокультурной. Рассматривались факторы, которые влияют на соотношение указанных типов информации в словаре речевых клише.

Совместный доклад **И.А. Букринской** и к. ф. н. **О.Е. Кармаковой** (Москва) “Местный язык как знак самобытности в современном сознании” был посвящен таким актуальным вопросам региональной разговорной речи, как различение регионализмов и диалектизмов, соотношение регионального и общерусского просторечия, а также разграничение функционально-стилистического просторечия и экспрессивно-разговорной лексики.

Доклад к. ф. н. **Е.Я. Шмелевой** (Москва) «Конкурсы “Слово года”: принципы отбора лексики» был посвящен принципам отбора “слов года” в разных странах и разных институтах (например, Google, Webster и др.). В этих конкурсах широко представлены слова со сниженной стилистической окраской: разговорные, жаргонные, сленговые и т.п. Е.Я. Шмелёва отметила, что

списки указанных слов являются источником интереснейшего материала для составителей словарей разговорной речи.

Д. ф. н. **М.Н. Приёмышева** (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Лингвокреативный потенциал русской разговорной речи (по материалам “Словаря русского языка коронавирусной эпохи”»». Проанализировав новую лексику с компонентами *ковид*- и *корона*-, их сочетаемость и идиоматику, докладчик обратила внимание на богатый потенциал русского разговорного словотворчества. Ограничения этого потенциала обусловлены, с одной стороны, экстралингвистическим контекстом, с другой — возможностями языковой системы.

В докладе д. ф. н. **А.Б. Летучего** (Москва) “Семантическое согласование по множественному числу с названиями коллективов в русской разговорной речи и интернет-коммуникации” рассматривались примеры семантического согласования с существительными — названиями коллективов. Докладчик отметил, что в первую очередь эта тенденция проявляется при согласовании с иностранными именами собственными (*Сяоми выпустили новинку*). Кроме того, были проанализированы разные типы согласования (глагольного, адъективного и др.) с названиями коллективов.

Утреннее пленарное заседание завершилось докладом д. ф. н. **М.А. Кронгауза** (Москва) “Разговорная речь и личные имена”, в котором речь шла о личных именах как об особой лексической группе, обладающей специфическими свойствами на разных уровнях: прагматическом, семантическом, словообразовательном и морфологическом. В фокусе внимания докладчика были обращения, которые являются коммуникативной точкой, в которой устанавливаются отношения между собеседниками (говорящий их предлагает, а адресат может корректировать).

Вечернее пленарное заседание открылось выступлением д. ф. н. **Р.И. Розиной** (Москва) “Скованные одной цепью: междометия и глаголы в русской разговорной речи”. В докладе шла речь о части речи, которая не имеет общепринятого названия: исследователи называют ее глагольным / сказуемым междометием, глаголом ультрамоментального действия и т.д. (*чих, бабах, шашь* и т.п.). Рассматривается целый комплекс проблем, связанных с описанием таких слов: источники и способ их образования, тематические группы глаголов, от которых могут быть

образованы исследуемые формы, полисемия отмеждометных глаголов и омонимия глагольных форм и нек. др.

Доклад д. ф. н. **И.А. Шаронова** (Москва) “Стереотипные единицы диалога” был посвящен стереотипным репликам, прагматически привязанным к типовым ситуациям. Такие реплики упрощают и автоматизируют бытовое взаимодействие коммуникантов. Представлена классификация стереотипных формул: ситуативных (сохраняют лексическое значение и одновременно передают информацию о типовой ситуации их использования) и дискурсивных (привязаны и к ситуации, и к их стандартному месту в дискурсивном взаимодействии). К последним относятся так называемые рутины (побудительные междометия и коммуникативы) и гамбиты (вводные дискурсивы и постфразовые диалогические частицы).

В совместном докладе д. ф. н. **О.Б. Сиротининой** и д. ф. н. **А.В. Дегальцевой** (Саратов) “Об активных процессах в современной разговорной речи” обсуждались главным образом лексические процессы, которые наблюдаются в разговорной речи начала XXI в.: продолжается активное пополнение словарного состава русского языка заимствованиями из английского, связанными в первую очередь с такими экстралингвистическими факторами, как усиление глобализации и цифровизации, пандемия коронавируса (*лайфхак, онлайн, риелтор, ковид* и т.д.), появление новых значений у прилагательных и наречий (*люто любить, вприкуску с кефиром, токсичный человек* и т.д.); появление новых функций у личных и указательных местоимений в разговорной речи (*Бабушки/они такие; И/мальчик этот/на меня смотрит/и я такая просто такая загибаюсь/он такой вначале смеётся...*) и нек. др.

Вопросы определения термина “разговорная речь” и ее социального и коммуникативного статуса в начале XXI столетия были затронуты в выступлении д. ф. н. **М.А. Кормилицыной** (Саратов) “О статусе разговорной речи и ее месте в изменяющемся коммуникативном пространстве России начала XXI века”. Обсуждались, в частности, определяющие признаки этой разновидности литературной речи (такие как непосредственность общения, спонтанность речи); изменения, затронувшие эти признаки в связи с развитием информационных технологий и активным внедрением во все сферы жизни человека дистанционных методов деятельности.

В докладе д. ф. н. **Л.Л. Шестаковой** (Москва) “Стилистически сниженная лексика как часть

словаря современной поэзии” был представлен анализ языковых единиц, имеющих сниженную стилистическую окраску, на материалах издания “Русская поэтическая речь — 2016. Антология анонимных текстов”. Экспрессивный потенциал исследуемой лексики реализуется в поэтических текстах по-разному. Стилистически сниженные слова участвуют в формировании звукового облика произведения, его образного строя и т.д. Среди рассматриваемых лексических единиц встречаются и повторяющиеся, используемые разными поэтами (*алкаш, лыбиться*), иногда образующие словообразовательные гнезда (*бомж, бомжеватый, бомжара*).

Д. ф. н. **Е.В. Рахилина** (Москва) в своем выступлении “Вполне *приличный* доклад” описала семантическое развитие прилагательного *приличный* и связанное с этим расширение его сочетаемости. Как показывает исследование его семантики, исторически восходящей к существительному *лицо* (*при-личный*) и связанной с идеей соответствия принятым социальным правилам, сдвиг в его значении является закономерным процессом, которому следуют и другие лексемы, близкие слову *приличный* на разных этапах его семантического развития.

Закрыв первый день Чтений доклад д. ф. н. **А.Д. Шмелева** (Москва) “Прагматикализация в разговорной речи”, посвященный вехам прагматикализации языковых единиц при их использовании в разговорной речи. Докладчик относит к таким вехам прагматическую обязательность (когда в отсутствие некоторой дискурсивной единицы высказывание может породить ложные импликатуры) и семантическое “выветривание” (когда семантическое содержание единицы в конкретном высказывании трудно определимо). Подчеркивалась необходимость детального анализа каждого использования языковой единицы, у которой предполагается завершение процесса прагматикализации.

Во второй день конференции работало три секции: “Лексические и грамматические особенности русской разговорной речи”, “Лексикографическое представление русской разговорной речи” и “Сферы существования русской разговорной речи”.

В секции 1 “Лексические и грамматические особенности русской разговорной речи” прозвучало 17 выступлений, посвящённых семантическим, синтаксическим, стилистическим и фонетическим особенностям разговорной речи первых десятилетий XXI в.

Заседание первой секции открылось докладом д. ф. н. **С.В. Князева** (Москва) “Интонация ответных диалогических реплик в архангельских говорах и литературный контур ИК-4”, в котором обсуждались результаты анализа ответных диалогических реплик в пяти архангельских говорах. К. ф. н. **Е.С. Громенко** (Санкт-Петербург) в своем выступлении “QR-код: от термина к слову разговорной речи” описала этапы освоения термина QR-код русскоязычной неспециализированной средой: от графической адаптации слова до появления его разговорных вариантов (*куар, кьюар, кюар*), их деривационной активности, а также их вовлечения в процессы языковой игры. В докладе к. ф. н. **А.В. Птенцовой** (Москва) «*Очень женщина и немножко блондинка*: об одном случае нестандартной сочетаемости наречий степени в современном русском языке» речь шла о развитии сочетаемости наречий степени *очень, немного, немножко* и *слегка* с существительными, обозначающими людей, в русской разговорной речи последних десятилетий. Д. ф. н. **Е.В. Урысон** (Москва) выступила с докладом “Единицы *не доходя / не доезжая (до станции)*: употребление, грамматический статус”, в котором оспаривалась трактовка подобных единиц в традиционной грамматике как производных предлогов и обсуждались возможности их альтернативного описания. Выступление к. ф. н. **Н.А. Николиной** (Москва) “Функционирование усечений в современной русской речи” было посвящено тенденциям функционирования усечений в русской речи начала XXI в., таким как широкое использование заимствований, взаимодействие усечения с суффиксацией, возникновение новых тематических групп дериватов, распространение усечения как сокращения на слова других частей речи, кроме существительных.

В докладе **Е.В. Скачковой** (Москва) “Множественная интенсификация непроецессуального признака: об одной особенности русской разговорной речи” были рассмотрены неязыковые примеры множественной интенсификации (*суперультрамодные сапоги, очень архиважное мероприятие*), причины их появления и функционирование в разговорной речи начала XXI в. Д. ф. н. **М.Я. Дымарский** и **М.Р. Копосова** (Санкт-Петербург) выступили с совместным докладом «К интонационному оформлению так называемых “нерасчлененных” высказываний», в котором были описаны результаты эмпирического исследования высказываний типа *Наступила весна*. Докладчики предложили их альтернативную интерпретацию как высказываний с нулевой темой с хронотопическим значением. К. ф. н.

Е.Н. Никитина (Москва) представила совместный с **М.А. Станкевичем** доклад “Эмотивные предикаты с отрицанием: опыт интерпретации результатов автоматического анализа текста”. Было проанализировано употребление эмотивов с отрицанием на материале двух корпусов текстов разного времени и разной жанровой принадлежности: с одной стороны, политических дискуссий в YouTube, с другой — романов и повестей Ф.М. Достоевского. Конструкциям с усилением отрицания был посвящен доклад к. ф. н. **А.В. Малышевой** (Москва) “Выбор падежа прямого объекта при глаголе в конструкциях с усилением отрицания”. В выступлении д. ф. н. **Л.В. Балашовой** (Саратов) “Разговорные метафоры со значением оценки человека в языке и речи XXI в.” рассматривались метафорические номинации человека, ядро значений которых составляет обобщенный позитивный / негативный аксиологический компонент.

К. ф. н. **О.В. Антонова** (Москва) в докладе “О некоторых особенностях акцентных парадигм существительных ж. р. и м. р. в устной речи носителей литературного языка” описала случаи расхождения рекомендаций орфоэпических словарей с произношением, принятым в устном носителей литературного языка. В докладе **Н.И. Киреева** (Москва) “Хорошо забытые старые слова в современном языке: *ибо* и *дабы*” речь шла об активном употреблении в современном русском языке союзов *ибо* и *дабы*, которые считаются устаревшими, о стилистическом сдвиге в их функционировании и его возможных причинах. Анализ изменения значения слова *волонтер* с начала XVII в. до настоящего времени был посвящен доклад **О.В. Трефиловой** (Москва) “О волонтере”. Д. ф. н. **С.А. Бурлак** (Москва) выступила с докладом “История одного суффикса: морфонология в разговорной речи”, в котором рассмотрела морфонологические особенности суффикса *-(р)аст* со значением ‘отвратительный приверженец того, что обозначено основой’, появившегося и активизировавшегося в русской разговорной речи конца XX — начала XXI в. В докладе к. ф. н. **О.И. Северской** (Москва) «“Сюда я больше ... не едок?” (Об экспансии императива *едь!* в разговорной речи последних десятилетий)» обсуждался статус формы повелительного наклонения *едь!*, которая в последние десятилетия демонстрирует тенденцию к нормализации. Позициям оценки в семантической структуре высказывания на материале повседневной речи жителей Красноярск был посвящен доклад д. ф. н. **Е.В. Осетровой** (Красноярск) “Оценка и варианты ее контекстного развития в повседневной речи”.

Закрылось заседание первой секции выступлением д. ф. н. **А.Н. Еремина** (Калуга) “Семантика и типы прагматических значений, относящихся к лицу”, в котором обсуждалось разнообразие прагматической семантики и некоторые ее закономерности в современной разговорной речи.

В секции 2 “Лексикографическое представление русской разговорной речи” было прослушано 13 выступлений.

С совместным докладом «Разговорная лексика русского языка в лексикографическом освещении: денотативно-идеографический аспект (на материале словаря-тезауруса “Алфавит эмоций”)» выступили д. ф. н. **Л.Г. Бабенко** и **В.В. Данилова** (Екатеринбург). Были проанализированы закономерности категоризации и концептуализации эмотивной лексики, употребляемой в разговорной речи, в сопоставлении с аналогичной лексикой в кодифицированном литературном языке. В выступлении д. ф. н. **Т.В. Матвеевой** (Екатеринбург) “К проблеме фразового словаря разговорной речи” была описана концепция идеографического фразового словаря коммуникативов разговорной речи. Доклад **Е.Г. Жидковой** (Москва) “Гиперо-гипонимическая организация лексических единиц разговорной речи (на примере группы слов, обозначающих человека по признаку ‘физически слабый’)” был посвящен вопросам, связанным с построением гиперо-гипонимических групп слов разговорной речи в сопоставлении с их организацией в кодифицированном литературном языке. К. ф. н. **Н.Н. Розанова** (Москва) в докладе «“Имя ситуации” как особый тип номинации в РР и проблемы его словарного описания» рассмотрела слова-наименования типовых ситуаций (например, *картошка* ‘организованный сбор урожая картофеля городскими жителями, в основном студентами’, *чёс* ‘серия гастролей представителей творческих профессий (артистов, писателей, музыкантов и т.п.) или политиков в разные места с целью заработка, саморекламы и т.п.’) и особенности их сочетаемости в различных разговорных контекстах. Сочетания слов, имеющих противоположные оценочные компоненты, обсуждались в докладе к. ф. н. **А.В. Занадворовой** (Москва) “Сочетания слов с противоположным оценочным значением в разговорной речи (*страшно красивый* и *безумно умный*; *полезная гадость* и *ценный хлам*)”. В частности, анализировались возможные причины таких употреблений в русской разговорной речи (развитие нового значения слова, соположение в высказывании разных точек зрения, а также проявление иронии или языковой игры).

В докладе к. ф. н. **А.Р. Пестовой** (Москва) “Изменение стилистического статуса слова в свете корпусных данных” речь шла о зависимости стилистического статуса слова от степени его употребительности и о корпусных методах исследования такой зависимости. К. ф. н. **Е.В. Какорина** (Москва) выступила с докладом “Семантические конденсаты как особые типы номинаций в разговорной речи”, в котором проанализировала узальный / окказиональный статус семантических конденсатов, их стилистическую характеристику, а также обсудила проблемы лексикографического описания многозначных и омонимичных семантических конденсатов. К. ф. н. **И.В. Фуфаева** и к. ф. н. **О.Г. Згировская** (Москва) представили совместный доклад “Проблемы лексикографического описания разговорных феминитивов”, в котором описали основные принципы работы над словарем феминитивов, который готовится к изданию в 2023 г. коллективом под руководством д. ф. н. М.А. Кронгауза. Вопросам словарного описания названий растений был посвящен доклад к. ф. н. **А.С. Кулевой** (Москва) “Стилистический статус и лексикографическая фиксация разговорных названий растений”. Докладчик обратил внимание на то, что целый пласт употребительных лексем из указанной семантической группы незаслуженно остается за пределами лексикографического описания. В докладе к. ф. н. **О.А. Шарыкиной** (Москва) «Ахнуться, шмякнуться и другие глаголы со значением ‘упасть’ и ‘удариться’ в “Толковом словаре русской разговорной речи”» рассматривались проблемы словарного описания многозначных глаголов, а также глаголов со сложным значением.

Лексикографическое отражение изменений стилистического статуса слов и их отдельных значений обсуждалось в докладе **Е.Э. Базарова** (Москва) «“Малый академический словарь” vs “Академический толковый словарь русского языка”: особенности отражения сниженной лексики». В докладе к. ф. н. **Е.В. Пурицкой** (Санкт-Петербург) “Интерпретация диалектной лексики в современных словарях литературного языка и проблема нормативности” анализировалось функционирование слов диалектного происхождения в современном русском языке, а также их описание в толковых и диалектных словарях. Д. ф. н. **С.А. Крылов** (Москва) выступил с докладом “Опыт создания металингвистического корпуса работ Московской школы функциональной социолингвистики”, в котором описал структуру и принципы организации Металингвистического корпуса РЯ, аккумулирующего научные лингвистические тексты.

В секции 3 “Сферы существования русской разговорной речи” прозвучало 17 докладов.

Д. ф. н. **О.Ю. Крючкова** (Саратов) в докладе “Некодифицированные лексические элементы в речи диалектоносителей” рассмотрела разновидности некодифицированной лексики на материалах записей устной речи грамотных старообрядцев — носителей среднерусского поволжского говора. Выступление д. ф. н. **В.В. Дементьева** (Саратов) “Новые жанры русской разговорной и нелитературной речи и их метафорические и неметафорические номинации” было посвящено новейшим заимствованиям и метафорам, которые, с одной стороны, являются именами жанров разговорной и нелитературной речи, с другой — сами используются в разговорной и нелитературной речи, будучи разговорными или сленговыми (*чат, троллинг; вброс, развод*). Д. ф. н. **А.Н. Байкулова** (Саратов) представила доклад “Функциональные варианты разговорной речи”, в котором были проанализированы характеристики голосовых сообщений как электронной разновидности разговорной речи. В докладе д. ф. н. **Н.А. Купиной** (Екатеринбург) “Аксиологическая составляющая диалогического общения горожан-уральцев” были описаны аксиологически значимые участки наивной языковой картины мира, выявленные на материале аудиозаписей спонтанной разговорной речи. Д. ф. н. **И.Т. Вепрева** (Екатеринбург) выступила с докладом “Новые сферы употребления РР: эргонимы-реплики в ономастическом пространстве города”, в котором представила несколько классификаций новой продуктивной группы городских эргонимов — эргонимов-реплик. Д. ф. н. **Е.В. Ерофеева** (Пермь) представила совместный с д. ф. н. **Т.И. Ерофеевой** доклад “Разговорная, просторечная и региолектная лексика в речи жителей города: социолингвистический аспект”. Были представлены результаты проекта по изучению социального варьирования региолекта в городе Соликамске Пермского края. В докладе к. ф. н. **А.Д. Козеренко** и к. ф. н. **К.Л. Киселёвой** (Москва) «*Изи катка, ван лав, Добби свободен* и другие частотные разговорные неологизмы: источники и механизмы идиоматизации» были описаны некоторые новые выражения, которые появились в разговорной речи, развитие их значения и источники их происхождения. Анализу лексики, используемой участниками парфюмерных интернет-форумов для описания запахов, было посвящено выступление к. ф. н. **Е.Г. Басалаевой** (Новосибирск) “Семантико-стилистические особенности лексики обонятельного восприятия в парфюмерном дискурсе”. В совместном докладе к. ф. н. **Е.Ю. Булыгиной** и д. ф. н. **Т.А. Трипольской**

(Новосибирск) “Динамические процессы в разговорной эмотивно-оценочной лексике (корпусное исследование)” обсуждались разговорные слова из лексической группы ‘безвольный, бесхарактерный человек’ (*тюфяк, кисель, размазня, рохля* и мн. др.). Завершилось утреннее заседание третьей секции докладом **А.В. Каминской** (Санкт-Петербург) «“Хочу услышать родной голос”: голосовое сообщение как реализация особых коммуникативных функций повседневного общения», в котором анализировались особенности такой формы интернет-коммуникации, как голосовые сообщения в мессенджерах.

Д. ф. н. **О.С. Иссерс** (Омск) представила доклад «“Разговорный нейминг”, или Повседневная речь как ресурс коммерческих номинаций городских объектов», в котором разговорная речь рассматривалась в аспекте современного коммерческого нейминга. Были описаны различные новые городские эргонимы, реализующие те или иные особенности (лексические, синтаксические, фонетические) разговорной речи. В выступлении д. ф. н. **К.М. Шилихиной** (Воронеж) “*По сути и по существу*: маркеры эпистемической оценки в устной речи и компьютерно-опосредованной коммуникации” анализировались прагматические характеристики дискурсивов, указанных в названии доклада, на материале их словарных описаний, с одной стороны, и устного подкорпуса НКРЯ и ГИКРЯ — с другой. Доклад д. ф. н. **Н.В. Козловской** (Санкт-Петербург) «Разговорная лексика в интернет-сообществе “Клуб финских дачников”» был посвящен разговорным словам и выражениям, собранным в процессе наблюдения за речевым поведением участников “Клуба финских дачников” в мессенджере “Телеграм”. Докладчик подчеркнул важность исследования интернет-коммуникации для фиксации новых разговорных лексических единиц. В выступлении д. ф. н. **Т.М. Григорьевой** (Красноярск) “Феномен разговорности в проповедях Протоиерея Андрея Ткачева” обсуждалось размывание жестких границ высокого стиля, которое подтверждается многочисленными примерами внедрения разговорных элементов в религиозно-проповеднические тексты. Об особенностях функционирования дискурсивных слов в современной поэзии в сопоставлении с разговорной речью шла речь в совместном докладе д. ф. н. **О.В. Соколовой** и **Е.В. Захарки** (Москва) “Аномальное употребление дискурсивных слов как маркеров разговорной речи в современной поэзии”. Доклад к. ф. н. **З.Ю. Петровой** и д. ф. н. **Н.А. Фатеевой** (Москва) “Разговорные метафоры и сравнения в структуре повествования (на материале современной

русской прозы)” был посвящен взаимодействию компаративных тропов, содержащих лексику разговорной речи, просторечия и жаргонов, с различными типами повествования в прозе начала XXI века (в романах Е. Водолазкина, А. Иванова, Г. Яхиной и др.). Заседание секции закрыло выступление д. ф. н. **Т.А. Милёхиной** (Саратов) “Официальное, разговорное и виртуальное в современной устной деловой коммуникации”, в котором на материале записей телефонных диалогов клиентской службы доставки одной из крупных российских компаний была проанализирована устная форма официально-делового стиля, в которой смешиваются официальные и разговорные черты; при этом характер смешения зависит от коммуникативной роли говорящего.

В последний день конференции было прочитано 15 пленарных докладов.

Утреннее заседание открылось выступлением д. ф. н. **Н.Б. Мечковской** (Минск). “Первый академический проект по исследованию разговорной речи: лингвистические открытия и концептуальные следствия”, в котором были описаны важные вехи изучения русской разговорной речи с конца XIX в. до наших дней. Отдаленными истоками интереса к разговорной речи и ее постепенной легитимации в нормативном пространстве языка было возросшее на рубеже XIX–XX вв. благодаря радиовещанию и грамзаписи внимание к сценической и публичной устной речи, а также к речи непубличной и спонтанной. Докладчик отметил особую роль “Толкового словаря русского языка” под ред. Д.Н. Ушакова в истории социокультурной легитимации разговорной речи. Однако по-настоящему “узаконил” понимание разговорной речи как одной из двух форм литературного языка (наряду с книжной) цикл работ, осуществленных в 1970–1980-е годы коллективом авторов по инициативе М.В. Панова и под руководством Е.А. Земской и посвященных разговорной морфологии, синтаксису, словообразованию и фонетике. В докладе также обсуждался вопрос о роли разговорной речи, а именно ее “триумфе”, в современной коммуникации. Н.Б. Мечковская высказала в связи с этим тревогу за судьбу кодифицированного языка: не станет ли разговорный язык общенародным и литературным, поглотив кодифицированный?

В докладе д. ф. н. **В.И. Карасика** (Москва) “Коммуникативные запреты нашего времени” были описаны избегаемые модели коммуникативного поведения в современной России, такие как недопустимость патетики, неприемлемость замедленной реакции на события и

нежелательность демонстрации увлеченности работой и учебой. Докладчик отметил, что эти запреты обусловлены такими экстралингвистическими обстоятельствами, как ускорение темпа жизни, ювенилизация общения, стремительный рост объема информации и общая демократизация общественных отношений.

Д. ф. н. **Г.Е. Крейдлин** (Москва) выступил с докладом “Параязык в русской разговорной речи XXI века: функции, значение, употребление”, подготовленным совместно с к. ф. н. **Е.Я. Шмелевой** (Москва). В нем была представлена классификация параязыковых единиц, а также были описаны их функциональные, семантические и синтаксические особенности в устных текстах нашего времени и графическое представление этих единиц в письменных вариантах тех же текстов. Такое описание, несомненно, дополняет словарный современный русский язык и словари языка русских жестов и служит основой для построения словаря русских параязыковых единиц.

Тему параязыка разговорной речи продолжил доклад председателя Оргкомитета Чтений д. ф. н. **Л.П. Крысина** (Москва) «“Жестовые” слова и их описание в толковом словаре», посвященный словарным описаниям “жестовых” слов в “Толковом словаре русской разговорной речи”. Под “жестовыми” понимаются слова, употребление которых в устном и обычно визуальном общении сопровождается или может сопровождаться какими-либо жестами, телодвижениями, мимикой (*давай* как формула прощания, *так* ‘не вполне хорошо’, *мсс!* и т.п.). Докладчик подчеркнул важность представления в толковом словаре, помимо семантической, грамматической и иной лингвистической информации, сведений о кинетическом поведении говорящих при употреблении ими определенных групп лексики и отдельных слов.

К. ф. н. **И.Б. Левонтина** (Москва) выступила с докладом “Как уст румяных без улыбки. О механизмах грамматических ошибок”, в котором рассмотрела лексическую единицу *уже как*, которая активно используется последние несколько десятилетий (*уже как четыре месяца...* вместо нормативного *уже четыре месяца, как...*). Было отмечено, что хотя конструкция с этой новой лексической единицей не осознается, не замечается подавляющим большинством носителей русского языка (в том числе имеющих филологическое образование), тем не менее ее частотность и постепенный выход за пределы разговорной речи не вызывают сомнений.

В докладе д. ф. н. **Г.И. Кустовой** (Москва) “Об одном типе квантитативных разговорных

конструкций (*много кто*)” речь шла о степени разговорности конструкций *мало/много кто/что/где/какой/чей*, а также об их происхождении (в результате редукции исходной конструкции с местоименной парой) и грамматических свойствах. Отмечалось стилистическое различие указанных конструкций: *мало кто* — нейтральная, в то время как *много кто* — разговорная, более маркированная. Для обсуждения грамматических свойств рассматриваемых конструкций использовался термин “слусинговый падеж” — падеж, который управляется предикатом из исходного (реконструируемого) придаточного (*много чему радовался, много в чём признался* и т. п.).

Д. ф. н. **Н.И. Клушина** (Москва) в докладе «Русская разговорная речь в Интернете: категория разговорности и “новая устность”» обратила внимание на необходимость дифференциации понятий “категория разговорности”, “разговорная речь” и “разговорный стиль”, выработанных отечественной лингвистикой. Докладчик указывал на то, что категория разговорности не только придает интернет-коммуникации устно-письменный характер, но и реализует важнейшую функцию языка — креативную, поскольку пользователи интернета прибегают к различным неустным способам передачи устности на письме. Обсуждалось формирование нового (медийного) варианта языка, реализующего “новую устность” (согласно концепции Уолтера Дж. Онга). Н.И. Клушина отмечала, что в будущем неизбежна трансформация русского литературного языка для потребностей коммуникации цифрового общества, поскольку наблюдаемые новые языковые явления носят не случайный, а системный характер.

Тема категории разговорности обсуждалась также в выступлении к. ф. н. **Е.С. Кара-Мурзы** (Москва) «Стилистический спектр российской “журналистики стиля жизни” через оппозицию разговорности и книжности». Разговорность (вместе с ее “оппозицией” — книжностью) рассматривалась в докладе на примере такого направления, как журналистика стиля жизни, сравнительно новой разновидности отечественной досуговой журналистики, которая сложилась в 1990-е годы. Полюсами разговорности здесь являются издания массовые (новостной лайфстайл, телегиды), а полюсом книжности — так называемый матовый лайфстайл. Причём в таблоидах сниженность, с одной стороны, работает как экспрессивность, с другой — свидетельствует о невысоком культурно-речевом уровне авторов. Кроме того, сниженная разговорность проявляется как

социостилистическая норма “мужского глянца” (в противопоставлении “женскому”).

Закрылось утреннее пленарное заседание выступлением д. ф. н. **Е.Л. Березович** (Екатеринбург) “Нонстандартная лексика: есть ли разрешающий смысл у термина? (на примере нонстандартной лексики камня в русском языке)”. Докладчик обратился к русской лексике, обозначающей минералы, минералоиды, горные породы, которая находится вне рамок официальной научной номенклатуры. За этим разнородным лексическим пластом предлагается закрепить термин “нонстандартная лексика камня”. Были выделены социолингвистические пласты, составляющие нонстандартную минералогическую лексику в ее узком понимании: диалектный; профессиональный и жаргонный; арготический; просторечный. Отдельно обсуждались также названия, возникшие в результате искусственной номинации (в частности, торговые).

Д. ф. н. **В. Вардиц** (Потсдам) открыла вечернее пленарное заседание докладом “Социолингвистический и коммуникативный статус языка русской диаспоры”, в котором обсуждались параметры языкового варьирования, позволяющие охарактеризовать социолингвистический статус повседневной речи эмигрантов в отношении языкового континуума как диаспоры, так и метрополии. Докладчица отметила, что коммуникативный статус диаспоры определяется его социолингвистическим статусом. Разговорная речь диаспоры и метрополии сопоставимы: смешение кода в речи диаспоры отчасти объяснимо законами языковой экономии и креативным потенциалом разговорной речи. Однако билингв оперирует средствами обеих языковых систем, используя их как один репертуар элементов для порождения речи.

В фокусе доклада д. ф. н. **С. Янурика** (Будапешт) “Новые глаголы-англицизмы в русской разговорной речи начала XXI века как объект лексикографии” стояли проблемы представления новых глаголов-англицизмов в словарях разных типов, опубликованных за последние 10 лет: в неографических изданиях, в словарях (новых) иноязычных слов, а также в академических толковых словарях и в специальных изданиях, описывающих современный русский язык в интернете. Особое внимание уделялось таким зонам словарных статей, как этимологическая справка, грамматическая информация и стилистические пометы.

К. ф. н. **Е.Э. Бабаева** (Москва) в докладе “*Мадам*: коннотативный потенциал одного заимствования” проанализировала историю развития

семантики слова *мадам* в русском языке с начала XVIII в. В центре внимания докладчика было использование этого существительного в значении ‘женщина’, которое может выражать ироническое отношение говорящего. Это ироническое отношение базируется на коннотациях, которые, меняясь на протяжении времени, подпитывались и подпитываются экстралингвистическими факторами.

В выступлении к. ф. н. **Е.А. Никишиной** (Москва) “Слова *фигушки* и *хренушки* как специфическое средство выражения отрицания в русской разговорной речи” обсуждалась семантическая и синтаксическая специфика слов *фигушки* и *хренушки*, которые, являясь сниженными аналогами частиц *не* и *нет*, тем не менее отличаются от них целым рядом признаков, в частности сочетаемостью и сферой действия отрицания. Например, глагол с отрицанием, выраженным словами *фигушки* и *хренушки*, не может присоединять прямое дополнение в родительном падеже (в отличие от *не*) (*Он не нашел чистые носки / чистых носков* vs *Хренушки он нашел чистые носки / *чистых носков*).

Доклад **А. Раскиной** (Новый Орлеан, США) “Вам наслайсать или писом?” был посвящен англоязычным вкраплениям в устную речь русских эмигрантов в США в XXI в. Отмечалось, что включение в речь английских слов в их русифицированном фонетическом облике и морфологическом оформлении, как правило, используется для обозначения явлений или понятий: а) с которыми эмигрант не встречался на родине; б) с которыми на родине он встречался значительно реже; в) которые на родине обозначают несколько иные явления или понятия (*харикейн* вм. *ураган*, *кэш* вм. *наличные деньги*, *таксы* вм. *налоги* и мн. др.). При этом мотивы предпочтения английских вариантов русским словам в случае, когда речь идет о вещах, хорошо известных говорящему по его жизни в России, менее понятны (*казин* вм. *двоюродный брат*, *роч* вм. *таракан* и т.п.). Речь шла также о кальках с английского (например, в названиях национальностей: *чёрные* вм. *негры*, *жёлтые* вм. *китайцы*). Характер таких вкраплений во многом зависит от различных факторов: таких как образование эмигранта, возраст, в котором он приехал в США, среда, в которую он попал по приезде, и нек. др.

Выступлением, завершившим Четырнадцатые Шмелевские чтения, был совместный доклад д. ф. н. **А.Н. Баранова** и д. ф. н. **Д.О. Добровольского** (Москва) “Динамика функционирования дискурсивных практик (на примере фразеологизмов-конструкций)”. Д.О. Добровольский указал на то, что

речевой потенциал фразеологизмов-конструкций непредсказуем: каждая из них ведет себя индивидуально. Некоторые выражения приобретают статус фразеологизмов-конструкций и, осваиваясь носителями языка в роли дискурсивных практик, постепенно повышают свою узуальную активность, другие — снижают употребительность, а третьи — сохраняют стабильность в употреблении. При этом прогнозировать поведение фразеологизмов-конструкций не представляется возможным.

После окончания пленарного заседания участники конференции могли обменяться мнениями обо всех вопросах, которые затрагивались в выступлениях.

Международная научная конференция “Русская разговорная речь начала XXI века” (Четырнадцатые Шмелевские чтения) стала важным событием в жизни лингвистического сообщества. Она предоставила коллегам возможность обсудить актуальные вопросы изучения современной русской разговорной речи и наметить перспективы дальнейших исследований.

С основным содержанием докладов можно ознакомиться, обратившись к сборнику тезисов Шмелевских чтений, опубликованном на сайте Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

А. Р. Пестова
Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
pestova2012@gmail.com

Anna R. Pestova
Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
pestova2012@gmail.com

Для цитирования: Пестова А.Р. Международная научная конференция “Русская разговорная речь начала XXI века” (Четырнадцатые Шмелевские чтения) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 110–118. DOI: 10.31857/S160578800027397-2

For citation: Pestova, A.R. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Russkaya razgovornaya rech nachala XXI veka”* (Chetyrnadcatye Shmelevskie chteniya) [An International Scholarly Conference “Russian Colloquial Speech of the Beginning of the 21st Century” (The Fourteenth Shmelev Readings)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriiâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 110–118. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027397-2

Дата поступления материала в редакцию: 2 мая 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 3 июня 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on May 2, 2023
Revised on June 3, 2023
Accepted on June 15, 2023
Date of publication: August 31, 2023

Подписывайтесь на журнал «Известия Российской академии наук, серия литературы и языка»!

Подписка принимается на почте по объединенному каталогу «Пресса России». Приобрести журнал «Известия Российской академии наук, серия литературы и языка» можно по адресу <https://press.gaugn.ru/>.

Ознакомиться с журналом и подать заявку на публикацию статьи можно по адресу: <https://ras.jes.su/sliya>.

В рамках выполнения задания Российской академии наук открыта для использования новая интернет-платформа, обеспечивающая полный цикл подготовки, рецензирования, редактирования, публикации, распространения и индексирования научных статей. Этот интернет-ресурс размещён по адресу: <https://RAS.JES.SU>.

Данная платформа обеспечивает возможность для авторов:

- ✓ подать заявку на публикацию в онлайн-режиме и проследить все этапы её рассмотрения;
- ✓ осуществить доработку и редактирование материалов после получения рецензии.

Дополнительные возможности для редакторов:

- ✓ назначить рецензентов и обеспечить их работу в формате двойного слепого рецензирования в онлайн режиме;
- ✓ использовать функции технического перевода на английский язык, транслитерации, проверки на некорректные заимствования;
- ✓ оперативно сформировать и опубликовать выпуски научных журналов.

При этом присвоение DOI и индексация материалов в ведущих наукометрических базах данных осуществляется в автоматическом режиме.

Приглашаем учёных и исследователей ознакомиться с этим ресурсом и использовать эту систему для быстрой и удобной публикации результатов своей научной работы с использованием новых информационно-технологических возможностей!

Журналы РАН, размещённые на платформе RAS.JES.SU

Азия и Африка сегодня	Общество и экономика
Вестник древней истории	Проблемы Дальнего Востока
Вопросы истории естествознания и техники	Психологический журнал
Вопросы языкознания	Русская литература
Государство и право	Русская речь
Известия Российской академии наук.	Славяноведение
Серия литературы и языка	Социологические исследования
Латинская Америка	Человек
Новая и новейшая история	Экономика и математические методы
